

Ленинградский государственный университет  
имени А. С. Пушкина

## **ВЕСТНИК**

**Ленинградского государственного университета  
имени А.С. Пушкина**

*Научный журнал*

**№ 2  
серия история**

Санкт-Петербург  
2008

**Вестник  
Ленинградского государственного университета  
имени А. С. Пушкина**

**№ 2**  
**Основан в 2006 году**  
серия история

---

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени  
А. С. Пушкина

*Редакционная коллегия:*

В. Н. Скворцов (главный редактор),  
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),  
Н. В. Поздеева (отв. секретарь),  
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

*Редакционный совет:*

В. А. Вереме́нко, доктор исторических наук, доцент;  
В. С. Волков, доктор исторических наук, профессор;  
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;  
А. В. Похилюк, доктор исторических наук, профессор;  
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор;  
В. В. Фортунатов, доктор исторических наук, профессор;  
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева  
Редактор А. А. Титова  
Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**  
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:  
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин,  
Петербургское шоссе, д.10  
Тел/факс (812)476-90-34  
<http://www.lengu.ru>

©Ленинградский государственный  
университет (ЛГУ)  
имени А.С. Пушкина, 2008

## Содержание

### ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*Л. Н. Семёнова*

Состояние начального народного образования  
в первый период деятельности уездных земств  
Санкт-Петербургской губернии..... 5

*С. В. Зайцева*

Земские учреждения и подкидыши в конце XIX века..... 20

*Н. Ю. Иванченко*

Условия труда и быта учителей Ленинградской области  
в послевоенные годы..... 34

### СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

*О. А. Яковлева*

Законодательная деятельность Государственной думы  
и проблемы охраны Дальневосточного морского побережья в начале XX в..... 46

*В. А. Вереминко*

Наследственные права детей в родовом имуществе дворян  
в России во второй половине XIX – начале XX в. .... 57

*И. А. Тропов*

Проблема взаимоотношений местного партийного  
и советского аппарата в России в 1917–1918 гг. .... 74

*В. М. Курмышов*

Вопрос о базировании Балтийского флота в 30-е гг. XX вв..... 85

*В. О. Левашко*

Основные формы и методы политического обеспечения  
боевой деятельности надводных кораблей Краснознаменного  
Балтийского флота во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. .... 104

*О. В. Капустина*

Деятельность Советского государства  
по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан  
во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг.  
(на основе анализа пенсионного законодательства)..... 112

### ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

*С.Н. Травкин*

О прекращении деятельности монетных дворов  
на территории Юго-Восточной Европы в XIV–XVI вв. .... 123

*Е. Н. Кириллова*

Контроль за весом, ценой и качеством хлеба  
в средневековом городе (на примере Реймса) ..... 133

*А. В. Гостенков*

Дипломатия кайзеровской Германии и первый марокканский кризис ..... 143

### ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

*Л. Ю. Гусман*

Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. .... 164

*Н. Д. Козлов*

Сомов В. А. Потому что была война... Внеэкономические факторы  
трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)... 167

Сведения об авторах..... 172

## CONTENTS

### **The history of education**

*Semenova L.N.*

The state of primary public education in the early work  
of county zemstvos of St. Petersburg Province ..... 5

*Zaitseva S.V.*

Organizations of Russian zemstvos and foundlings' care at the close  
of the 19<sup>th</sup> century ..... 20

*Ivanchenko N.Y.*

The Working condition and a life of teachers of Leningrad region  
in post-war years ..... 34

### **Russian history pages**

*Yakovleva O.A.*

Legislation of the State Duma and the problem of protecting  
of the Far Eastern seacoast at the beginning of XX century ..... 46

*Veremenko V.A.*

Children's inheritance rights in the nobility's patrimony in Russia  
in the second half of XIX - beginning of the twentieth century ..... 57

*Tropov I.A.*

The problem of the relationship of local Party and Soviet machinery  
in Russia in the 1917–1918 ..... 74

*V.M. Kurmyshev*

Question of deployment of the Baltic fleet in 1930 s. .... 85

*Levashko V.O.*

The basic forms and methods of political ensuring of the battle activity  
of the surface ships of Krasnoznamenny Baltic Fleet during  
the Soviet-Finnish War 1939–1940 ..... 104

*Kapustina O.V.*

The activities of the Soviet state to improve the pensions of citizens  
in the second half of 1950 - mid 1980's  
(based on an analysis of pension legislation) ..... 112

### **Some problems of World history**

*Travkin S.N.*

On cessation of mint functioning within the territory  
of Southeast Europe during XIV–XVI centuries ..... 123

*Kirillova E.N.*

Control over the weight, price and quality of bread in the medieval town  
(on example of Reims) ..... 133

*Gostenkov A.V.*

Diplomacy of Keiser Germany and the first Moroccan crisis ..... 143

### **Reviews**

*Gusman L.Y.*

Chernuha V.G. Passport in Russia. 1719–1917 ..... 164

*Kozlov N.D.*

Somov V.A. Because it was a war ... Noneconomic factors of labor  
motivation during the Great Patriotic War (1941–1945) ..... 167

About authors ..... 172

# ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.01(470-23)(091)"18"

ББК 74.03(2-сп8)52

*Л. Н. Семёнова\**

## **Состояние начального народного образования в первый период деятельности уездных земств Санкт-Петербургской губернии**

В данной статье раскрывается вопрос о деятельности земств Санкт-Петербургской губернии в развитии начального народного образования в 60–80-е годы XIX века. Автор раскрывает основные направления деятельности общественности в становлении новой (земской) школы, обеспечении ее педагогическими кадрами, вскрывает проблемы в развитии народного образования в начале земской деятельности.

This article expands on the work of zemstvo of St. Petersburg province in the development of primary popular education in the 1860–80-s. The author reveals the major activities of the public in the establishment of a new school, ensuring its teaching staff, reveals the problems in the development of public education in the early zemstvo's activities.

**Ключевые слова:** Санкт-Петербургская губерния, уезд, начальное образование, народная школа, земство, земские учреждения.

**Key Words:** St. Petersburg Province, uyezd, primary education, popular school, zemstvo.

Более 140 лет тому назад в русскую деревню пришли земские деятели, которые стремились дать крестьянам знания, необходимые для их практической жизни. Они стремились придать образованию статус главного фактора прогресса страны. Образование, по убеждению земских деятелей, являлось важнейшим источником

---

\* **Семёнова Людмила Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

роста благосостояния народа. Однако существовавший тогда в стране уровень народного образования не соответствовал, по мнению общественности, возлагавшимся на него задачам.

По данным одного из губернаторских отчетов за 1867 г., к началу деятельности земств Санкт-Петербургской губернии на ее территории проживало 576653 души обоего пола. Число учащихся относилось к общему числу жителей как 1:182. Около 50 училищ различного типа обеспечивали образование 3164 учащихся. Губернатор перечислял в отчете имевшиеся в губернии типы учебных заведений, их количество и число учащихся [7. Оп. 1 Д. 3358]. Уездные и приходские училища, училища при неправославных церквях, егерское училище при Лисинском учебном лесничестве, приходские училища и приходские классы при уездных училищах представляли собой различные типы сельских начальных народных (в основном крестьянских) школ.

В 1871 г. инспектор народных училищ Санкт-Петербургской губернии Ф. Слупцкий обследовал народные училища ряда уездов губернии. Во всех из 17 обследованных им училищ Царскосельского уезда инспектор обнаружил отсутствие необходимой материальной базы, низкий уровень жизни учителей, их малочисленный состав, выбытие учащихся из школы, нищету и убогость [14, с. 127–153].

Пока государственные чиновники разрабатывали стратегию и тактику осуществления реформы народного образования, сам народ брал инициативу в свои руки. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП) за 1868 г. сообщал такой факт: крестьяне деревни Буря, находившейся в 70 верстах от Петербурга, обратились к помещице, «госпоже В.», с просьбой «устроить школу и учить детей с условием, что они всей деревней выйдут на несколько дней на работу в пользу помещицы. Госпожа В. охотно согласилась на просьбу крестьян и для обучения чтению и письму предложила труд двух своих дочерей, ... а за неимением учебных руководств – несколько старых французских романов в русском переводе». Затем была «отыскана изба», сколочены столы и скамьи, и работа школы началась. Впоследствии в помощь дочерям помещицы «приискан был грамотный крестьянин, с оплатой по 10 рублей за зиму». Уча-

щихся мальчиков и девочек в открытой таким образом школе было более 50 чел., и учились «они с большим успехом» [3, с. 322–323].

Этот факт, приведённый в правительственном журнале, стал проявлением позиции официальных кругов, желавших предоставить заботу о развитии народного образования самому населению. А инициатива последнего в развитии народного образования находила отражение в участии наиболее образованной части сельского населения в преподавательской деятельности. Не имея специального педагогического образования, а порой и опыта, но обладая трудолюбием и интересом, подвижники народного образования в ущерб личному счастью и материальному благополучию за мизерную плату, в полном смысле этого слова, шли в народ, сея «разумное, доброе, вечное». В том же журнале за 1872 г. находим сообщение о Лыдыжском сельском училище Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, в котором учительница, вдова священника, госпожа Молчанова, воспитанница Нарвского частного пансиона, прослушала летние педагогические курсы в городе Гдове в 1870 и 1871 гг., «усвоила хорошие педагогические приемы и ведет занятия осмысленно. Учитель еще мало опытен, но трудолюбив и интересуется своим делом» [4, с. 116].

Преподавали в народной школе и случайные люди. Сообщая сведения о начальных народных училищах Санкт-Петербургской губернии губернскому земскому собранию (заседание 11 декабря 1875 г.), директор народных училищ привел пример о рабочем с фабрики, у которого расстроилось здоровье. Этот рабочий исполнял обязанности учителя в одной из школ губернии. Вся его методика сводилась к тому, что ученики одним и тем же тоном по команде тянули слова по слогам [9]. Слышал этот педагог, что дети должны читать хором, а, как это делается, не видел. Такая школа не нужна была никому, никакой пользы она не приносила и только отталкивала народ.

Ситуация в отечественном народном образовании глубоко волновала общественность страны, в том числе и только что созданные земства, но какими могут быть формы участия в развитии образования, ответить было не просто. Министерские предписания гласили,

что школы должны открываться за счет самих крестьян и «только в том селе, которое ее (школу) пожелает». Главнейшая обязанность земств – поощрять сельские общества к дальнейшему открытию училищ» [8, с. 42].

Учитывая стремление крестьян к образованию и их готовность финансировать школы для своих детей, земства приступили к оказанию помощи в виде поощрений сельским обществам, содержащим или открывающим народные школы. Сумма поощрений была невелика, что объяснялось скудным бюджетом и статусом народного образования как необязательной статьи расходов земств. Вплоть до второго десятилетия XX века суммы расходов на народное образование уступали другой статье необязательных расходов земств – на народную медицину. Уже в 1871 г. в докладе управы для гласных Санкт-Петербургской губернии приводился следующий свод уездных земских смет. В сметах указаны как обязательные статьи расходов, так и статьи необязательных расходов, к которым относились медицина и образование [13, с. 36–37]. Исходя из представленных данных можно сделать вывод, что расходы уездных земств на медицину и народное образование были небольшими, и в среднем в уездах Петербургской губернии не превышали 11 %. Несмотря на колебания в сметах по уездам, следует отметить, что уездные земства на первом этапе своей деятельности стремились принести пользу народу, оказывая поддержку уже имевшимся учреждениям здравоохранения и народного образования. Причем из двух необязательных статей расходов лидировали расходы на народное здравие.

Добиваясь от сельских обществ сохранения старых школ, земства приступили к «совместному участию» в их финансировании.

О состоянии учебного дела в уездах Санкт-Петербургской губернии в 60-70-е гг. можно судить по немногочисленным сведениям, сохранившимся на страницах периодической печати. Так, к примеру, в Петербургском уезде до 1865 г. школ почти не существовало. Увеличение их численности началось с 1867 г. Из 18 волостей в семи были открыты школы на народные деньги. Лишь с 1868 г. уездное земство выделило первые ассигнования. В 1871 г. в Петербургском уезде имелось уже 22 школы, в которых обучалось 1362 ученика.

Сумма расходов достигла 9832 руб. В 1872 г. в уезде открылись еще три школы, и контингент учащихся достиг 1442 чел., на нужды которых земство выделило 10229 руб.

В том же Санкт-Петербургском уезде с 1867 по 1874 г. доля учащихся от числа детей школьного возраста увеличилась с 18 % до 31,68 %. Вырос процент учащихся по отношению ко всему населению губернии (с 1,17 % до 3,97 %). Общий расход на содержание одного ученика в год вырос почти в полтора раза и составил 4 руб. 86 коп. в год. При этом жалование учителей достигло 280 руб. (в 1867 г. – 214 руб.) в год, что было выше, чем в других земских губерниях [16, с. 30].

Осознание своего долга перед народом привело к тому, что земства год от года увеличивали свои расходы на народную школу, о чём свидетельствует рост земских смет на народное образование. Оно было той сферой, в которой благодаря земствам, произошли коренные изменения. С внешней стороны это проявлялось в количественном росте низших учебных заведений. Такой рост наблюдался во всех имевшихся типах начальных школ в среднем в три, а по общественным одноклассным – в четыре раза.

В конце 60 – начале 70-х гг. благодаря заботам уездных земств начальная школа превратилась в общественно-земскую школу. В отчётах и сведениях училищных советов, земских управ, уездных и губернского собраний за 80–90-е гг. XIX в. земская школа стала занимать отдельную строку.

В период становления народной школы главной заботой уездных земств Санкт-Петербургской губернии был её количественный рост. Финансируя ту или иную сельскую общественную школу, земские деятели стремились превратить ее в земскую, взяв на себя организацию учебно-воспитательного процесса. С этой целью с середины 70-х годов XIX в. уездные земства увеличили бюджетные сметы расходов на народное образование, повысили размер жалования и пособий учителям.

Первоначально уездные деятели выясняли позиции сельских обществ по вопросу о возможности содержать имевшиеся школы и открывать новые. Затем земства стали выделять первые пособия на

содержание школ и учительского персонала и совместно с сельским обществом приступили к финансированию школ. Только совместными усилиями удавалось сохранить имевшиеся и открывать новые школы. Например, в Царскосельском уезде (1879–1880 гг.) земство совместно с сельскими обществами содержало 23 училища (всего школ было 49), в которых обучалось 1.629 человек при 26 преподавателях и 14 законоучителях. Всего в уезде обучалось 2275 человек, из которых 3/4 были учащимися школ, которые содержало земство [5, с. 53–54].

Количественный рост числа начальных учебных заведений был одной из сторон возросшего участия земства в становлении и развитии народной школы. Следует отметить, что этот рост был постоянным. Значительное увеличение числа всех типов начальных учебных заведений для народа приходится на 1874–1883 гг. В эти годы колоссальный скачок сделала общественная сельская школа (количество школ данного типа увеличилось в четыре раза). Усилила свои позиции и земская школа.

Благодаря земскому участию бюджет народных сельских школ стал расти. В начале 70-х гг. XIX в. он составлял 215 руб. (по некоторым данным 311 руб.), в 1880 – 443 руб., 1884–1885 – до 600 руб. К середине 90-х гг. XIX в. земские расходы на школу выросли вдвое и составили 45,9 % от общей суммы ассигнований [1, с. 212].

К числу общественных и земских одноклассных училищ (школ) принадлежало почти 1/3 всех начальных школ, имевшихся в губернии. В качестве итоговых цифр эти данные можно считать условно. Одной из особенностей начальных школ того времени было то, что они легко открывались и быстро закрывались и были весьма неустойчивыми.

Принцип совместного содержания народных (сельских) школ стал ведущим в земской деятельности. Народная школа была не только сохранена, но и приобрела новое содержание, укрепила свою материальную базу на основе систематического финансирования, получила надежного защитника в лице уездных земств.

На рубеже XIX–XX вв. динамика изменений земских расходов на народное образование впервые подверглась изучению. В.В. Гри-

горьевым был отмечен рост земских расходов на народное образование с 1869 по 1885 г. [2, с. 492]:

За 15 лет расходы на образование увеличились почти в три раза, составляя в 1869 г. – 5,8 %, в 1874 г. – 11,4 %, в 1879 г. – 13,7 %, в 1885 г. – 16 %.

Автор «Очерка» в Предисловии отметил компилятивный характер книги. Она написана по заимствованным у других авторов материалам без их обработки и собственного исследования. Данные В.В. Григорьева, хотя и неподтвержденные ссылками на источник информации, в главном отражают общую тенденцию увеличения земских расходов на народное образование. Это подтверждала и официальная статистика. По данным Московского комитета грамотности, процентное отношение сметы на нужды народного образования к общим земским сметам выражалось в следующей прогрессии [6, с. 137]:

за 1871–1875 гг. – 10,19;

за 1876–1880 гг. – 13,71;

за 1881–1885 гг. – 15,51;

за 1886–1890 гг. – 15,90.

Расхождение в данных двух источников незначительное, что позволяет сделать вывод о достоверности информации и объективном отражении происходивших процессов. Государство вынуждено было признать заслугу земств в развитии начального народного образования.

За указанные годы рост расходов на народное образование наблюдался и в Санкт-Петербургской губернии. По данным уездных управ, рост расходов в губернии за 25 лет увеличился в 5,6 раза: с 26 тыс. руб. до 150 тыс., в частности, на 84708 руб. увеличились ассигнования на народные училища, в содержании которых участвовало земство [11, с. 4].

Однако в силу ограниченных финансовых возможностей уездных земств расходы на народное образование росли медленно. В сравнении с 1877 г. к 1890 г. бюджет земств увеличился всего в 1,5 раза. В начале XX в. темп прироста по-прежнему был низким. В 1903 г. сметы уездных земств в сравнении с 1877 г. увеличились в

3,3 раза. С другой стороны, и расходы по народному образованию росли крайне медленно, за исключением Гдовского уезда, в котором они выросли в 2,5 раза. При этом необходимо учесть, что в 1877 г. Гдовский уезд более чем в два раза, а в сравнении с Лужским, Новоладожским, Петергофским и Шлиссельбургским уездами более чем в три раза отставал по статье расходов на народное образование от других уездов губернии. В целом по губернии к 1890 г. расходы по народному образованию увеличились в 1,3 раза, а в 1903 г. – в 1,6 раза в сравнении с 1877 г.

Это явление было закономерным. Во-первых, потому, что до начала 90-х гг. XIX в. губернское земство не принимало участия в финансировании сельской народной школы, а бюджет уездных земств и обязанности перед администрацией нести обязательные расходы не позволяли им тратить больше денег на развитие начального образования, чем могли. Во-вторых, в сознании земских деятелей господствовало убеждение, что дело народного образования – дело самого народа, главным образом крестьянства. Поэтому народ, сельские общества, по мнению земств, должны были нести основную тяжесть расходов на содержание народных школ. А земства брали на себя осуществление ограниченного финансирования в виде различных пособий учителям и существующим народным школам. На средства обществ нанимались и содержались помещения для школ, почти полностью обеспечивалась доставка учебных принадлежностей и, наконец, оплата жалования учителям.

Как уже отмечалось выше, от финансирования зависел рост количества школ и учащихся. Ни в 70-е, ни в 80-е гг. XIX в. еще не было официальной статистики по народному образованию. О состоянии дел мы можем судить на основе докладов и сведений, составленных членами губернских и уездных земств для земских собраний, отчетов Училищных советов.

Несмотря на то, что расходы земств на народное образование росли сравнительно медленно, в то же время они неуклонно и равномерно увеличивались. Если в 1872 г. уездные земства Санкт-Петербургской губернии расходовали 5,8 % сметы, то в 1880 г. уже 13,4 %, в 1890 г. – 17,2 %, а в 1900 г. – 19,3 %. При этом колебания

по уездам были существенными. Например, расходы Гдовского уезда в 1890 г. составляли 10,9 % сметы, а Санкт-Петербургского доходили до 21,6 % [12]. В среднем расходы по народному образованию губернского земства составляли в 1873–1895 гг. около 1/5 – 1/4 сметы.

Расходы земств носили бессистемный характер. Вначале земское участие в школьном деле определялось принципом «поощрения». В большинстве своем «поощрения» направлялись на «награды» и пособия учителям. С 1870-х гг. земства взяли на себя назначение постоянного жалования учителям.

В деятельности уездных и губернского земств прослеживается явное желание способствовать становлению и развитию начальной народной школы, совершенствованию ее организации. Однако составить полную картину состояния этого вопроса не представляется возможным. Во-первых, часто расходится информация, представленная Министерством народного просвещения и самими земствами, о количестве народных школ, содержащихся на средства земств. Во-вторых, статистические данные не подразделяются на уездные и губернские, что не позволяет выяснить долю участия соответствующих земств в тех или иных сферах народного образования. В-третьих, первые сведения по участию земств в развитии народного образования в уездах губернии носят не регулярный, а эпизодический, фрагментарный характер. В-четвертых, сами земства не уделяли должного внимания статистике вплоть до конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. Специально сбором сведений, их отслеживанием, анализом и обобщением земства губернии не занимались.

Дисциплина отчётности на всех уровнях отсутствовала. Не только ряд училищ, но и сами училищные советы составляли отчёты нерегулярно. Например, отчёты за 1881–1882, 1882–1883 уч. гг. для губернского собрания Санкт-Петербургского земства отсутствуют. Отсюда неполнота и частое несовпадение сведений о состоянии народного образования в уездах губернии в целом.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, земские сведения о состоянии народных училищ, в содержании которых участвовало земство, имеют важное значение. Они позволяют увидеть, чем была наполнена повседневная жизнь земств, указывают на основные направления деятельности земств, вскрывают нерешённые проблемы.

Несмотря на ограниченный характер земской деятельности в сфере народного образования, на первом этапе их существования следует отдать земствам должное в проявлении ими инициативы по развитию начального народного образования. «Самый ожесточённый противник земских учреждений должен согласиться, что в короткий срок своей деятельности земства успели оказать народному образованию такие услуги, ожидать которых мы не имели ни основания, ни права, и если бы вследствие непредвиденного несчастья эта деятельность была бы прекращена, то весь вред от такой перемены можно было бы сразу заметить на громадных утратах, какие понесло бы народное образование» [17, с. 3], – писал один из корреспондентов журнала Министерства народного просвещения. Появление в министерском журнале этой и других подобных публикаций свидетельствует о том, что правительство вынуждено было считаться с деятельностью общественности в лице земств в сфере народного образования и со временем признать их существенную роль в распространении грамотности среди сельского населения.

От финансирования во многом зависело наличие или отсутствие необходимого числа школ. По состоянию на 1 января 1884 г. в губернии было 494 начальные школы (училища), в которых обучалось 25120 человек и преподавало 932 учителя. Финансирование сельских школ осуществлялось из различных источников и в общей сумме составляло 508810 руб. 98 коп. [10].

Из текста «Сведений» за 1884 и 1893–1894 уч. гг. можно сделать вывод, что расходы по содержанию народных школ главным образом лежали на земских учреждениях и сельских обществах. Из земских учреждений именно уездные земства выступали инициаторами открытия и содержания сельских школ. Губернское земство до середины 90-х годов XIX в. фактически не участвовало в их финансировании.

Нижегородская выставка 1896 г. показала, что именно от самого общества во многом зависело развитие системы начального образования страны. Если в указанные годы министерские расходы на эти цели выросли чуть более в 0,4 раза, то расходы общественности (сельских обществ и земств) выросли почти в 1,6 раза (1,58) [6, с. 137].

На протяжении всего времени своей деятельности уездные земства Санкт-Петербургской губернии заботились не только об одном типе начальных школ, (народных сельских), из которых впоследствии выросли земские школы. Их внимание было обращено на все начальные школы как министерские и церковные, так и общественные, созданные на средства сельских обществ или частных лиц и общественных организаций.

Активная земская деятельность в области народного образования постоянно наталкивалась на противодействие со стороны официальных кругов. Государственная регламентация деятельности народных школ являлась основным тормозом развития и совершенствования учебно-воспитательного процесса. Приемлемый тип школы для народа искали не только земства, но и само государство, все более опасавшееся потерять свой контроль над системой народного образования и растущей инициативы земства. В то время как земские деятели все свои помыслы и усилия направляли на создание подлинно народной школы, готовой дать своим ученикам знания, необходимые для созидательной деятельности на благо России, Министерство народного просвещения и другие ведомства стремились создать замкнутый тип школ, не допускавший выхода крестьян из их привычной среды. По замыслу авторов этой идеи, если школа была сельской, то и учителя должны быть сельскими, т. е. уроженцами деревни. Этим можно объяснить преобладание крестьянского сословия в Санкт-Петербургской земской учительской школе, открытой в 1872 г.

Желание правительства еще более «удешевить» народное образование привело к росту церковно-приходских школ (80-е гг. XIX в.). Значительная часть уездных земств Санкт-Петербургской губернии пошла на выдачу пособий этим школам, в то время как почти все губернские земства страны отказались их финансировать. Так как уездные земские деятели рассматривали церковно-приходскую школу как вспомогательную ступень к просвещению народа, то они не противопоставляли этот тип школы другим, а содействовали его развитию.

Так как церковно-приходские школы, школы грамоты, сельские и земские одноклассные училища (школы) отвечали главной цели народного образования – распространению грамотности среди сельского населения, то уездные земства Санкт-Петербургской губернии безоговорочно включились в их финансирование. Несмотря на различия в суммах расходов на указанные типы начальных школ, всё здесь служило расширению сети начальных школ путем увеличения их количества. Участие в финансировании церковно-приходских школ и школ грамоты уездные земские деятели рассматривали в качестве еще одной возможности привлечения на свою сторону крестьян путем оказания им помощи в окончательном выборе в пользу земской школы.

В течение 20 лет земские деятели вырабатывали основные принципы земской школы. По их замыслу, она должна была коренным образом отличаться от имеющихся народных школ. Среди отличительных черт созданной земской школы следует назвать учебные планы и цели обучения, содержание и методику преподавания различных предметов, продолжительность обучения в данной школе, школьное здание и школьного учителя.

Земская школа в силу своего общественного характера была гибка к новациям, внедряемым в систему народного образования, в методику преподавания учебных дисциплин. Видный деятель земства, народный учитель Д.И. Тихомиров опубликовал в журнале «Народная школа» за 1872 г. методическое руководство «Обучение в народной школе». В первых номерах журнала Д.И. Тихомиров детально рассмотрел вопросы, связанные с задачами народной школы, методикой преподавания письма, организацией объяснительного чтения, использованием наглядности в изучении русского алфавита, его происхождении [15]. Подобные разработки служили надёжным помощником народных учителей в работе с крестьянскими детьми. Учебно-методическая деятельность народных учителей и земских деятелей в развитии начального народного образования была направлена на обеспечение всестороннего развития личности ребёнка, усиление воспитательной направленности обучения. Воспитание патриотов Отечества было составной частью всего дела образования народа.

Итак, получив в 1867 г. в свое распоряжение от ведомства Государственных имуществ низшие начальные училища (школы), земские управы и училищные советы Санкт-Петербургской губернии уже на следующий год приступили к их финансированию.

Земствами был выработан принцип совместного содержания народных школ сельскими обществами и земствами. Забота о хозяйственной деятельности школы (наем помещения, отопление, освещение, сторож) входила в сферу обязанностей сельских обществ. Земства ограничились своим участием в развитии начального народного образования выплатой поощрений к жалованию учителям. Таким образом, значительную часть расходов по содержанию народной школы в 60–70-е гг. XIX в. несли не земства, а сам народ.

В 60–70-е гг. XIX в., когда шел процесс становления начальной народной школы, Санкт-Петербургское земство также находилось в стадии становления, выработки основных принципов своей деятельности. На основе анализа имеющихся документов можно сделать вывод о том, что земские деятели четко следовали министерским предписаниям, а именно: народное образование, как необязательная (факультативная) статья земских расходов признавалась земствами делом самого народа и финансировалась незначительно.

После длительного, более чем 25-летнего, раздельного функционирования губернского и уездных земств в 90-е гг. XIX в. началось их сближение. Это проявилось не только в росте суммы расходов на народное образование, но и в том, что сельская народная школа, которая ранее признавалась сугубо уездной, т. е. финансировалась за счет уездных земств, теперь получала средства и от губернского земства. При поддержке Санкт-Петербургского губернского земства началось строительство школьных зданий для народных школ.

Несмотря на это, народная школа как в 60–70-е гг. XIX в., так и на рубеже XIX-XX вв., оставалась главной заботой уездных земств. Благодаря уездным земствам Санкт-Петербургской губернии народная школа была не только сохранена, но и росла численно, улучшалась её материальная база. В школу пришёл народный учитель, получивший специальные педагогические знания на курсах, учительских съездах и в земской учительской школе.

Земские деятели ставили своей задачей распространение грамотности среди сельского населения. Эту задачу они решали через народную школу различных типов: церковно-приходскую, сельскую (народную), школу грамоты, земскую.

Поддержка народного образования проявлялась через финансирование Санкт-Петербургским земством всех типов имеющихся народных школ. При этом значительные суммы выделялись именно на народные школы, в содержании которых участвовало земство. В 80-е гг. XIX в. школы, находящиеся под опекой уездных земств, стали превращаться в земские. В конце XIX в. земская школа была всеобщей, всеобщей, трёхгодичной, а в начале XX в. – четырёхлетней.

Система учебно-воспитательного процесса в земской школе была направлена на всестороннее развитие личности ребёнка, подготовку его к жизни в обществе. Более глубокие учебные программы, более широкий спектр учебных дисциплин, подготовленный учитель, свободный в выборе методов обучения, способствовали тому, что в 80–90-е гг. XIX в. крестьянин сделал свой выбор в пользу земской школы. Министерство народного просвещения оказалось бессильно в борьбе с земской школой.

#### **Список литературы**

1. Веселовский Б.Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской (ныне Петроградской) губернии (1865-1915 гг.). – Пг., 1917.

2. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. – М., 1900.
3. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1868. – Кн. 137.
4. Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений (университеты, гимназии, начальные народные училища) // Жур. Мин-ва нар. просвещения. – 1872. – Кн. 160.
5. Из доклада по народному образованию Училищного Совета от земства Царскосельского уезда земскому Собранию за 1879-1880 уч. гг. // Земская школа. – СПб. – 1881. – №1–2.
6. Народное образование на Всероссийской выставке в Н.-Новгороде в 1896 году. – СПб., 1897.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 – Фонды Вольного Экономического общества.
8. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ / сост. Н.А. Корф. – СПб., 1879.
9. Сведения о начальных народных училищах С.-Петербургской губернии, сообщённые г. Директором народных училищ С.-Петербургского Губернского Земского Собрания в заседании 11 дек. 1875 г. – СПб., 1875.
10. Сведения о состоянии в С.-Петербургской губернии народных училищ, в содержании которых участвует земство, к 1 января 1884 г. – СПб., 1884 .
11. Сведения о состоянии в С.-Петербургской губернии народных училищ, в содержании которых участвует земство, за учебный 1889-1890 г. / сост. П.Л. Корф, М.М. Стасюлевич. – СПб., 1890.
12. Сведения о состоянии в С.-Петербургской губернии народных училищ, в содержании которых участвует земство и города за учебный 1893–1894 год. – СПб., 1895.
13. Свод уездных земских смет и раскладок на 1871 год. Доклад управы для гласных Санкт-Петербургской губернии.
14. Слипцкий Ф. Начальные народные училища С.-Петербургской губернии // ЖМНП. – 1871. – Кн. 157.
15. Тихомиров Д.И. Обучение в народной школе // Народная школа. – 1872. – № 1-4 .
16. Ф.Б. Несколько слов о земском участии в деле народного образования // Народная школа. – 1875. – № 5.
17. Юркевич П. Планы и силы для первоначальной школы // ЖМНП. – 1870. – Кн. 148.

УДК 37.01(47+57)(091)"18"

ББК 74.03(2)53

*С. В. Зайцева\**

### **Земские учреждения и подкидыши в конце XIX века**

В статье рассматриваются основные способы призрения незаконнорожденных детей и подкидышей земствами Российской империи во второй половине XIX в. Среди них отмечены: воспитание детей в приютах, передача на воспитание частным лицам или благотворительным обществам, отправление детей в столичные воспитательные дома.

The article discusses the main ways of the care of the illegitimate children and foundlings by the zemstvos of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Among them the article mentions children's care in orphanages, fosterage to private person or to philanthropic organizations, children's sending to the capital Founding Hospitals.

**Ключевые слова:** незаконнорожденные дети, подкидыши, земства, воспитательные дома, приюты, патронаж, благотворительные общества, призрение, усыновление, отдача на воспитание.

**Key words:** illegitimate children, foundlings, zemstvo, Founding Hospitals, orphanage, patronage, philanthropic organizations, care, adoption, fosterage

Призрение незаконнорожденных детей в Российской империи осуществлялось не только в столицах, где существовали Воспитательные дома, но и в губерниях. История участия местных органов управления в заботе о детях берет свое начало со второй половины XVIII в., когда по распоряжению Екатерины II стали появляться воспитательные дома по аналогии со столицами и в других городах империи. В частности, для родившихся в губерниях детей предполагалось создавать местные пристанища, откуда питомцы двух – пятилетнего возраста отправлялись в Московский воспитательный дом для «совершенного воспитания и обучения» [7, с. 10].

---

\* **Зайцева Светлана Валентиновна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Однако, деятельность данных учреждений в провинциях, по мнению Министерства внутренних дел, не приносила пользы: недостаток помещения, кормилиц и присмотра приводил к высокой смертности. Тем самым задача сохранения жизни брошенных младенцев не выполнялась, а работа домов приводила к обратному результату.

Начиная с 1821 г. приказы общественного призрения, в ведении которых находились открытые учреждения, получили предписание «под благовидными предлогами» затруднять прием детей в воспитательные заведения, чтобы в конечном итоге его прекратить, приюты закрыть, а детей передать на воспитание благотворителям. В результате в 1828 г. было принято «высочайше» утвержденное положение Комитета министров «О недозволении вновь учреждать воспитательные заведения под ведомством приказа общественного призрения». Для Тульского, Воронежского и Калужского приказов общественного призрения было сделано исключение: «по совершенной невозможности продолжать содержание воспитательных домов» этим приказам было разрешено некоторое число детей присылать в Московский воспитательный дом [9]. Еще большее ужесточение мер последовало в 1837 г. Царский указ повелел отправлять всех детей из приютов на воспитание в деревни, а доступ для питомцев губернских учреждений в учебные заведения Воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга был закрыт [6, с. 14]. Тем самым юридически проводилась ликвидация всех воспитательных учреждений в провинции.

В 1864 г. в ходе осуществления земской реформы обязанности по приранию детей были переданы из приказов общественного призрения губернским земствам [1, с. 15]. Вместе с обязанностями новым органам власти перешли и учреждения Приказов, если таковые имелись (богадельни, приюты, воспитательные дома и др.). Таким образом, хотя действующим законодательством и запрещалось создание новых воспитательных учреждений для детей, местные органы власти должны были осуществлять свою деятельность, учитывая особенности организации прирания детей в данной местности.

В рассматриваемый период (вторая половина XIX в. – начало XX в.) земства практиковали различные способы прирания детей:

воспитание в богоугодных заведениях, отправка детей в столичные Воспитательные дома, раздача детей в крестьянские и/или городские семьи с дополнительной платой или без нее, передача дела призревания детей благотворительным обществам и организациям и др.

Рассмотрим в общих чертах вышеуказанные способы призревания. Богоугодные заведения в той или иной степени были переданы Приказами большей части земств, такими учреждениями были богадельни, родильные или родовспомогательные отделения, приюты, сиротские дома, отделения для подкидышей и др. В данных заведениях незаконнорожденные дети проводили свои первые дни жизни, а в ряде учреждений – несколько лет жизни. При этом прием в эти заведения был тайный: «без всяких документов и без расспросов» [10, с. 11]. Считалось, что у матери незаконнорожденного ребенка, не желавшей разглашения своей тайны, существовало два варианта: либо ребенка подкинуть, отдать куда-либо, не показывая своего лица и не называя имени, либо убить его. Бесспорно, первый вариант казался лучшим, поскольку «если дать матери легкую возможность без всякого вреда для ребенка, и притом тайно, отдать его на воспитание ... то ребенок останется жив и мать не совершит смертного греха» [8, с. 35]. Однако уже к середине XIX в. проявились негативные черты такого способа приема: детей приносили в огромном количестве; недостаток воздуха в помещении, кормилиц, присмотра за детьми приводили к высокой смертности: почти все дети умирали в младенческом возрасте, однако при соблюдении всех церковных обрядов (в отличие от случаев детоубийства) [8, с. 36]. Кроме того, тайный прием приводил к вероятности приноса законных детей и превращения их тем самым в незаконнорожденных, лишенных гражданских и наследственных прав [10, с. 13]. В результате земства постепенно отказывались от тайного приема и вводили явный прием с представлением сведений о ребенке и его матери и, соответственно, убирали специальные устройства у дверей и окон приютов (люльки), применявшиеся во многих заведениях. Так, в Орловском земстве при грудном отделении в 1864 г. была создана люлька [2, с. 225], однако в 1870 г. она уже была отменена [4, с. 129].

Введение явного приема сопровождалось оповещением населения о новом его способе. В качестве примера можно привести следующий текст: «Нижегородская губернская земская управа доводит до всеобщего сведения, что на основании постановления 45 очередного губернского земского собрания с 1 июля 1910 г. в детском приюте губернского земства вводится явный прием детей. Младенцы грудного возраста могут быть приносимы матерями, при матери должно быть удостоверение личности. Мать принимается для вскармливания своего ребенка бесплатно с полным содержанием от земства. Постороннее лицо, приносящее ребенка в приют, по поручению матери, должно иметь при себе узаконенный вид на жительство и метрическую выпись ребенка. Младенцы, привезенные из других губерний, безусловно не принимаются» [8, с. 42]. Подобные объявления размещались в местных газетах, рассылались по городам земства. После таких публикаций количество детей, приносимых в воспитательные учреждения земства, значительно увеличилось, но поскольку матери допускались (а в ряде случаев обязательно принимались вместе с младенцем) для вскармливания своих детей на период до двух – трех месяцев, а затем вместе с ребенком отпускались домой, то, таким образом, решалось сразу несколько проблем: переполненность помещений (при уходе матерей с детьми возникала возможность приема новых детей на освободившиеся места); недостаток кормилиц (матери сами кормили своих детей, а иногда кормили и другого ребенка-подкидыша за дополнительную плату); опасность заражения детей сифилисом и другими болезнями (кормление матерями своих детей способствовало развитию иммунитета и давало возможность противостоять болезням); сокращение расходов на содержание детей (матери за кормление чужого ребенка получали половинное жалование наемной кормилицы, соответственно, существовала возможность сокращения числа кормилиц и замены их матерями других детей) [8, с. 43].

В приютах, богадельнях и других учреждениях земств дети, как уже говорилось выше, находились недолго: от нескольких дней до двух – трех месяцев, затем большая их часть передавалась на воспитание в частные семьи в деревни или города, и лишь незначи-

тельное число детей оставалось в заведении. Так, в Нижегородском земстве при богадельне существовало отделение для подкидышей, однако высокая смертность в нем не могла обеспечить решения рассматриваемой проблемы. Для её решения в 1889 г. было предложено провести следующее: вместо призреваемых в богадельне старух пригласить няньку и установить надзор за содержанием детей, отданных на воспитание частным лицам [11, т. 2, с. 353]. Однако, несмотря на то, что уже в 1890-е гг. земством осознавалась необходимость создания особого учреждения для незаконнорожденных детей, губернское собрание любым образом отклоняло предложения уездных управ об устройстве специального приюта, объясняя свое решение незначительным числом подкидышей в губернии [там же, с. 358]. Тем не менее в 1893 г. в Нижнем Новгороде частным лицом был открыт приют для подкидышей [там же, с. 359]. А в 1897 г. отделение в богадельне, созданное для подкидышей еще в 1866 г., было преобразовано в приют и переведено из богадельни в другое помещение [12, т. 3, с. 83].

Основной проблемой, с которой пришлось столкнуться земству с организацией приюта, стала высокая смертность детей как находившихся в приюте (прежде всего из-за недостатка воздуха), так и воспитывавшихся в частных семьях (в связи с распространением заболеваний сифилисом в отдельных уездах). В качестве мер для решения этих проблем использовались следующие: создание в приюте изолированного помещения для больных детей [12, т. 4, с. 943], содержание детей в приюте до шестинедельного возраста, а в деревнях выдача премий воспитательницам, у которых дети смогли прожить больше года [там же, с. 942]. В 1902 г. встал вопрос о будущем подкинутых детей, достигших 10-летнего возраста, поскольку плата за содержание ребенка выдавалась именно до этого момента (в 1902 г. таких детей было 14 чел.) [там же, с. 944]. Однако ввиду единичности таких случаев, было предложено «ограничиться пока помощью на обучение ремеслу или продолжение образования в каждом отдельном случае» [там же, с. 945].

С 1909 г. началась подготовка к введению явного приема детей в губернский приют с привлечением матерей к бесплатному корм-

лению своих детей, оказанием помощи матерям, которые вначале принесли в приют своих детей, а затем пожелали забрать ребенка и воспитывать его дома. Такое пособие выдавалось в течение года только «по удостоверению о крайней бедности женщины, ея одинокости (брошенная мужем или сожителем) и безупречной нравственности» [там же, 955]. Данные меры привели к уменьшению числа приносимых детей, что позволило утвердить положения о приеме детей в приют Нижегородского земства. Помимо явного приема и привлечения матерей к кормлению и воспитанию детей, положения включали: увеличение платы за содержание детей до 4 руб. в месяц и выплату ее до достижения призреваемым 13-летнего возраста; создание фонда для вкладов усыновленных детей, которые выдавались при достижении последними 18-летнего возраста; создание на средства земства санатория для хронически-больных детей; открытие школы нянь при приюте [там же, с. 958].

Таким образом, в Нижегородском, а также в ряде других земств существовала так называемая смешанная система призрения: воспитание детей как в приюте, так и в частных семьях. Но в некоторых земствах патронаж имел преимущественное значение в организации призрения детей. Суть этого способа сводилась к следующему: дети передавались земством на вскармливание в деревенские или городские семьи, которые получали за питомцев определенную плату от земства. Срок пребывания детей в богоугодных заведениях, где они рождались, куда приносились или подкидывались, был минимальный – несколько дней. Плата за воспитание детей, выдаваемая земством, была различной. Так, в документах Тамбовского земства до 90-х гг. XIX в. отсутствуют данные о выдаче платы за подкидышей, отданных на воспитание [16, т. 3, с. 465]; в Смоленском земстве плата за детей в 1866 г. составляла 1 руб. 5 коп. в месяц [15, т. 1, с. 990]; в Уфимском земстве плата за воспитание детей в 1904 г. была увеличена с 4 руб. до 6 руб. в месяц [24, т. 2, с. 388]; в Симбирском земстве размер содержания зависел от возраста ребенка: в 1866 г. до 2 лет плата составляла 2 руб. 40 коп., от 2 до 8 лет – 1 руб. 80 коп., от 8 до 12 лет – 1 руб. 60 коп. в месяц [20, с. 298]; в Рязанском земстве размер платы зависел от пола ребенка:

за содержание девочек платили 4 руб. в месяц, за содержание мальчиков – 3 руб. в месяц [13, с. 71]. Денежное пособие выдавалось до достижения ребенком определенного возраста: как уже отмечалось, в Симбирском земстве плата производилась до достижения ребенком 12 лет [20, с. 298], в Самарском – до 10-летнего возраста ребенка [14, с. 291]. Размер пособия и срок его выплаты зависел от решения каждого отдельного земства.

При выборе семьи, готовой взять ребенка на воспитание, существовал ряд критериев, главным из которых было наличие коровы, что свидетельствовало о некоторой зажиточности, состоятельности семьи, о возможности накормить ребенка и воспитать его. Однако на практике желание взять на вскормление младенца изъявляли главным образом беднейшие крестьяне. Основным мотивом для последних нередко служила хоть и небольшая, но существенная для них плата от земства. В итоге, по мнению Н.В. Яблокова, матери-кормилицы отнимались «у их родных детей, которых они, лишая грудного молока и не всегда обеспечивая коровьим, тем самым обрекали на истощение и преждевременную смерть» [25, с. 8].

Кроме того, во многих земствах отсутствовала система надзора и контроля за воспитанием детей в деревнях. Так, в Полтавском земстве на одном из собраний представитель губернской управы заявила о неудовлетворительных результатах существовавшего способа организации призрения. Он обратил внимание на тот факт, что «земство, выдавая пособие на их [подкидышей и сирот] содержание с 1866 г., до сих пор не имеет ни одного воспитанника, так как большинство их умирает в первые же годы воспитания, а об оставшихся в живых не имеет сведений, и что, вообще, земству не известно, в каком положении находятся воспитанники и как они воспитываются» [22, с. 587]. Помимо того, что земство не получало точных сведений о судьбе своих питомцев, нередко были случаи злоупотребления, например, получение платы за ребенка, который уже умер, но все еще числился среди питомцев. Отсутствие наблюдения за детьми воспринималось земцами как пренебрежение к своим воспитанникам и отражало недостаточную эффективность деятельности данного органа в вопросах призрения незаконнорожденных детей.

В 80-е гг. XIX в. многие земства, особенно практиковавшие систему патронажа, пришли к мысли о введении надзора за детьми в лице врача, фельдшера, надзирателя, причем, по их мнению, желательно было приглашение на эту должность женщины, имевшей медицинское образование. Функции врача-надзирателя сводились к следующему: наблюдение за вскармливанием, уходом, обращением с детьми, при необходимости помещение больных детей в больницу, передача от одних лиц к другим или возвращение в богоугодные заведения [8, с. 81]. В ряде земств эти обязанности возлагались на участковых врачей (Саратовское земство [19, с. 271]), в других земствах (например, в Орловском) один раз в год воспитатели приводили своих питомцев в приют, где их осматривал врач и решал вопрос, оставить ребенка в семье, вернуть в приют или передать другому лицу [8, с. 81]. Особенность организации работы Рязанского земства заключалась в том, что дети отдавались на воспитание не только в крестьянские семьи, предпочтение которым отдавалось в других земствах, но и в городские семьи. При этом некоторые члены Губернского собрания считали излишним установление особого надзора за воспитанием своих питомцев, рассматривая это как вмешательство в семейные дела воспитателей и воспитанников и ссылаясь на меры установления благонадежности лиц, берущих детей из сиротского дома [17, с. 397].

В дальнейшем воспитанник того или иного земства мог быть усыновлен семьей, в которой он воспитывался (и тем самым забота о нем снималась с земства), мог быть возвращен воспитателями в богоугодное заведение. Наконец, он мог воспитываться в семье до достижения возраста, когда прекращалась выплата денежного пособия, либо до совершеннолетия. В случае усыновления в ряде земств предусматривалась премия или дополнительное единовременное пособие для усыновителей (в Уфимском земстве такое пособие было в размере 24 руб. [24, т. 2, с. 390]). Возвращение детей воспитателями могло быть вызвано различными причинами: изменение материального или семейного положения воспитателей, болезненное развитие ребенка, прекращение выплаты за детей либо низкий размер пособия. Так, в Симбирском земстве многие питомцы

старше 12 лет были возвращены на попечение земства в результате прекращения выплаты денежного пособия на воспитание ребенка [20, с. 298]. В ряде земств были созданы капиталы каждому питомцу из сумм денежного пособия (так, если размер выплаты составлял 5 руб. в месяц, то воспитателям выдавалось 3 руб., а оставшиеся 2 руб. шли в капитал, который ребенок получал по достижении совершеннолетия либо при усыновлении семьей, его воспитывавшей) [21, с. 714–715].

В ряде земств призрение незаконнорожденных детей было передано благотворительным обществам и организациям, которые открыли свои приюты, где содержали детей, а затем передавали их на воспитание в семьи также за дополнительную плату. Как уже упоминалось ранее, на частные средства был открыт в 1893 г. приют для подкидышей в Нижнем Новгороде [11, т. 2, с. 359]. В Саратовском земстве благотворительным обществом был открыт приют «Ясли», куда принимались на воспитание дети из земских богоугодных заведений с платой за их содержание от губернского земства [18, с. 571]. С 1890 г. в связи с увеличившимся количеством детей в приюте и, соответственно, возросшей суммой, требовавшейся от земства на их содержание, а также в связи с закрытием благотворительного общества, приют «Ясли» стал земским приютом для подкидышей [19, с. 268].

Наиболее ярко деятельность благотворительных обществ в призрении детей проявилась в Полтавском земстве, где к началу XX в. губернское земство отказалось от идеи постройки собственного приюта, а выплачивало обществам ежегодные пособия на содержание детей в приютах и вне данных учреждений. Для этих целей в 1894 г. был образован капитал из оставшихся средств, отпущенных особым комитетом для помощи пострадавшим от неурожая 1892 г.; этот капитал был предназначен для создания «приюта малолетних сирот обоюбого пола имени в Бозе почившего Императора Миротворца». Но поскольку данных средств на постройку приюта не хватало, то было принято решение до создания такого приюта выдавать проценты с этого капитала в пособия благотворительным обществам, уже открывшим приюты для детей [21, с. 593]. С 1899 г. начали дей-

ствовать правила выдачи таких пособий: благотворительное общество, создавшее приют для «малолетних сирот и детей», в котором содержалось не меньше 15 призреваемых детей, по особому ходатайству, направленному в Губернское собрание, и с предоставлением отчетных данных получало в год 500 руб.; за каждого призреваемого ребенка «сверх этого числа» общество могло ходатайствовать о назначении ему еще 25 руб. в год. Вместе с тем субсидии благотворительным обществам было предложено ограничить суммой в 2000 руб. на уезд [21, с. 713]. К началу XX в. число благотворительных обществ, образованных в уездных земствах, значительно увеличилось, однако не все общества смогли создать свои приюты и тем самым не могли рассчитывать на поддержку губернского земства. В 1902 г. благотворительная комиссия губернского земства обратилась в Губернское собрание с предложением выдавать субсидии и уездным земствам, не создавшим своего приюта, но осуществлявших призрение детей другими способами (например, через раздачу детей частным лицам за определенную плату) [22, с. 714]. В декабре 1903 г. губернской управой был предложен проект правил выдачи пособий обществам, осуществлявшим заботу о детях вне приюта. Согласно этому проекту губернским земством ежегодно выделялась сумма из расчета 60 руб. в год на каждого призреваемого (при этом ежемесячно предлагалось выплачивать по 3 руб., а оставшиеся 2 руб. вносились на счет призреваемого до 20-летнего возраста) [22, с. 714–715]. При достижении призреваемым 12-летнего возраста выдача платы от губернского земства прекращалась. В данном проекте правил рассматривался также вопрос об усыновлении призреваемых: до достижения призреваемым 17-летнего возраста усыновление могло совершаться только с согласия уездной управы. Если усыновление произошло до достижения ребенком 12 лет, то весь капитал с процентами передавался усыновителю; если усыновление произошло между 12-ти и 17-тилетним возрастом призреваемого, то от решения управы зависело выдать капитал усыновителю или оставить на дальнейшем сбережении. Надзор за жизнью призреваемых также передавался уездным управам. Размер пособия, выдаваемого благотворительным обществам

на содержание детей вне приютов, не должен был превышать 1000 руб. в год [22, с. 715–716].

На собрании губернского земства 5 декабря 1904 г. губернская управа представила измененный проект «Правил о выдаче пособий: 1) благотворительным обществам на призрение малолетних вне приютов, и 2) уездным управам на призрение сирот и подкидышей». Согласно этому проекту благотворительные общества, не содержащие приютов, при представлении соответствующих документов получали ежегодное пособие от губернского земства в сумме, равной сумме, ассигнованной уездным земством, но не более 1000 руб. в год. Призреваемые дети помещались уездной управой у благонадежных призревателей или в приютах благотворительных обществ и частных лиц, по достижении работоспособного возраста они отдавались в соответствующие учебные заведения или для обучения ремеслу. При этом содержание детей вне приюта признавалось крайней мерой, поскольку «содержание детей в приюте, где они пользуются и лучшим уходом, и попечением, и возможностью получить хотя бы начальное обучение, стоит несравненно выше помещения их на попечение у частных призревателей» [22, с. 709]. Характерно, что зачастую ассигнования пособий на содержание детей как в приютах, так и вне указанных учреждений происходили условно, т. е. сумма выдавалась при представлении отчета о действительном количестве призреваемых детей и стоимости их содержания [22, с. 715].

Возможность передачи детей в столичные воспитательные дома рассматривалась, но, как правило, оценивалась земствами как крайняя мера (кроме тех земств, которые входили в округа Домов; при Санкт-Петербургском воспитательном доме – Петербургское, Псковское, Новгородское земства). Так, например, в Саратовском земстве вопрос об отдаче детей в Московский воспитательный дом встал в связи с возможностью отказа благотворительного общества взять на содержание детей земства с ассигнованием суммы, ниже требуемой обществом. Однако проблема в итоге была решена и без помощи Воспитательного дома [20, с. 573]. Орловскому приказу общественного призрения, а затем земству с 1850 г. было официально

разрешено отправлять подкидышаемых детей в Московский воспитательный дом из-за недостаточности средств земства на их воспитание. Однако даже этим земством, обладавшим разрешением присылать в Дом детей, отправлялось в Москву не более 35 % своих воспитанников (в 1867 г. из 212 детей было передано 75) [2, с. 204]. В июне 1867 г. губернская управа получила сведения о том, что по распоряжению начальника Московского воспитательного дома отправлено министру внутренних дел ходатайство о прекращении приема в Дом подкидышей из Орловского земства. В ответ на это губернская управа также обратилась с ходатайством о разрешении продолжать отправлять детей в Московский воспитательный дом, аргументируя свою просьбу тем, что в противном случае «за недостатком помещения и средств Орловское земство вынуждено будет закрыть существующее ныне при Богоугодных его заведениях отделение подкидышей» [2, с. 226]. В итоге, несмотря на то, что ходатайство Московского воспитательного дома было удовлетворено, отделение для подкидышей не было закрыто, а было принято решение отдавать детей на воспитание в семьи за плату [3, с. 226]. В дальнейшем вопрос об отношениях с воспитательным домом встал лишь в 1877 г. в связи с возможностью закрытия грудного отделения, однако оно также продолжило существование. Руководство же земства вынуждено было подумать о создании собственного воспитательного дома [5, с. 42].

Вместе с тем руководству воспитательных домов все же приходилось иметь дело с подкидышами и незаконнорожденными из провинции: жители самых разных, подчас отдаленных, территорий сами приезжали в Москву или Санкт-Петербург и приносили своих детей в воспитательные дома, не обращаясь к помощи земских учреждений.

Среди способов призрения детей можно также отметить создание специальных капиталов на содержание незаконнорожденных детей. Так, в Пермском земстве расходы на содержание подкидышей, розданных по деревням на воспитание, и приюта производились из специального капитала, переданного земству Министерством внутренних дел в 1873 г. «со специальным назначением содержать на проценты с него сиротовоспитательное заведение» [23, с. 498].

Таким образом, в деле призрения незаконнорожденных детей деятельность земств в основном проходила по следующим направлениям: создание и содержание богоугодных заведений (в частности, приютов и воспитательных домов), патронаж, передача дела призрения детей благотворительным обществам с сохранением выплаты им пособий от губернских и уездных земств, отправление детей в столичные воспитательные дома (особенно в первые годы существования земств). При этом необходимо отметить, что вышеуказанные способы призрения детей имели место практически во всех земствах в рассматриваемый период, но в различной степени. К концу XIX – началу XX в. характерно было сочетание всех этих способов.

#### **Список литературы**

1. Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении. – СПб., 1877.
2. Журналы второго очередного Орловского Губернского земского собрания. С 23 ноября по 5 декабря 1867 г. – Орел, 1868.
3. Журналы третьего очередного Орловского Губернского земского собрания с 19 ноября по 5 декабря 1868 г. – Орел, 1869.
4. Журналы пятого очередного Орловского губернского земского собрания 1870 г. Сессия 5-я. – Орел, 1871.
5. Журналы XI очередного Орловского Губернского земского собрания 1877 г. – Орел, 1877.
6. Засецкий Н.А. О призрении незаконнорожденных детей и подкидышей вообще и в частности о русских земских воспитательных домах и о принципах, которые должны быть положены в основу их реорганизации. – Казань, 1902.
7. [О реорганизации воспитательных домов]. – Историческая справка к вопросу о преобразовании воспитательных домов. – СПб., 1989.
8. Ошанин М.А. О призрении покинутых детей. – Ярославль, 1912.
9. Полное Собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗ). Собр. 2-е. – Т. III. – 1828. – № 2125. – СПб., 1830.
10. Путерен М.Д. О способах призрения незаконнорожденных и бесприютных детей в России и за границей. – СПб., 1893.

11. Сборник постановлений Нижегородского Губернского земского собрания за 1887–1893 гг. – Т. 1, 2 – Н. Новгород, 1895.
12. Сборник постановлений Нижегородского Губернского земского собрания. – Н. Новгород, 1910. – Т. 3–4. – 1894–1910.
13. Сборник постановлений Рязанского Губернского земского собрания 1880–1882 гг. и январского чрезвычайного собрания 1883 г. – Рязань, 1883.
14. Сборник постановлений Самарского Губернского земского собрания за время с 1865 г. по 1898 г. Отдел врачебно-благотворительный. – Самара, 1899.
15. Сборник постановлений Смоленского Губернского земского собрания за 1866–1895 г. – Т. I. – Смоленск, 1897.
16. Сборник постановлений Тамбовского Губернского земского собрания за 1895–1906 г. – Т. III. – Тамбов, 1909.
17. Свод постановлений Казанского Губернского земского собрания с 1865 по 1887 г. – Казань, 1887.
18. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1866–1882. – Саратов, 1884.
19. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1883–1890 г. – Саратов, 1891.
20. Систематический сборник постановлений Симбирского губернского земского собрания. 1866–1882 г. – Симбирск, 1884.
21. Систематический свод постановлений и распоряжений Полтавского губернского земства за вторые четыре трехлетия (с 1883 по 1894 г. вкл.). – Вып. 2. – Полтава, 1901.
22. Систематический свод постановлений и распоряжений Полтавского губернского земства за три трехлетия (с 1895 по 1903 г. вкл.). – Вып. 2. – Полтава, 1907.
23. Систематический свод постановлений Пермского Губернского земского собрания. – Вып. 2. Отдел медицины, ветеринарии и общественного призрения. 1870–1901. – Пермь, 1904.
24. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского Губернского земского собрания за 35-летие. 1875–1909 гг. – Т. 2. – Уфа, 1915.
25. Яблоков Н.В. Условия призрения детей в наших воспитательных домах (из дневника VI съезда русских врачей). – М., 1896.

УДК 37.01(470.23).(091)"1945-1953"

ББК 74.03(2Рос-4Лен)6

*Н. Ю. Иванченко\**

## **Условия труда и быта учителей Ленинградской области в послевоенные годы**

Статья раскрывает особенности труда и быта учителей Ленинградской области в первые послевоенные годы. Особое внимание уделено проблемам восстановления нормальных материально-бытовых условий жизни учителей. Они включали решение целого ряда сложных и разнообразных задач: налаживание снабжения продовольствием и промышленными товарами повседневного спроса, особенности трудоустройства молодых специалистов, улучшение их жилищных и материальных условий, электрификация частных домов учителей, обеспечение элементарных технико-санитарных норм на рабочем месте, выплата средств государственного социального страхования на оплату больничных.

The article exposes the peculiarities of work and mode of teachers of Leningradskaya region in postwar years. The special attention is paid to the problems of reconstruction of normal financial and mode living conditions in everyday life of teachers life. They included the solution of different complicated problems: the organization of the supply with provisions and industrial consumer goods; peculiarities of employment of young specialists; the improvement of their living and mode conditions, electrification of teachers private houses, the support of elementary technical sanitary conditions on the workplace, payments of social security governmental means on teachers medical certificate.

**Ключевые слова:** учителя, школа, народное образование, быт, жилищные условия, трудовой распорядок, Ленинградская область, районо, облоно.

**The key words:** teachers, school, national education, mode, the living conditions, the work regulations, Leningradskaya region, rono, oblono.

Несмотря на наличие значительного количества литературы, посвященной вопросам восстановления и развития страны в послевоенный период, сюжеты повседневной жизни народа не нашли в

---

\* **Иванченко Нелли Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

ней должного отражения. Цель нашего исследования – попытка раскрыть особенности материально-бытового и жилищного положения учителей, условий их труда на территории Ленинградской области в первые послевоенные годы.

За годы первой послевоенной пятилетки значительно выросла сеть школ и других детских учреждений Ленинградской области. А вместе с этим выросла и армия учителей и работников народного образования. В 1945/46 гг. в области насчитывалось 2 367 учителей, в 1947/48 гг. – 4 074 учителя, в 1949/50 гг. – 4 930 учителей, в 1951 гг. – 6 638 чел. Таким образом, количество учителей после войны утроилось, а численность всех работников народного образования в Ленинградской области на 1951 г. составила 11 873 чел. В общей сложности 30% учителей Ленинградской области имели те или иные награды. Причем 1 800 учителей было награждено медалями и орденами, 31 учитель имели звание заслуженного, а 169 учителей были награждены значками отличника народного образования. Все учителя, проработавшие 25 лет в школе, обеспечивались 40 % пенсией. Ежегодно государством на эти цели выделялось 3,5 млн руб.

Большое количество учителей являлись депутатами областного и местных советов, депутатами Верховного Совета Советского Союза РСФСР, областного совета и районных советов. Всего в советы разного уровня было избрано 669 учителей, что составляло более 10 % всего состава учителей области. Леноблоно, понимая это, принимало меры к тому, чтобы создать все условия для плодотворной учебно-воспитательной работы учителей.

Организирующим документом труда учителя в школе являлись «Правила внутреннего трудового распорядка школ», утвержденные Министерством просвещения РСФСР и ЦК Союза в 1950 г. В них были ясно, отчетливо сформулированы обязанности и права работников школ, порядок работы, также предусмотрены все необходимые условия для нормального труда учителя.

Правила были отпечатаны в форме настенного плаката и отправлены на места для ознакомления с ними работников школ. Изучение правил внутреннего трудового распорядка школ было

организовано на производственных совещаниях. Знание правил упорядочило многие вопросы жизни. Школьные правила способствовали созданию нормальных условий труда учителей. Обычно много волнений, переживаний учителей было связано с вопросами назначения, увольнения и перемещения. Облоно принимал все меры к тому, чтобы не травмировать учителей поспешностью решения этих вопросов, необдуманных переводов и т. п. Много в этом направлении удалось сделать созданием определенной системы изучения и расстановки кадров. Суть этой системы заключалась в следующем. Изучением кадров занимался сектор кадров совместно с коллективом школьных инспекторов и других работников облоно и района. В этом вопросе активное участие принимали партийные, советские и комсомольские организации района и области. В основе своей расстановка кадров на новый учебный год должна была быть спланирована к февралю месяцу, чтобы четко представлять себе необходимые вакансии к моменту распределения молодых специалистов, проводимого в марте – апреле. К 1 мая Министерство просвещения РСФСР, а вслед за ним облоно уже рассылало приказы в районы о расстановке кадров, и все учителя получали перед отпуском необходимую информацию о своей дальнейшей работе в школе, о том, в каких классах они будут работать и какая у них будет нагрузка. Такая практика расстановки кадров на новый учебный год стабилизировала кадры, создавала правильные взаимоотношения между администрацией и учителями, снимала нервозность молодых учителей и давала возможность лучше разобраться отделам народного образования с теми учителями, которые по разным причинам должны были быть освобождены, перемещены и назначены. В результате работы с кадрами по этой системе значительно стабилизировался и улучшился состав учителей школ области.

В результате случаи нарушений прав учителей со стороны заведующего районо стали единичными, и в 1951 г. самовольных действий по перемещению учителей было всего два, во Всеволожском и в Ефимовском районах. В том же 1951 г. значительно уменьшилось количество жалоб и связанных с ними разбирательств по вопросам неправильного увольнения и перемещения.

Параллельно с этим активно решалась проблема нехватки преподавателей семилетней школы. В 1951 г. облоно удалось сократить дефицитность учителей русского языка, математики и иностранного языка. 180 учителей математики и русского языка было подготовлено педучилищем, а 20 учителей иностранного языка – на курсах. 114 учителей было отобрано для начальных классов. Это позволило создать удовлетворительные условия работы учителям, ликвидировать учебную перегрузку. Для школ Ленинградской области было характерно следующее распределение часов в 5–10 классах: от 18 до 20 ч в неделю имело 1817 учителей – 42 %; до 24 ч – 2330 учителей – 53,5 %; от 26 и выше – 170 учителей – 4,5 %; 30 ч и более – 50 учителей – 1–1,5 % [1].

В течение учебного года в случае подыскания квалифицированных учителей-специалистов перегрузка ликвидировалась. Для того чтобы перейти на нормальную нагрузку в 18 часов, требовалось по крайней мере еще 800 учителей.

В Вольшовской семилетней школе Лужского района математик Савинов, окончивший учительский институт, имел нагрузку 32 часа; в Павловской семилетней школе Мгинского района математик Кобякова, также получившая образование в пединституте, имела нагрузку 32 часа с вечерней школой. В Отраденской средней школе Мгинского района у учительницы немецкого языка Островской – 34 часа; в Назиевстройской семилетней школе у учителя математики – 32 часа. В Ополицкой семилетней школе Кингисеппского р-на у учителя математики Ласского – 32, а у завуча Матвеева – 20 часов. В Кингисеппской средней школе физик Кутлинская имела нагрузку с вечерней школой – 32 часа; в Ивангородской школе, учительница немецкого языка Базылева – 34; в г. Луга в семилетней школе № 2 учитель немецкого Хомченко – 31 час [1].

Одним из важнейших моментов в создании нормальных условий учителю было трудоустройство учителей в связи с временным сокращением. Облоно нужно было сохранить учителей для дальнейшей педагогической работы и трудоустроить. Как принцип трудоустройства нужно было в первую очередь в своей системе – это было сделано. Так, из 3564 освобожденных учителей начальных

классов в связи с сокращением классов 128 учителей были переведены в другие начальные школы, 11 – в детские дома воспитателями, 15 человек – старшими пионервожатыми, 2 человека были направлены учиться, 73 пенсионера были освобождены по личному заявлению [1].

Менее предпочтительным казался второй принцип – трудоустройство вне системы, но обязательно в своем районе. Таким образом, было трудоустроено на разные работы 125 человек.

Значительно улучшились условия труда учителей в связи с ежегодным пополнением учебного оборудования и учебных пособий. Только в 1950 г. школами Ленинградской области было приобретено учебно-наглядных пособий и оборудования на 250 тыс. 525 руб., в 1951 г. по состоянию на 1 ноября было израсходовано на приобретение учебно-наглядных пособий и оборудования 1 млн 239 тыс. руб. из 1 млн 533 тыс. руб., запланированных на эти нужды [1]. Организация работы по повышению квалификации учителей, охвату заочным обучением, особенно педагогическим (из педучилищ), обмен лучшим педагогическим опытом, оказание помощи молодым учителям и другие мероприятия создавали и улучшали условия учительского труда.

Очень тяжелые жилищные проблемы, созданные войной, за первую пятилетку не были решены. Первым насущным вопросом оставался вопрос об улучшении быта учителей. На 1951 г. в области свыше 1 000 учителей жили в своих собственных домах, до тысячи учителей занимали комнаты в школьных зданиях, 1100 учителей жили в арендуемых помещениях, 3700 учителей – в коммунальных квартирах. 9 октября 1951 г. было принято развернутое решение облисполкома об улучшении жилищных условий учителей. Впоследствии была проведена проверка его исполнения в 19 районах. Так, через месяц после постановления облисполкома по заданию облоно начальником сектора детских домов Ивановой была проведена проверка Гатчинского района и выявлено, что жилищные условия учителей района значительно улучшились. Всего в районе насчитывалось 340 учителей. В 1950 г. 36 учителей жили в плохих квартирах. На 1951 г. плохие квартиры остались только у шести учи-

телей [1]. 30 учителям были предоставлены изолированные квартиры и передан на баланс дом из 14 комнат для квартир учителей. Ремонт и приспособление здания производилось за счет самообложения. Шесть упомянутых учителей должны были получить квартиры в этом доме, но на момент проверки им еще приходилось жить на частных квартирах в проходных комнатах.

Учителя неохотно переходили в большие многоквартирные дома, так как при них не было достаточного количества сараев, коровников и т. д. Так, например, два учителя Деймищенской школы жили в небольшом доме из трех комнат. Для двух семей дом был мал, для одной даже велик. Оба учителя неоднократно обращались в районо, причем жаловались на непригодность здания. Одной семье было найдено помещение из одной комнаты и кухни, но ни один из учителей не хотел уходить из маленького особняка, так как там имелась хорошая усадьба и надворные постройки [1].

Аналогичная проверка была проведена в Сланцевском районе Ленинградской области. Проверялось материальное положение учителей и осуществление предоставленных им льгот. По данным обследования выяснилось, что 12 учителей жили в собственных домах, 19 – в школьных, 126 – имели коммунальные квартиры и только 16 учителей проживали в арендованных частных квартирах. Комиссия пришла к выводу, что квартиры большинства учителей были благоустроены, имелась приличная обстановка: хорошая мебель, радиоприемники, велосипеды, швейные машины и т. д.

Из 5 570 учителей Ленинградской области, которые проживали в селе и рабочих поселках, свыше тысячи учителей жили в собственных домах, причем за послевоенные годы 350 учителей смогли построить свои дома на полученные от государства на эти цели ссуды. Кроме денежных ссуд, учителя получали помощь в виде лесных и других строительных материалов. За 1948–1950 гг. в Ленинградской области самими учителями и администрацией, было построено и куплено 95 домов и отдельных квартир, передано 299 домов. В общей сложности в школьный фонд поступило 450 учительских квартир.

В 1951 г. планом строительства домов, установленным Исполкому, было предусмотрено предоставление 74 квартир. На 1 сентября было построено 33 квартиры, строились дома на 12 квартир. Таким образом, школы должны были получить дополнительный фонд для учителей в количестве более 100 квартир.

При подготовке к новому учебному году только в 12 городах Ленинградской области учителя получили 120 квартир. По области был проведен ремонт 460 учительских квартир. Так, в Приозерском районе было отремонтировано 37 квартир, на что было затрачено 69 тыс. руб. В Рощинском районе на восстановление было затрачено 58 тыс. руб.; в Кингисеппском – было отремонтировано 25 квартир; в Приморском – затрачено на ремонт учительских квартир 40 тыс. руб. [1]. Конечно, на район сумма в 30–50 тыс. руб. была небольшой по сравнению с его потребностями, но надо учитывать, что из учреждений народного образования на этот ремонт отпускалось не больше 70–100 тыс. руб. на район.

Энергичными усилиями директоров школ многие учителя получали дополнительные льготы. Так, например, директор Сиверской школы Соловьев и председатель месткома Сафронов обеспечили 36 учителей этой школы коммунальными квартирами. В 1951 г. были «основательно» отремонтированы шесть учительских квартир, а в других произведен небольшой текущий ремонт. Все учителя получили дрова на полный год, причем некоторые учителя – жены погибших воинов Советской армии – получили даже 1,5 нормы. Коммунальные услуги учителя получили до 1 января 1951 г., т. е. был произведен полный расчет. Ежегодно школа выделяла за счет своих специальных средств стулья, столы, кровати тем учителям, которые в данной мебели нуждались [1]. Эта школа использовала еще один достаточно любопытный способ социальной защиты своих работников. На школьном земельном участке, школьной лошадкой проводилась обработка почвы, территория засаживалась картошкой и другими овощами. Учителя, потратившись на приобретение семян, получали осенью значительное количество разнообразных продуктов по сниженным ценам. Так, они платили за выращенные на школьном участке помидоры по 2 руб., в то время

как в Ленинграде они стоили 5 руб. По пониженной стоимости продавалась учителям со школьного участка капуста и другие овощи. Учителя, имевшие скот, были полностью обеспечены необходимыми для его прокорма покосами. Все основные льготы, установленные правительством для учителей, выполнялись. В этом, несомненно, была заслуга руководителей школы и месткома, и это результат их повседневной заботы об улучшении материального положения учителей.

В 1951 г. в школы, города и районы Ленинградской области были направлены 624 учителя, в том числе 250 учителей, окончивших педучилище, из них 180 чел. должны были преподавать в 5–7 классах. Им была оказана существенная помощь. В педучилище были организованы факультативные занятия, на которых они готовились к работе в семилетней школе. Проводилась работа, давшая им возможность организованно включиться в заочное обучение при пединституте. Таким образом, им была предоставлена возможность овладеть той специальностью и в той квалификации, по которой им предстояло работать. Подавляющее большинство молодых учителей было обеспечено квартирами.

В Лужском районе молодым учителям было предоставлено 13 квартир, в Оредежском все были устроены. В Приморский, Выборгский, Рощинский, Выборгский, Приозерский, Киришский районы были направлены по 15–20 молодых специалистов. В Кингисеппском районе, в Пашском, Мгинском, Парголовском, Сланцевском, Приморском, Выборгском и других районах молодые учителя получали и некоторую мебель, кровати, стулья, столы.

Но имелись и существенные недостатки. Так, из 20 молодых специалистов, направленных во Всеволожский район, только 13 было обеспечено жилплощадью. Город Волхов не справился с задачей обеспечения жилплощадью молодых учителей. Учителя рабочих поселков получали бесплатно отопление и освещение. Из 1453 школ 1403 школы и учителя этих школ были обеспечены топливом.

В большинстве районов договора на аренду частных квартир, если нет коммунальных, заключались сельсоветами и руководите-

лями школ, если они финансировались через районный бюджет. Таких учителей, которые проживали в отремонтированных квартирах, насчитывалось свыше 1000 человек. В 1950 г. имелось большое количество случаев, когда учителя платили за квартиру хозяину дороже и значительно дороже, чем выплачивали им сельсовет или школа [1].

В 1951 г. из 19 районов Ленинградской области приплату или доплату проверочные комиссии обнаружили только в 2-х районах. Благополучно обстояло дело с льготами по сельхозналогу и по поставкам молока, мяса. Учителям, имеющим скот, а их было немало, предоставляли бесплатный выпас.

О сенокосе в законе ничего не было сказано, и это вызывало определенные недоразумения. Во многих местах учителям оказывалась помощь транспортом для доставки сена. Оказывалась помощь в посадке на земельных участках.

Итак, самым острым, болезненным вопросом в отношении материально-бытового обслуживания учителей в Ленинградской области оставалась необеспеченность в ряде ее районов преподавателей жилплощадью. По данным 19 городов и районов Ленинградской области, а это составляло почти половину районов и городов, входящих в область, в 14 районах все учителя были обеспечены, в пяти городах и районах 37 учителей не было обеспечено (в городах 25 и в районах 12). Это большая цифра. Во Всеволожском, Мгинском районах пять учителей проживали в гостинице; в городе Волхове до 17 учителей проживали в интернатах, буфетах, пионерских комнатах; в городе Петрокрепость был затянута ремонт квартир, в результате заведующий учебной частью была вынуждена проживать в своем кабинете. Два молодых специалиста жили в школе. Учительница Подпорожского района Филиппова была помещена в проходную комнату, через которую ходил хозяин. Целая группа учителей жила в неблагоустроенных квартирах.

Например, в Павловской школе Мгинского района учительница Иванова с семьей вынуждена была жить в общежитии из-за отсутствия квартиры. В Сарсовской школе того же района учительница проживала в подвальном помещении, а учителя Шумской школы

жили в доме, где текла крыша. Учительница Семенова Мурынского сельсовета проживала в доме, где не только протекала крыша, но и потолок угрожал обвалом. В Гладышевской школе замужняя учительница Хоменко и учительница – девица Клокова – с матерью были помещены в одну комнату. В школе Оредежского района учительницы жили в одной комнате с хозяевами. Аналогичным образом были организованы бытовые условия и некоторых других работников народного образования области. Недостаточно проводился ремонт учительских квартир. В Парголовском районе, городе Волхове, Киришском, Мгинском, Ефимовском, Лужском районах было отремонтировано всего 460 квартир.

Рабочие и служащие Свирьстроя имели сносные жилищные условия: коттеджи, хорошие укрепленные бараки, а вновь прибывших учителей поселили в неотремонтированный барак, в котором имелись щели, дуло, в некоторых окнах не было форточек, хотя в этом поселке имелся коммунальный отдел, ремонтная группа, которая вполне была способна провести ремонт [1].

В Пашском районе Ливенский поселок был полностью электрифицирован, а в доме учителей не было электрического света. Один дом во всей деревне не был электрифицирован – это учительский дом. Учителям керосина не привозили, и за ним надо было ехать 12 км. В Приозерском районе со стороны отдельных сельсоветов были попытки оплачивать не хозяину, а учителям по 1 руб. 5 коп. за квадратный метр. Во Всеволожском районе в Ильинской школе квартира стоила 100 руб., но поселковый совет платил квартиросдатчику 50 руб., оставшиеся 50 приходилось доплачивать учителю.

Встречались также факты отсутствия снабжения учителей продуктами питания и хлебом. Так, в Ефимовском районе и Ладогощенском сельсовете бывали перебои с хлебом, учителя были вынуждены приобретать муку и выпекать хлеб самостоятельно. В Пашском и Кингисеппском районах работники народного образования часто получали хлеб с перебоями [1].

На недостатки организации труда и быта учителей Ленинградской области было обращено внимание. В тексте постановления Президиума ЦК профсоюза работников начальной и средней школы

РСФСР от 23 ноября 1951 г. отмечалось, что органы народного образования, здравоохранения и профсоюзные организации области не использовали всех возможностей для дальнейшего улучшения условий труда и быта учителей и снижения заболеваемости среди них, не осуществляли надлежащего контроля за выполнением плана строительства школ, домов и медицинским обслуживанием учителей. В содержании, оборудовании и эксплуатации ряда школ имелись недостатки, создающие значительное напряжение в работе этих учителей. Подчеркивалось, что устранение этих недостатков во многом зависит от внимательного отношения администрации школ, органов народного образования и профсоюзных организаций.

Проверка показала, что классные помещения должным образом не вентилировались, особенно в зимнее время. В школах, расположенных в приспособленных зданиях, нередко совершенно отсутствовали форточки (Сиверский, Кингисеппский районы). В ряде случаев они заклеивались на зиму (Приютинская, Старо-Сысертская начальные школы).

Отрицательно влияла на условия труда учителей и недостаточная освещенность классных комнат. В некоторых школах Ленинградской области, размещенных в приспособленных помещениях, коэффициент естественной освещенности был значительно ниже нормы и составлял 1:10, 1:15, при норме 1:4, 1:6 (Сиверская семилетняя школа) [1, 884, 1а].

Во многих школах Парголово, Кингисеппского, Павловского районов Ленинградской области также оставался низким и коэффициент искусственной освещенности, он не превышал 1300–1400 Вт при норме – 1200 Вт (шесть светильников по 200 Вт) [1]. Не во всех школах были организованы учительские комнаты, но даже там, где они имелись, не были созданы необходимые условия для нормального отдыха учителя (недостаточно столов, стульев, умывальников, мыла, полотенца, не был организован горячий чай).

В ряде школ Ленинградской области не соблюдался температурный режим. Так, температура в зимнее время в Антропшинской школе Ленинградской области не превышала 10° С. Отрицательно влияло на условия труда учителя чрезмерная наполняемость классов. Например, в Пантонной средней школе Павловского района число учащихся в классе доходило до 45–50 чел. [1].

Чрезмерная нагрузка, неудовлетворительные условия труда и быт учителей в Ленинградской области отрицательно влияли на состояние их здоровья и на качество учебно-воспитательной работы. Анализ состояния заболеваемости показал, что заболевания были связаны с условиями труда и быта. Свыше 1/3 средств государственного социального страхования было выплачено по больничным листам в связи с простудными заболеваниями: грипп, ангина, катар верхних дыхательных путей. Значительное количество дней временной нетрудоспособности падало также на женские заболевания, источником которых в значительной мере являлись холодные надворные уборные, часто расположенные на большом расстоянии от здания школы. Количество дней временной нетрудоспособности на 100 застрахованных из года в год росло.

По Ленинградской области в I квартале 1949 г. было 154 дня, во II квартале – 140; в I квартале 1950 г. – 194,4 дня, во II квартале – 146,1; в I квартале 1951 г. – 199,5 дня, во II квартале – 160,1 [1]. Перерасход средств государственного социального страхования на оплату больничных листов в 1950 г. по Ленинградской области составил 365,7 тыс. рублей [1]. Высокая заболеваемость отражалась в первую очередь на работе учителей, отрывая их на длительное время от школы и затрудняя выполнение программы в установленный срок. Прохождение же программы в более короткий срок сказывалось на усвоении учащимися учебного материала, давая в результате снижение успеваемости.

Таким образом, материально-бытовые сложности жизни и без того ослабленных войной учителей несомненно влияли на их здоровье. Это, в свою очередь, приводило к постоянным проблемам с распределением учебной нагрузки в случае болезни или недостатка преподавателей. Возраставшая же нагрузка окончательно подкашивала и тех, кто числился «здоровыми». В целом, несмотря на определенные подвижки, бытовые условия жизни педагогов в первые послевоенные годы оставались крайне тяжелыми.

#### **Список литературы**

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 7444. Оп. 17.

## СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47).(083)

ББК 63.3(2)53-33

*О. А. Яковлева\**

### **Законодательная деятельность Государственной думы и проблемы охраны Дальневосточного морского побережья в начале XX в.**

Одной из важнейших проблем социально-экономического развития Дальнего Востока России после Русско-японской войны (1904–1905) была защита побережья от вторжения и незаконной ловли рыбы браконьерами в российских территориальных водах. Охрана рыбных ресурсов в этом регионе относилась к государственным интересам Российской империи. Статья посвящена тщательному анализу обсуждения этой проблемы в Государственной думе.

The protection of the seacoast from the illegal poachers' penetration and injurious fishing in Russian territorial waters was one of the most important problems in socio-economic development of the Far East of Russia after the ending of the Russian-Japanese war (1904–1905). The protection of the fish resources in the region belonged to the sphere of concern of the state of the Russian Empire. This article is devoted to through analysis of discussion of this problem in State Duma.

**Ключевые слова:** пограничная охрана, законодательство, законопроект, Государственная дума, Государственный Совет, Дальний восток, Россия, морские промыслы, рыбопромышленность.

**Key words:** boundary guard, legislation, bill, State Duma, council of state, Far East, Russia, sea fishery, fishing industry.

После продажи в 1867 г. США Аляски и прилегающих к ней островов русское побережье Тихого океана стало нуждаться в усиле-

---

\* **Яковлева Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

нии охраны. По Высочайшему указу с 1875 г. в этом районе началось крейсерство военных судов тихоокеанской эскадры. Однако оно носило лишь эпизодический характер, а военные крейсера не были приспособлены к несению пограничной службы.

Сложившейся ситуацией вскоре воспользовались сопредельные государства. Многочисленные браконьерские корабли начали заниматься хищническим ловом рыбы, промыслом морского бобра и котиков. Причем деятельность американских и канадских фирм была поставлена на коммерческую основу. Так, например, по сообщению русского консульства в Нью-Йорке в 1891 г., на снаряжение американских шхун для промысла у русских берегов представители крупного американского бизнеса собрали около 1 млн долларов. Ответные действия русской эскадры оставались неэффективными. Иностранные предприниматели успевали прекратить лов и покинуть место промысла. Следует отметить, что даже в редких случаях удачного задержания браконьеров права русских моряков оставались весьма ограниченными и выражались в возможной конфискации судна и получении штрафа с команды. Лишь с 1900 г. охрана дальневосточного побережья стала осуществляться не только военными кораблями, но и специальными судами Управления государственных имуществ. В годы Русско-японской войны (1904–1905) браконьерство приобрело массовый характер. Были отмечены случаи высадки вооружённых японских отрядов в промысловых районах [1, с. 17].

Тяжелыми последствиями войны стали потеря Россией богатых морских промыслов у берегов Сахалина и условия русско-японской рыболовной конвенции (июль 1907 г.), поставившей русских рыбопромышленников в крайне затруднительное положение. Японской стороне предоставлялось право лова и ведения морского промысла вдоль побережья Охотского и Берингова морей, а также право беспошлинного вывоза рыбопродуктов в Японию.

В начале XX в. рыбопромышленность являлась одним из главных направлений экономического развития Приамурья. Наибольшую тревогу вызывало состояние тех немногочисленных промыслов, которые оставались в ведении России. Несмотря на их

привилегированное положение, японские предприниматели неоднократно вторгались на территорию этих специально оговоренных в конвенции участков и производили хищнический лов рыбы. В течение 1907–1908 гг. в Санкт-Петербург стали систематически поступать сведения о нарушении условий конвенции. Первым шагом правительства, направленным на разрешение сложной ситуации, стала подготовка законопроекта «Об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке» [4. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 688. Л. 2], разработка которого поручалась Главному управлению землеустройства и земледелия.

18 июня 1908 г. законопроект был внесен на рассмотрение Государственной думы и направлен в комиссию по рыболовству. 24 июня 1908 г. состоялось обсуждение доклада, представленного Главным Управлением землеустройства и земледелия, с которым выступил депутат И.Н. Еремеев. В докладе излагались проблемы, требовавшие принятия скорейшего решения. Объяснялось, что разрешение доступа японцев в российские воды сильно затруднило ведение надзора за рыболовными промыслами. Возникла необходимость организации специальной службы, задачей которой стало бы осуществление охраны промыслов. И.Н. Еремеев ознакомил депутатов с информацией о состоянии дел: управление рыбными промыслами на Дальнем Востоке возлагалось на Приамурское управление государственных имуществ, в состав которого входили две должности заведующих рыбными промыслами, а на местах Управление не имело специальных агентов. Местная полиция не могла осуществлять охранные функции из-за малочисленности и неподготовленности. Докладчик отметил, что для надзора за морскими промыслами использовались два крейсера и одна паровая шхуна, которые, по его мнению, не могли даже частично выполнять свои задачи. Далее И.Н. Еремеев перешел к изложению сущности законопроекта, в соответствии с которым предполагалась организация береговой постоянной стражи путем создания отдельных постов в наиболее важных промысловых пунктах. Планировалось Приморскую область разделить на пять районов и учредить пять должностей смотрителей, которым, в свою очередь, должна была

подчиняться береговая стража. В ее состав предлагалось включить 76 стражников и разместить их в 36 постах на побережье. По законопроекту предполагались серьезные изменения и в организации морской охраны. Типы судов оговаривались отдельно, в зависимости от рельефа местности, где их предполагалось использовать. Например, для Западно-Камчатского района наиболее подходящими признавались легкие шлюпки с керосиновым двигателем, а для Восточно-Камчатского – парусные шхуны [4. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 688. Л. 4]. Стражников следовало вооружить винтовками и предоставить им право составления протоколов без привлечения понятых. Причем, Главное управление землеустройства и земледелия просило увеличить средний размер содержания смотрителям по причине сложных климатических условий Дальнего Востока. В заключении доклада приводилась сумма, необходимая для реорганизации охраны промыслов на Дальнем Востоке – кредит составлял 26 200 руб., а ежегодные выплаты – 75 740 руб. [4. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 688. Л. 5-6].

Комиссия по рыболовству после обсуждения доклада признала правильной систему организации охраны, предложенную Главным управлением землеустройства и земледелия, но выразила сомнения по поводу малой численности стражников, обратив внимание ведомства на быстрое развитие рыбопромышленности в крае. Поэтому комиссия сочла невозможным утвердить проектируемую организацию как постоянную, а решила предложить думе ее утверждение как временной меры сроком на два года.

27 июня 1908 г. законопроект был представлен на обсуждение общего собрания Государственной думы. Большинство депутатов согласились с поправкой, внесенной комиссией по рыболовству, в целом одобрив законопроект. Таким образом, промысловый надзор в Приамурском генерал-губернаторстве учреждался сроком на два года (1909–1910). После обсуждения в Государственном Совете законопроект получил окончательное утверждение 8 июля 1908 г.

Правительство и депутаты Государственной думы понимали важность охраны рыбных богатств дальневосточной окраины, однако не имели достаточного практического опыта осуществления подобного рода мероприятий. Этим объясняется упрощенная схема

организации охраны, в которой не были учтены специфические особенности края. Поэтому ограничение срока действия закона двумя годами, предложенное думской комиссией по рыболовству, являлось вполне обоснованным. Тем более что опасения, высказанные комиссией, затем оправдались.

По истечении двухлетнего срока правительство снова вернулось к этой проблеме. 23 июня 1910 г. Департамент земледелия Главного управления землеустройства и земледелия внес на рассмотрение Думы законопроект «О продлении действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке», который был направлен в думскую комиссию по рыболовству.

В объяснительной записке к законопроекту Департамент признавал, что предложенная им в 1908 г. организация промысловой охраны не соответствовала возложенным на нее задачам. На практике сразу возникли сложности с комплектованием штатов смотрителей и стражи, с их размещением на постах. Указывалось, что строительство лодок и судов затянулось, что лишь в 1910 г. охрана принесла определенные результаты. Департамент признал необходимость в серьезной разработке всех деталей законопроекта. Поэтому предлагалось, чтобы вопросами промысловой охраны занималось специальное Управление рыбных промыслов во Владивостоке, организация которого планировалась Главным управлением землеустройства и земледелия. Этому новому учреждению предлагалось поручить подготовку будущего постоянного закона: сбор информации в крае, обработку статистических данных и т. д. До начала работы Управления во Владивостоке департамент земледелия просил продлить действие существовавшего закона «Об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке» до 31 декабря 1912 г. Комиссия по рыболовству сочла аргументы, приведенные департаментом земледелия, убедительными и предложила думе одобрить законопроект. 15 декабря 1910 г. общее собрание Государственной думы большинством голосов приняло решение о продлении срока действия закона 1908 г. [5. Ф. 702. Оп. 2. Д. 58. Л. 3–4] Высочайшее утверждение законопроект получил 24 февраля 1911 г.

Следует отметить, что в данном случае исполнительные и законодательные органы сумели признать свои ошибки, свой чрезмерно упрощенный подход к решению проблем дальневосточной окраины. Вероятно, это объясняется тем, что успешная реализация закона должна была принести казне ощутимую прибыль. Таким образом, охрану рыбных богатств можно отнести к сфере государственных интересов России на Дальнем Востоке. Примечательно, что правительство попыталось изменить метод принятия управленческого решения путем осуществления предварительного анализа ситуации экспертной группой с Управлением во Владивостоке, а затем принятия окончательного решения.

Однако правительство не ограничивалось лишь принятием охранных законов. Как уже отмечалось, в соответствии с условиями русско-японской рыболовной конвенции России принадлежали несколько рыболовных участков, закрытых для доступа японских рыбаков, а именно 34 залива и все реки побережья. Правительство России, опасавшееся дальнейшего усиления позиций Японии, а также в целях поддержки и стимулирования отечественной рыбопромышленности признало целесообразным в законодательном порядке принять ряд протекционистских мер. С этой целью 12 марта 1909 г. Главное управление землеустройства и земледелия внесло на рассмотрение думы законопроект «О порядке эксплуатации речных рыболовных участков на Дальнем Востоке» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 688. Л. 9]. Законопроект был направлен на рассмотрение в думскую комиссию по рыболовству. В представленном ведомством докладе отмечалось, что в последнее время «большое значение для России приобретают местности, исключенные из действия конвенции» и что именно в них следует создать наиболее благоприятные условия для развития русской рыбной промышленности [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1382. Л. 4]. Главными средствами для достижения этой цели, по мнению Главного управления землеустройства и земледелия, являлись выработка наиболее удобных сроков аренды участков, снижение налоговых обложений, упрощение порядка сдачи участков в аренду. В соответствии с этими задачами планировалось увеличение продолжительности срока аренды с 6 до 12 лет (с правом найма исключительно русских рабочих), сохранение «ежегодного

пропорционального добычливости данного промысла попудного сбора» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1382. Л. 5] в размере 5 коп. с каждого пуда рыбопродуктов. Однако на внесении в текст закона точного размера сбора ведомство не настаивало, объясняя свою позицию возможными изменениями, к которым могло привести действие русско-японской рыболовной конвенции (изменение цен на рыбопродукты, рабочие руки и др.) Признавалось, что установленный общероссийским законом порядок сдачи в аренду рыболовных участков в условиях Дальнего Востока применяться не может. Поэтому предлагалось в Приморской области, а также в 34 закрытых заливах, исключенных из действия конвенции, участки сдавать в аренду не с торгов, а хозяйственным способом, планировалось ввести правило, в силу которого арендатор, в течение двух лет не работавший на своем участке, лишался права на дальнейшую аренду.

Как и ожидалось, члены комиссии по рыболовству с одобрением восприняли меры, предложенные правительством. Признавалось, что только создание льготных условий для отечественных рыбопромышленников сможет «обеспечить развитие русского дела на Дальнем Востоке» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1382. Л. 12]. Члены финансовой комиссии, поддержав мнение своих коллег, отметили, что «создание столь благоприятных условий должно привлечь предпринимателей из Центральной России» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1382. Л. 21]. Состоявшееся 12 апреля общее собрание Государственной думы одобрило решение комиссий. Окончательное утверждение законопроекта получил 21 июня 1910 г.

Правительство стремилось проводить протекционистскую политику зачастую весьма ограниченными средствами. На наш взгляд, в разработке подобного рода законопроектов прослеживается недостаточная информированность властей о состоянии дел на местах и в то же время чрезмерная уверенность центра в правильности принятых им решений. Очевидно, что данный закон был необходим для развития дальневосточной рыбопромышленности, но явная недостаточность мер также не вызывала сомнений. Однако правительство продолжало осуществлять покровительственную политику на Дальнем Востоке преимущественно силовыми методами.

Логическим продолжением закона 21 июня 1910 г. стало внесение Главным управлением землеустройства и земледелия 11 февраля 1911 г. на рассмотрение думы нового законопроекта «О правилах морского рыболовства в Приамурском генерал-губернаторстве» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1013. Л. 3], который был направлен в комиссию по рыболовству. 15 мая 1911 г. в ней состоялось обсуждение законопроекта. С докладом выступил Д.А. Иванов 1-й, который в общих чертах изложил основные этапы развития рыбного дела в Приамурском крае. Он отметил, что лишь с 80-х гг. XIX в. в Приморье «стала развиваться добыча рыбы с торговыми целями», но уже к началу XX в. «рыбная промышленность достигла выдающихся результатов» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1013. Л. 7]. Вместе с тем из-за усиления японского влияния русские предприниматели оказались в сложных условиях. По мнению докладчика, положение рыбного дела на Дальнем Востоке усугублялось «отсутствием на месте необходимых капиталов, сил и предприимчивости, а также слабым приливом сил из центра» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1013. Л. 8]. Однако в целом в первое десятилетие XX в. промышленный лов рыбы значительно возрос, а при хранении и обработке рыбопродуктов стала применяться современная техника. Следствием этого стало постепенное обособление русских фирм от японских, а также установление более прочных связей с рынками Сибири и Европейской России. Объяснение произошедших изменений Д.А. Иванов 1-й видел в переселении, а также в правительственной политике, направленной на развитие рыбопромышленности в крае. Эти факторы способствовали оживлению отечественного предпринимательства, развитию русских рыбопромышленных предприятий, способных конкурировать с японскими фирмами. Далее в докладе объяснялась причина повышенного интереса правительственных кругов к далекой окраине: оскудение рыбой рыбопромышленных центров Европейской России и большие перспективы развития рыбного дела на Дальнем Востоке. Кроме того, приводились сведения о развитии промыслов – котикового, бобрового и др. Но наряду с успехами, отмечалось в докладе, возникли и проблемы, в первую очередь связанные с условиями ведения промысла и сбыта продукции.

Существовавшие законодательные акты не могли в полной мере регулировать появившиеся проблемы. Таким образом, ведомство считало необходимым упорядочить рыболовное хозяйство края путем разработки новых правил. Отмечалось, что закон «О порядке эксплуатации речных рыболовных участков на Дальнем Востоке» был лишь начальным звеном в цепи целого ряда законодательных актов, направленных на «урегулирование прав различных групп рыбопромышленников» [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1013. Л. 9]. Его продолжением стал рассматриваемый законопроект.

После того как доклад был заслушан членами Комиссии по рыболовству, началось постатейное обсуждение проекта морского рыболовства. Большинство депутатов высоко оценили правительственный законопроект, признав не только его важность для развития окраины, но и тщательную разработку.. Понимая значение документа, депутаты одобрили его текст и направили в финансовую комиссию, которая в свою очередь также поддержала законопроект. 2 мая 1911 г. состоялось его обсуждение в общем собрании Государственной думы, на котором депутаты после непродолжительной дискуссии тоже одобрили основные положения правительственной программы. 29 мая 1911 г., получив утверждение императора, законопроект приобрел силу закона и вступил в действие.

Следует признать, что правительство и законодательные учреждения осуществили ряд последовательных и достаточно продуманных мероприятий, направленных на развитие рыбопромышленности на Дальнем Востоке. Так, наряду с приведенными выше мерами в 1910–1911 гг. был понижен фрахт на рыболовные грузы, на 25 % понижен железнодорожный тариф на провоз кеты и горбуши, разрешен провоз рабочих, нанятых на дальневосточные промыслы в центральных губерниях России, по льготному тарифу и др. [3, с. 313]. Результатом проводимой правительственной политики стало заметное оживление в рыбной промышленности и промыслах края, а промышленный лов рыбы значительно увеличился.

При изучении законодательной деятельности думы некоторое удивление, как правило, вызывала поразительная легкость и быстрота принятия решений при рассмотрении ряда законопроектов (к их числу, безусловно, можно отнести многие дальневосточные вопросы, включая проблемы рыбопромышленности). Для объяснения этого тезиса следует обратиться к рассмотрению процедуры обсуждения в думе законопроекта о разрешении беспошлинного ввоза предметов, необходимых русским рыбакам на Дальнем Востоке. 7 марта 1912 г. Главное управление землеустройства и земледелия внесло соответствующий законопроект, который был направлен в финансовую комиссию. После подробного изучения объяснительной записки к законопроекту, списка товаров, включенных в состав не облагаемых пошлиной, комиссия в целом одобрила законопроект. Планировалось включить доклад финансовой комиссии по законопроекту в повестку дня общего собрания думы 12 апреля 1912 г. Когда председателем был поднят вопрос о слушании этого дела, правые фракции предложили снять проект с повестки заседания и слушать «более важный» законопроект о выделении Холмской губернии. Лишь после выступления председателя финансовой комиссии Г.Г. Лерхе депутаты согласились рассматривать вопрос. Следует сказать о доводах, приведенных Г.Г. Лерхе. Он отметил, что в соответствии со статьями рыболовной конвенции «японцам на Дальнем Востоке предоставлены большие права по рыболовству, чем нашим рыбакам», поэтому правительство должно стремиться поддержать своих соотечественников. Г.Г. Лерхе напомнил депутатам о том, что начинается рыбная кампания, следовательно, необходимо принять решение в кратчайшие сроки. (Как уже отмечалось, подобный довод звучал уже неоднократно при обсуждении предыдущих законопроектов). Далее депутат сказал, что среди ряда законопроектов, «поставленных на повестку дня после 5 часов», данный проект «наиболее спешный», поэтому он предложил наметить его обсуждение на 5 ч 30 мин. Депутаты согласились с Г.Г. Лерхе, рассмотрели и утвердили законопроект. На чтение доклада финансовой комиссии и его обсуждение потребовалось около 30 минут [4. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 688. Л. 20–24]. Большинством голосов законопроект был одобрен и Высочайше утвержден 1 мая 1912 г.

К сожалению, многие дальневосточные законопроекты воспринимались как второстепенные, частные как представителями исполнительной власти, так и думскими депутатами. Иногда их рассмотрение было весьма поверхностным и поспешным, что не всегда обеспечивало достаточно квалифицированное решение вопроса. Можно согласиться с А.Я. Аврехом, относившим подобные законопроекты к разряду тех, на обсуждении которых «молодое народное представительство училось законодательствовать, начиная с малого» [2, с. 35].

Следует признать, что правительство России в рассматриваемый период стремилось осуществлять достаточно последовательную политику, направленную на охрану водных богатств и поддержку отечественного предпринимательства в крае. Депутаты Думы также понимали необходимость принятия ряда постановлений, обеспечивавших охрану дальневосточного побережья. Но слабая информированность о реальной ситуации в этой отдаленной территории, в значительной степени снижала эффективность разрабатываемых мер. Исполнительная и законодательная ветви власти, местное управление стремились различными способами находить решение этой сложной проблемы. Несмотря на временный, порой недостаточный характер правительственных мер, они внесли существенный вклад в укрепление позиций России на Дальнем Востоке и в охрану её водных богатств на далёкой окраине.

#### **Список литературы**

1. Алепко А.В. К вопросу охраны тихоокеанских промыслов России от иностранного браконьерства в конце XIX – начале XX в. // Рос. флот на Тихом океане. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Рос. флота. – Владивосток, 1996.
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.
3. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. – М., 1991.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268, 1278.
5. Российский государственный исторический архив дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702.

***В. А. Веретенко*** \*

## **Наследственные права детей в родовом имуществе дворян в России во второй половине XIX – начале XX в.**

В статье дается характеристика состояния института наследования в России во второй половине XIX – начале XX в. Определяется различие в характере наследования в зависимости от формы имущества – родовое или благоприобретенное, и от пола наследника – сын или дочь. Исследуются требования дворян по вопросу реформирования института наследования и эволюция государственной политики в данной сфере.

The article describes the status of the inheritance in Russia in the second half of XIX – the beginning of XX centuries. The author determines the difference in the nature of inheritance, depending on the form of property (a patrimony or an acquired property), and of heir's sex (a son or a daughter). The article analyzes nobility's claims on the issue of reforming the institution of inheritance and evolution of public policy in this question.

**Ключевые слова:** дворяне, родовое имущество, благоприобретенное имущество, дети, родители, Россия, законодательство, наследство, наследование, дочери, сыновья.

**Key words:** noble, patrimony, acquired property, children, parents, Russia, legislation, legacy, inheritance, daughters, sons.

Правила наследования между родителями и детьми определялись в общероссийском законодательстве двумя обстоятельствами. Во-первых, к какому виду, родовому или благоприобретенному, принадлежало оставшееся после умершего имущество и, во-вторых, осталось или нет после владельца завещание. Родовые имущества не подлежали завещанию и могли распределяться лишь в соответствии с условиями законного наследования. Благоприобретенные,

---

\* **Веретенко Валентина Александровна**, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

наоборот, могли завещаться совершенно свободно, причем никаких норм по ограничению распоряжений владельца, например, обязательной доли в пользу наиболее близких родственников, не существовало [23, с. 396—00; 20]. В связи с официальным запрещением завещаний родовых имуществ, а также с тем, что многие владельцы не успевали своевременно выразить свою волю или их завещания из-за ошибок в оформлении признавались недействительными, подавляющее большинство – около 80 % – переходов имуществ совершались по закону [24, с. 17].

Ближайшими наследниками умершего в случае наследования по закону, считались его нисходящие, преимущественно мужского пола: после смерти отца (матери) имение переходило к сыновьям, а в случае отсутствия их всех или одного из них по праву представления – к внукам или правнукам. Сыновья должны были делить наследство поровну, предварительно выделив «указанные части» остававшемуся в живых супругу умершего и его дочерям. Доля последних при наличии наследников мужского пола определялась в 1/14 часть недвижимого и 1/8 часть движимого имущества. Подчеркивала дискриминационный характер гражданских законов ст. 1131, гласившая, что «если после умершего владельца останется столько дочерей, что по назначении каждой из них указанной части, как из недвижимого, так и из движимого имения, сыновья часть будет менее дочерних, то по выделе одному из супругов, оставшемуся во вдовстве, указанной части остальное разделяется между сыновьями и дочерями поровну». Только в том случае, когда ни сыновей, ни нисходящих от них у наследодателя не было, в наследство вступали дочери, распределявшие доставшееся им имущество поровну [23, с. 1127–1133].

Российский закон предусматривал единственную официальную возможность для владельца родового имения лишить какого-либо из своих детей полагавшейся ему доли наследства: если сын или дочь вступили в брак вопреки решительному запрещению или без его согласия [25, с. 1566]. Во второй половине XIX в. у родителей появилась определенная возможность отсрочить время перехода родового имущества к прямым наследникам путем передачи его в

пожизненное владение супруга [3]. Однако совершать какие-либо другие действия по распоряжению собственным родовым имуществом на случай смерти владелец не мог.

В этой связи основным способом обхода существовавших правовых ограничений становились прижизненная передача или продажа родовой собственности. Родители осуществляли безденежную продажу своих имений детям; это могло делаться как с целью выравнивания части дочерей, так и, наоборот, для того, чтобы уменьшить доли или вообще лишить кого-либо из детей наследства. Возможна была и продажа родовой собственности посторонним лицам, тогда между детьми, в соответствии с видами родителей свободно распределялись уже вырученные от продажи деньги как «благоприобретенное» имущество. Наконец, проданное имение, а за ним и деньги могли быть полностью или частично растрочены владельцем, в результате дети могли быть лишены и ожидавшейся ими родовой собственности.

Во второй половине XIX – начале XX в. российское дворянство неоднократно поднимало вопрос об изменении правил наследования. Характерно, что, защищая интересы и преимущества своего сословия, дворяне, прежде всего поместные, как правило, выступали против упразднения различия между благоприобретенным и родовым имуществом. Вместе с тем они высказывались за реформирование порядка наследования родовых имуществ.

Прежде всего, вызывала недовольство невозможность владельца родовой собственности устанавливать в соответствии с семейной необходимостью размер доли для того или иного из сыновей или вообще лишать некоторых из них права на наследование недвижимости. Ведь именно постоянное дробление дворянских имений воспринималось как одна из причин, приведших отечественное дворянство к массовому разорению.

С другой стороны, в противовес стремлению к дифференцированному разделению наследства между детьми многие дворяне негативно воспринимали дискриминацию дочерей, незначительная доля которых в родовом капитале вынуждала родителей продумывать способы обхода закона. Проблема воспринималась все более

остро по мере того, как поднимался брачный возраст российских невест, а рынок применения женской интеллигентной рабочей силы оказывался столь узким, что получение «приличного места» для девушки-дворянки требовало либо нескольких лет ожидания и работы за мизерное вознаграждение, либо очень высокой протекции.

Свои предложения по реформированию правил наследования дворяне постоянно высказывали в специальных адресах и ходатайствах на имя царя или представителей высшей бюрократии, а также в ходе работы разного рода комиссий и комитетов. Широко обсуждалась данная тема также в общеполитических и в специальных юридических изданиях. Наконец, предложения по изменению наследственных законов были одними из часто встречающихся вопросов проходивших в конце XIX в. во всех регионах страны совещаниях о нуждах отечественного дворянства.

В сентябре 1864 г. Рославльское уездное дворянское собрание возбудило вопрос о необходимости уравнивания наследственных прав мужчин и женщин. В качестве основных аргументов помещные дворяне указывали на то, что существовавшая дискриминация дочерей и сестер в наследовании «противоречит основным началам справедливости» и условиям жизни «современного общества, по которым лица женского пола не могут обеспечить себя сами и потому должны получить из имения родителей и вообще кровных родственников по крайней мере такую часть, какая представляется лицам мужского пола». Предложение уездного дворянства было поддержано Смоленским Губернским дворянским собранием, которое 11 декабря того же года постановило «через посредство исправляющего должность Губернского предводителя» ходатайствовать пред Министерством внутренних дел о «разрешении» данного вопроса «в законодательном порядке». Интересно, что министр юстиции Д.Н. Замятнин, соглашаясь с идеями просителей, в развернутом отзыве на этот адрес прямо противоположным образом охарактеризовал экономическое положение современной ему женщины привилегированного сословия. Существовавшее неравенство в наследовании, отмечал глава ведомства, «не согласуется и с тем положением, которое имеет ныне женщина. Она перестала быть

рабочую и работницей; она сделалась таким же полноправным существом, как и мужчина, и в отношении владения, пользования и распоряжения имуществом она также независима и самостоятельна, как и мужчина». Однако, учитывая, что у дворянства не было права ходатайствовать «об общих пользах и нуждах Государства» и, следовательно, одно только постановление Смоленского Губернского собрания дворянства не могло «служить основанием к возбуждению в законодательном порядке вопроса об уравнивании наследственных прав мужчин и женщин», министр юстиции считал необходимым поднять данный вопрос «независимо от ходатайства о том Смоленского Дворянства». Чего, впрочем, так и не произошло [21. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 155. Г. 1865. Л. 1-7].

Широкий резонанс во второй половине 60-х гг. XIX в. вызвала статья А. Любавского «Об уравнивании наследственных прав мужчин и женщин». В ней утверждалось, что существовавшие в России правила распределения родительского наследства между сестрами и братьями «несомненно, противоречат требованиям человеческой природы и справедливости, а следовательно, и естественному праву». Проведя тщательное исследование истории возникновения данной правовой нормы, условий наследования в других странах и последствий ограничения наследственных прав наследниц-женщин в России, А. Любавский особо остановился на анализе утверждения о том, что дискриминация была установлена в «интересах дворянского сословия». Полемизируя с этим, юрист обращал внимание на следующие доводы: «во-первых, закон этот, будучи несправедлив по существу своему, не достигает своей цели, ибо не препятствует раздроблению недвижимых имений вследствие равного раздела их между детьми мужского пола и выдела 1/14 доли дочерям; во-вторых, очень трудно доказать, чтобы при несуществовании у нас учреждения майората, этот закон ограждал интересы дворян и чтобы дворянство как сословие выигрывало от того, что члены его мужского пола получают большие наследственные доли, нежели лица женского пола; в-третьих, мы полагаем, что сословие, составляющее самую образованную часть государства, едва ли может желать удержания закона несправедливого и по своим общим

последствиям вредного для общественной нравственности» [11, с. 22–43]. Аналогичные идеи высказывали И.Г. Оршанский [13, с. 356–384], А. Боровиковский [2, с. 212–305] и др. [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 43 об.; 9, 2, 62–90; 12, 7; 22, 46].

В конце XIX в. при обсуждении мер по поддержанию дворянского сословия вопрос об изменении условий наследования родовых имуществ приобрел особую остроту. В многочисленных проектах уездных и губернских дворянских собраний, а также частных лиц в качестве одного из способов ослабления «оскудения» дворянства указывалось на предотвращение дробления дворянских имений. С этой целью представители первенствующего сословия рекомендовали правительству провести следующие мероприятия.

Во-первых, установить право завещать родовые имущества, ограничивая это право лишь в смысле выбора наследников, т. е. с устранением дальнейших родственников при наличии прямых нисходящих, но не стесняя завещателя указанным размером долей [15, с. 3].

Во-вторых, разрешить «в известных случаях» вмешательство ближайших родственников в дело разоряющегося члена рода. Выдвинувшие эту инициативу симбирские дворяне надеялись, что в интересах рода контролю семьи будет подвергаться собственность не «расточителя», а имение «неумелого хозяина» [15, с. 22].

В-третьих, предоставить право выкупа имений родственникам дворян, продавших свою собственность представителям других сословий [15, с. 11].

Наконец, в-четвертых, расширить, сделав общеупотребимым в дворянской среде, институт заповедных имений. Разного рода предложения по установлению правила заповедности дворянских имений встречались в 2/3 проектах дворянских обществ. В некоторых речь шла о введении «обязательной» неотчуждаемости и недробимости имений, достигших определенного минимального размера, так что «всякое дворянское имение, раз дошедшее до такой минимальной нормы, не могло бы быть уже более делимо и переходило бы куплей, дарением или по наследству только в полном своем составе и, на основании закона о неотчуждаемости, только в

руки потомственных дворян» [15, с. 3]. Оформление конкретных правил регулирования нового вида собственности большинство дворянских организаций предполагали предоставить государству. Некоторые же, например члены Симбирского дворянского собрания, не только сами продумали и зафиксировали условия наследования неделимых имений, но и считали разрешение данных вопросов прерогативой местного дворянства. Согласно предложенным ими условиям участки должны были распределяться между прямыми наследниками по их обоюдному соглашению, а если такового не последовало, то по жребию. Если не было возможности удовлетворить всех наследников неделимыми участками, то земля должна была предоставляться лишь некоторым из них по добровольному соглашению, при отсутствии же такового – по старшинству. Те наследники, которые не получали земельного участка, должны были получить денежные выплаты, причем из-за этих выплат имение не могло быть обременено долгами выше 40 % стоимости и в их счет не мог идти живой и мертвый инвентарь, составляющий принадлежность имения. Симбирский проект предполагал также создание особой уездной комиссии, состоящей под председательством уездного предводителя дворянства из одного депутата дворянства, местного земского начальника, уездного члена окружного суда и товарища прокурора, которая в каждом отдельном случае раздела наследства должна была при согласии сонаследников утверждать проект раздела, а при несогласии самостоятельно производить раздел [15, с. 17–20].

Далеко не все дворянские собрания планировали учреждение «обязательных» неделимых имений, которые в любом случае, вне зависимости от желания владельца, достигнув некоего минимума, уже не подлежали раздроблению. Большинство представителей дворянства говорило лишь о предоставлении потомственным дворянам – собственникам небольших имений при их желании и без особых формальностей права объявлять свои владения «заповедными». Для того чтобы таким правом могла воспользоваться основная часть провинциального дворянства, составители проектов

предлагали самые разные льготы. Так, например, Воронежское дворянство рекомендовало правительству следующий список.

1. Предоставить самим дворянским обществам определить минимум десятин имения, могущего быть объявленным заповедным.

2. Порядок наследования в сем заповедном имении определяется самим завещателем или учредителем. В случае отсутствия завещания наследником становятся старшие сын или дочь, а при отсутствии вовсе прямых наследников имение переходит к ближайшему по законам наследнику на условиях заповедности.

3. Признать, что нахождение имения в залоге в государственном дворянском земельном банке не должно служить препятствием к объявлению имения заповедным.

4. Права и обязанности заповедных владельцев по отношению к прочим членам семейства строго определить в законе.

5. Никакая срочность или ограничение в количестве поколений не должны быть допускаемы при установлении заповедности. В видах поощрения дворян к учреждению заповедных имений следует братьям и сестрам заповедного владельца давать бесплатное образование, хотя бы с обязательством последних возмещать всю или часть стоимости образования [15, с. 8–9].

Все эти проекты были предложены на рассмотрение особой комиссии об учреждении заповедных имений под председательством гофмейстера А.А. Абазы. Итогом ее работы стало утверждение Николаем II в мае 1899 г. законопроекта о «временно-заповедных» имениях. Потомственные дворяне, владельцы недвижимости, свободной от всяких запрещений, кроме задолженности в Государственном дворянском земельном банке, стоимостью не менее 15 тыс. рублей (без учета банковского долга), но земельный размер которой не превышал 10 тыс. дес., получали право организовать временно-заповедные имения. Несмотря на то, что оформление данной собственности было значительно упрощено в сравнении с заповедными имениями и не требовало разрешения чиновников и специального царского указа, предлагаемые формальности все же требовали значительных средств и времени. Бумаги готовились местным нотариусом, утверждались старшим нотариусом окружного суда, и акт

вступал в силу после нескольких публикаций в Сенатских объявлениях и местных губернских ведомостях. От учредителя, имевшего несколько законных детей, требовалось обязательно обеспечить участь тех из них, которые будут лишены права на данное наследство. Однако в новом законе правила наследования родовых имуществ были несколько изменены в угоду экономической необходимости. Не требовалось обязательно предоставлять остальным детям в полном объеме всю полагавшуюся им часть в родовом имуществе, если стоимость учреждаемого временно-заповедного имения должна была быть ниже 25 тыс. руб. или если превышение наследственной доли наследника имения над долями прочих детей учредителя оказывалась не более 25 тыс. руб. Значительно расширены были и права владельца по выбору наследника. Таковым в завещании можно было назначить любого из сыновей или их нисходящих, принадлежащих к потомственному дворянству, не стесняясь старшинством. В то же время при наличии нисходящих мужского пола он не мог призвать к наследованию дочь или внучку. Если у владельца временно-обязанного имения было нескольких детей, он должен был указать в завещании, как предполагается обеспечить тех из них, кто не получал доли в имении. Характерно, что можно было отнести их обеспечение и на «собственное их имущество». В том случае, когда владелец не оставлял завещания, действовала норма, аналогичная правилам, существовавшим в заповедных имениях о составлении и разделе между другими детьми капитала в размере двухлетнего дохода с имения. Правда, с условием, что взятый для данной цели кредит совместно с другими обязательствами с имения не превышал бы более 33 % его стоимости. Главным отличием временно-заповедного имения от заповедного было право отмены этого состояния наследниками учредителя по нотариальному духовному завещанию при условии обязательного наличия у них нисходящего потомства [16, № 16950, с. 528–536].

Параллельно с подготовкой и принятием данного законоположения шла работа над новым Гражданским уложением, книга четвертая которого целиком была посвящена вопросам наследственного права. Первый вариант данного проекта был

предложен на суд общественности в 1903 г. и строился на совершенно противоположных традиционному российскому праву основаниях. Прежде всего, предполагалось упразднить само деление имущества на родовое и благоприобретенное, введя и для того, и для другого единый порядок наследования. В наследовании по закону, как и ранее, предполагалось предоставить преимущество нисходящим, причем все дети, вне зависимости от пола и возраста, должны были наследовать родителям в равных долях. В наследовании по завещанию, которое теперь было открыто для всех видов имущества, вводился институт обязательной доли, распространявшейся на необходимых наследников, т. е. тех, кто был бы призван к наследованию в том случае, если бы завещание не было составлено или утверждено. Соответственно основными получателями обязательной доли должны были стать дети, а при их отсутствии – родители завещателя. Такое нововведение требовало и обратного: официально признаваемой государством возможности для собственника и даже его наследников более дальней очереди лишить необходимых, но «недостойных» наследников полагающегося им имущества. Опираясь на опыт Германии, реформаторы предложили перечень поводов к устранению того или иного лица от наследования. В основе его лежали разного рода «повреждения здоровья» и оскорбления, нанесенные будущим наследником завещателю. Но вопреки зарубежным идеям проект предоставлял наследодателю право лишить одного из своих наследников причитавшейся ему обязательной доли и предоставить ее прочим сонаследникам или некоторым из них, ввиду того, что лишенный наследник обладает имуществом, значительно большим его обязательной доли [8].

Интересно, что большинство российских юристов не видели особого противоречия между общим переходом от деления имущества на родовое и благоприобретенное к единому порядку наследования и сохранением (даже расширением) института заповедных и временно-заповедных имений. Например, все члены, входившие в состав созданной при С.-Петербургском юридическом обществе Комиссии для обсуждения проекта книги IV Гражданского уложения, высказались как за отмену родовых имуществ, так и за

сохранение, с разрешением создавать новые, заповедные имения. При этом, как открыто заявил А.И. Каминка, главными были соображения «политические», а не «юридические». Это, прежде всего, «необходимость гражданско-правового института, поддерживающего престиж ... привилегированного сословия». С другой стороны, указывалось, что с введением равенства наследственных долей братьев и сестер процесс раздробления дворянских имений пошел бы еще быстрее, но определенным тормозом этому движению могло бы стать сохранение института заповедных имений [24, с. 1–9].

В противоположность позиции юридической общественности российское дворянство в большинстве считало полное упразднение различия между родовым и благоприобретенным имуществом слишком радикальным новшеством, грозящим серьезными бедствиями их сословию. Главными аргументами в пользу сохранения особых родовых имуществ являлись: во-первых, этические соображения, связанные с тем, что владение данным видом собственности налагало на владельца серьезные обязанности в отношении родственников, прежде всего детей. Во-вторых, родовые имущества мыслились как важнейшая составляющая поддержания престижа дворянских родов [24, с. 1–3]. Соответственно, несмотря на то, что проект редакционной комиссии вроде бы разрешал все требования дворян, он был встречен российским дворянством очень холодно. Даже апелляция к сохранению заповедных имений не изменила ситуацию. Позиция дворян, в массе своей предлагавших не коренную ломку, а лишь реформирование системы наследования, отчетливо проявилась при обсуждении в Государственной думе и Государственном совете проекта Министерства юстиции «Об уравнивании прав наследования по закону лиц мужского и женского пола и родственников по мужскому и женскому колену».

В феврале 1909 г. в Государственную думу группа депутатов в составе 33 человек внесла законодательное предположение «Об изменении порядка наследования по закону лиц женского пола». Согласно этому документу, предполагалось установить полное равенство наследников мужского и женского пола при законном наследовании во всех степенях и линиях [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285.

Л. 3-3 об.]. Министр юстиции И.Г. Щегловитов не только поддержал выдвинутую думами инициативу, но и предложил значительно расширить ее рамки. Используя уже готовый текст проекта Гражданского уложения, он собирался в течение нескольких месяцев подготовить и представить в законодательное учреждение законопроект «о порядке наследования родственников и супругов». Однако Совет министров отклонил его план, порекомендовав не выходить за пределы думских инициатив. Учитывая данное «пожелание», Министерство юстиции подготовило к октябрю 1909 г. законопроект «об уравнивании прав наследования по закону лиц мужского и женского пола и родственников по мужскому и женскому колену» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 5-16, 19].

Информация о планах думы и министерства по скорейшему изменению условий законного наследования широко обсуждалась в печати и дворянских организациях, причем отзывы подчас были диаметрально противоположны. В прессе в основном поддерживали проектируемое уравнивание прав, видя в этом давно назревшую необходимость в «искуплении» одного из «смертельных грехов» гражданских законов – «греха перед женщиной» [4, 11 дек.]. В дворянских же кругах встречались и совершенно другие мнения. Так, Л.В. Геника в своем докладе в Совете объединенного дворянства назвал предлагаемую реформу наследственного права «жидовско-эгалитарной затеей, идущей через министерские канцелярии и Таврический дворец из революционных сфер» и ставящей своей задачей окончательное разорение и уничтожение дворянства. Последнему же он рекомендовал «отстоять свое существование и в видах собственного интереса, а также интереса общегосударственного от себя действие предполагаемого законопроекта» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 27-28 об.].

Ответом на недовольство части дворянства стало включение министерством в текст документа, посвященного уравниванию наследственных прав мужчин и женщин в наследовании по закону, раздела, связанного с внесением изменений в правила распоряжения родовым имуществом. В объяснительной записке к законопроекту так аргументировалась причина добавления: «Нельзя не

предвидеть, что при предположительном уравниении наследственных прав сыновей и дочерей число случаев, в которых в результате раздела получают такие недвижимые имущества, которые все в одинаковой мере непригодны для правильной сельскохозяйственной эксплуатации, должно значительно увеличиться. Поэтому нельзя, казалось бы, уклониться от решения вопроса о том, не следует ли одновременно с уравниением наследственных прав мужчин и женщин принять меры для предупреждения в будущем отмеченных нежелательных явлений...» С этой целью планировалось «дополнить действующие законы указанием, что владелец родового имущества вправе по завещанию ... распределить по своему усмотрению родовое имущество между своими детьми или вообще нисходящими» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 54–55].

После одобрения Советом министров в марте 1910 г. широкой редакции министерского законопроекта он был передан в Государственную думу, где спустя год приступили к его детальному рассмотрению. Выступавшей от имени Комиссии по судебной реформе В.И. Черницкий согласился с мнением Министерства юстиции о том, что, с точки зрения экономической целесообразности, уравниение всех детей вне зависимости от пола в правах законного наследования возможно лишь с внесением изменений в условия наследования родовых имуществ. Однако думская комиссия пошла значительно дальше министерских предположений, приняв кардинальное положение о том, что «родовые имения подлежат завещанию на общих основаниях» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 235-240 об.; 5, 173-174].

Вместе с тем, большая часть членов Государственной думы сочла невозможным в рамках законопроекта, связанного с уравниением женской и мужской наследственных долей, заниматься разработкой значительно более спорного и сложного для тогдашней России вопроса об отмене родовых имуществ [6, с. 1142–1166]. Исходя из этого, они предпочли не только не согласиться с идеями собственной комиссии, но и вообще исключить из документа все связанное с изменениями в ст. 1068. Таким образом, переданный в Государственный совет законопроект предполагал полное уравниение

наследственных прав мужчин и женщин, но вообще не касался проблемы предоставления большей наследственной свободы владельцам родовых имуществ [13, с. 635–638].

Зимой 1911 г., пока законопроект находился на обсуждении в Комиссии по судебной реформе Государственной думы, основные его положения стали предметом серьезных споров в Совете объединенного дворянства. Большинство членов судебной комиссии, созданной при данном органе, указало, что «оба главных предположения проекта Министерства юстиции, т. е. уравнивание прав наследования по закону лиц мужского и женского пола и расширение прав владельца родового имущества располагать им по завещанию – заслуживают сочувствия» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 226-230]. Однако настроенное категорически против законопроекта меньшинство настояло на перенесении вопроса об изменении законов о наследовании на рассмотрение следующего съезда [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 289].

За год позиции «меньшинства» в Совете значительно окрепли, во многом благодаря тому, что в редакции документа, одобренного Государственной думой, вообще не было части, связанной с изменением наследования в родовых имуществях, а также вследствие широкой поддержки, оказанной идее уравнивания наследственных прав мужчин и женщин в демократической прессе [19, 1, 4 февр.]. Новые реалии отразил доклад Постоянного совета VIII съезду уполномоченных 37 объединенных дворянских обществ, обсуждавшийся на заседаниях 7 и 28 января 1912 г. Критика министерского законопроекта осуществлялась по нескольким направлениям. Прежде всего, составители доклада лишней раз спешили высказаться против самой возможности реализации идеи равноправия полов. Но основной пафос документа был обращен на обстоятельный разбор итогов реализации законопроекта для раздробления недвижимых имуществ, причем внимание обращалось не только на экономические, но и политические последствия проектируемого нововведения. «Могущественно содействуя усилению дробления имуществ, предположенный закон повлияет на изменение состава наших земских собраний, а впоследствии и цензов, в направлении чисто демокра-

тическом, а следовательно, отзовется и на пополнении наших законодательных учреждений. Подобный исход может быть желателен левым партиям, но не дворянству, которое, по мнению его Совета, должно поголовно высказаться против уравниения». В заключение доклада, еще раз подчеркнув, что реализация министерских предложений, несомненно, приведет «в будущем к уничтожению крупной собственности и исчезновению не только этой последней, но и дворянских родов и вообще землевладельческого класса», Совет обратился к VIII съезду уполномоченных объединенных дворянских обществ с предложением «возбудить ходатайство об отклонении законопроекта об уравниении лиц женского пола в правах наследования по закону с лицами мужского пола» [21. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1285. Л. 289-290 об.].

Доводы Совета оказались услышанными не только на съезде, но и в стенах Государственного совета, обсуждавшего законопроект в феврале – марте 1912 г. [7, с. 1–17]. Об остроте дискуссии свидетельствовало уже то, что на обсуждение данного вопроса в Совете было потрачено целых три заседания. Несмотря на страстность ораторов, защищавших интересы дворянского землевладения, полностью отказаться от идеи расширения наследственных прав женщин члены высшего законодательного органа страны не могли. Однако большинством голосов (74 против 64) они постановили ограничить права наследниц в приобретении недвижимого имущества при совместном наследовании с мужчинами [17, с. 1–6]. В Государственной думе, куда проект вернулся для согласования, решено было «не рисковать благодетельным законом» и согласиться с поправками верхней палаты [17, с. 31–34]. В результате итоговый подписанный Николаем II 3 июня 1912 г. вариант документа, названный, в отличие от проекта, «Закон о расширении наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений», предполагал следующие изменения в условиях наследования между родителями и детьми. Прежде всего, новая редакция ст. 1128 Законов гражданских устанавливала, что «дети, как мужского, так и женского пола, за выделом указанной части оставшемуся в живых супругу, делят наследство между собой по равным частям поголов-

но...». Однако вводимое равенство оказывалось не безусловно, так как оно не распространялось на земельное (внегородское) имущество и сельскохозяйственный инвентарь. Для этой категории собственности, причем как родовой, так и благоприобретенной, дискриминация дочерей сохранялась: доля каждой дочери при сыне, т. е. сестры при брате, могла составлять по законному наследованию лишь  $1/7$  часть имения. Данное положение частично распространялось и на Черниговскую и Полтавскую губернии, где, однако, сохранялся старый особый порядок наследования детей в материнском имуществе.

В части, посвященной вопросу о расширении возможности распоряжения родовыми имениями, новые правила хотя и дублировали главное положение ст. 1068 (о том, что данный вид собственности не подлежит завещанию), однако далее несколько корректировали его. Лицу, имевшему нисходящих по прямой линии, дозволялось посредством завещания распределить «по своему усмотрению» свое родовое имение вплоть до того, чтобы даже предоставить его целиком либо в частях нескольким из них или одному [10].

Таким образом, российское наследственное право к 1912 г. было реформировано именно в том объеме, в котором предлагали представители дворянских организаций. Родовое имущество как один из факторов, поддерживавших дворянские привилегии, было сохранено. В то же время дворяне реализовали два основных пожелания по изменению этого института. В наследовании по закону права дочерей были значительно расширены, хотя и не уравнены полностью с правами сыновей в наследовании земельной собственности. Последнее, впрочем, виделось большинством дворян как явление, скорее позитивное, чем негативное. Ведь незначительная, хотя и возросшая с  $1/14$  до  $1/7$  часть, полагавшаяся дочерям при сыновьях, создавала возможность предоставления ее наследницам в неземельной форме и уменьшала угрозу раздробления, а значит, и окончательного разорения дворян-помещиков.

#### **Список литературы**

1. Биржевые ведомости. – 1912.
2. Боровиковский А. Отчет судьи. – Т.2. – СПб., 1891.

3. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика в России во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: Европейский дом, 2007.
4. Голос Москвы. – 1909.
5. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сес. IV. 1910-1911 г. – СПб.: Гос. тип., 1911.
6. Государственная дума. III созыв. Стенографический отчет. Сес. IV. – Т. II. – Т. III.
7. Государственный совет. Сес. VII. Комиссия законодательных предположений. – № 7. – СПб.: Гос. тип., 1912.
8. Гражданское уложение. Кн. IV. О наследственном праве. – СПб., 1904.
9. Друг женщин. – 1883.
10. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1912.
11. Любавский А. Юридические монографии и исследования. – Т. 1. – СПб., 1867.
12. Неделя. – 1890.
13. Обзор деятельности Государственной думы III созыва. 1907–1912. – Ч. 2. – СПб.: Гос. тип., 1912.
14. Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1877.
15. Особое совещание по делам дворянского сословия 1897-1901 гг. – СПб., 1901.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. – 3. 1899. – Т. XIX. – Отд. 1. – СПб., 1901.
17. Протоколы заседания Гос. совета. 11 февр. 1912 г. – № 28. – СПб.: Гос. тип., 1912.
18. Работа третьей Государственной думы по вопросам судебно-правовым. – СПб.: Тип. Р.В. Коротаевой, 1912.
19. Речь. – 1912.
20. Родовые и благоприобретенные имущества: сб. решений Гражданского кассационного департамента правительствующего сената / сост. Н.Н. Игнатов. – М.: Тип. Н.Н. Шарапова, 1900.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1261, 1405.
22. Русская жизнь. – 1891.
23. Свод законов Российской империи. – Т. X. – Ч. 1. Законы Гражданские.
24. Свод замечаний на проект книги четвертой Гражданского уложения о наследственном праве. – СПб., 1904.
25. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Гос. тип., 1889.
26. Юридическая газета. – 1901.

*И. А. Тропов\**

### **Проблема взаимоотношений местного партийного и советского аппарата в России в 1917–1918 гг.**

В статье рассматривается история взаимоотношений местных Советов и коммунистической партии в России в 1917–1918 гг. Показаны особенности формирования Советов, роль различных социальных групп, а также партийных органов в этом процессе. Дана характеристика структуры и специфики деятельности местных органов управления (советов и земств) в России в конце 1917 – первой половине 1918 г. Выявлены причины унификации структуры и функций местных органов власти, активно проводившейся большевиками с января 1918 г.

The article discusses the history of the relationship of local Soviets and the Communist Party in Russia in the 1917–1918 bienniums. The author shows the main features of the Soviets' formation and the role of various social groups and party bodies in this process. The article gives description of structure and the nature of the work of local authorities (Soviets and zemstvos) in Russia in late 1917 – the first half of 1918. The reasons for the unification of the structure and functions of local authorities, actively pursued by the Bolsheviks in January 1918 are revealed.

**Ключевые слова:** Советы рабочих и крестьянских депутатов, большевики, РСДРП(б), губернские и уездные партийные комитеты, Военно-революционный комитет, «диктатура партии», местное самоуправление, земство, государственный аппарат, централизм.

**Key words:** Soviets of workers' and peasants' delegates, Bolsheviks, Russian Social Democratic Labour Party (Bolshevik) (RSDLP(B)), province and district Party Committees, military-revolutionary committee, «dictatorship of the party», local government, zemstvo, State machinery, centralism.

---

\* **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Важнейшие особенности политической системы, сложившейся в России после прихода к власти большевиков, заключались в отказе от «классической» модели разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также в сосуществовании нескольких типов властных структур. Первый из них можно условно обозначить как «общественно-государственный». В качестве высшего органа власти он был представлен согласно Конституции РСФСР 1918 г. Всероссийским съездом Советов, а в перерывах между съездами – Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК). Местными органами власти провозглашались областные, губернские, уездные и волостные съезды Советов, а в перерывах между ними – соответствующие исполнительные комитеты (исполкомы) Советов. Наряду с советской системой существовала партийная вертикаль власти. Она была представлена иерархически выстроенными органами РСДРП(б) – РКП(б): от ЦК (а в дальнейшем Политбюро ЦК) партии большевиков на высшем уровне до сельских и заводских парткомов и партийных фракций на низовом уровне.

Одновременное существование двух властных структур неизбежно ставило вопрос об их соотношении и взаимодействии. Нельзя сказать, что до революции 1917 г. лидеры большевиков в своих теоретических трудах и выступлениях обходили вниманием эту проблему, но и детальной разработке она тоже не была подвергнута. Так, в своей работе «Государство и революция» В.И. Ленин весьма расплывчато отмечал, что главное предназначение большевистской партии состоит в том, чтобы «направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся» [10, т. 33, с. 26]. Что же касается Советов, то, несмотря на их широкое распространение после Февральской революции, В.И. Ленин в своем докладе «О текущем моменте» на VII (апрельской) Всероссийской партийной конференции 1917 г. откровенно признавал, что эти органы «недостаточно нами поняты и изучены». Разъясняя, что в случае перехода власти к Советам в России сформируется «государство типа Парижской коммуны», которое «опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на

насилие», он подчеркивал далее, что Советы «являются властью, и другой власти быть не может» [10, т 31, с. 354–355]. Как видим, лидер большевиков недвусмысленно указывал на особую роль Советов, выражающих интересы трудящихся в политической системе России, не отрицая при этом идеологических и организационных возможностей партии.

Решение II Всероссийского съезда Советов (25–26 октября 1917 г.) о переходе всей власти в стране в центре и на местах в руки Советов, казалось бы, вполне определенным образом решало вопрос о специфике государственного устройства и месте различных институтов в нем. Речь идет о том, что Россия превращалась в Республику Советов. На практике же все выглядело далеко не столь однозначно, как в резолюциях и декретах большевиков. Да и сами лидеры вскоре сместили акценты в своих выступлениях с Советов на первостепенную роль РКП(б) в системе государственного управления. Уже в июле 1919 г. В.И. Ленин открыто провозгласил, что большевики твердо придерживаются принципа, который он обозначил как «диктатура одной партии» [10, т. 39, с. 134]. Еще через несколько лет, в апреле 1923 г., на XII съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий, бросая взгляд в прошлое, безапелляционно заявлял, что «в октябре 1917 г. мы единодушно боролись за диктатуру партии» [6, с. 319]. О роли Советов Л.Д. Троцкий при этом не сказал ни слова. А в тех случаях, когда в повестку дня партийных съездов и конференций прямо ставился вопрос о взаимоотношениях партии и Советов, решения выносились более чем неопределенные. Так, в одной из резолюций VIII съезда РКП(б) утверждалось: «Партия старается *руководить* деятельностью советов, но не заменять их» [4, 429]. Каковы механизмы и пределы этого «руководства» и как следовало измерять «старание» партийных активистов по руководству Советами, оставалось совершенно неясным. Если учесть, что никаких санкций за чрезмерные усилия партийных органов по установлению контроля или даже диктата над советскими учреждениями не предусматривалось, становится понятным, что сохранялись все основания для острых противоречий между партией и Советами.

Разумеется, что откровенный пересмотр вопроса о роли Советов в общественно-политической жизни страны, оценки роли партии и Советов, высказываемые высшим политическим руководством, становились обязательными идеологическими ориентирами для нижестоящих должностных лиц в партийно-государственной иерархии. Вопрос о роли большевистской партии трактовался на местах точно таким же образом, как и «наверху». Например, в докладе ответственного секретаря Вологодского губкома РКП(б) Г.И. Данилова на XV Вологодской губернской партийной конференции в 1925 г., когда обозначившиеся вскоре после революции тенденции получили свое окончательное оформление, прямо говорилось: «Наша партия является правительственной партией, возглавляющей Советы, она несет моральную ответственность перед рабоче-крестьянскими массами за правильность и успешность работы Советов» [17, с. 39]. Демагогические рассуждения о «моральной ответственности» перед народом были призваны затушевать реальные политические процессы подчинения советской системы партийным органам власти сверху донизу.

Почему в сравнительно короткие сроки произошла ревизия прежних установок и вместо «диктатуры пролетариата», реализуемой через Советы, в официальных выступлениях да и в повседневной политической практике закрепился тезис о «диктатуре партии большевиков»? Для начала рассмотрим, что представляли собой Советы в 1917–1918 гг.

Пожалуй, следует признать правоту известного политического деятеля, философа и экономиста А.А. Богданова, который в своей статье «Государство-коммуна» летом 1917 г. весьма точно охарактеризовал политическую природу и цели Советов. Указывая на то, что Советы – это «учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое», он подчеркивал, что они представляют собой «органы революционной борьбы, орудие движение революции» [1, с. 344–345]. Именно в таком качестве они и понадобились большевикам, поскольку, с одной стороны, они отвечали ленинским идеалам государства-коммуны, а с другой – позволяли организовать огромные массы народа на решение революционных задач.

Начало становления системы Советов в центре и на местах относится к концу февраля – марту 1917 г. По мере получения сообщений о победе революции в столице и о деятельности Временного комитета Государственной думы, Петросовета, а затем и Временного правительства в губернских и уездных центрах формировались местные Советы. Только за одну неделю – с 27 февраля по 5 марта 1917 г. – Советы рабочих и солдатских депутатов возникли более чем в тридцати крупных городах России. В дальнейшем советская система стремительно разрасталась. Если в июне 1917 г. существовало не менее 400 Советов рабочих и солдатских депутатов, направивших делегатов на свой I Всероссийский съезд, то через полтора года, к концу 1918 г., в России насчитывалось уже более 6,5 тысяч Советов, в том числе 30 губернских, 286 уездных и 6083 волостных [8, с. 7].

В начальный период руководство Советами в центре и на местах осуществляли эсеры и меньшевики. Большевистскими (или с преобладанием большевиков) были лишь около 11 % всех существовавших в марте 1917 г. Советов рабочих депутатов [11, с. 679]. В дальнейшем – после провала мятежа Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. и в особенности после прихода к власти большевиков в конце октября 1917 г. – роль большевистских партийных органов в процессе формирования советской системы на местах существенно изменилась.

Широко распространенное мнение о том, что советские учреждения буквально насаждались из «центра» большевистской партией, не вполне точно. Действительно, хорошо известны, например, факты участия работников Петроградского комитета РСДРП(б) в организации советской власти в целом ряде регионов – от Луги (туда был направлен большевик И.Я. Златкин) до Крыма (для укрепления позиций новой власти туда был послан А.И. Слуцкий) [12, с. 18]. Однако участие центральных и местных партийных структур в «советском строительстве» было все же различным.

Один из возможных вариантов – это переизбрание старых Советов, находившихся под контролем эсеров и меньшевиков. Особую активность в решении этой задачи проявляли большевистские

фракции местных Советов (конечно, там, где они существовали и были достаточно влиятельными), опиравшиеся, как правило, на сочувствующих коммунистическим лозунгам рабочих и солдат местного гарнизона. Так, например, в ночь на 27 октября 1917 г. из состава Череповецкого уездного совета вышли фракция большевиков и солдатская секция, которые совместно с представителями местного гарнизона образовали Военно-революционный комитет во главе с членом РСДРП(б) А.А. Башмаковым. ВРК развернул энергичную работу по созданию нового Совета и по подготовке к созыву уездного съезда Советов. На состоявшемся в конце 1917 г. съезде после соответствующих докладов руководителей местной парторганизации и ВРК было отвергнуто ходатайство старого Совета о сотрудничестве и объявлено о «бесславном» окончании его деятельности и о его роспуске [17, с. 18].

Схожая ситуация возникла и в Туле. После получения известий из Петрограда о свержении Временного правительства исполком тульского городского Совета при участии революционных делегатов (большевиков и левых эсеров) собрался в рабочем клубе и образовал революционный комитет. 27–28 октября после доклада приехавшего со II съезда делегата о событиях в Петрограде в Туле был провозглашен переход власти в руки Советов [13, с. 98].

К моменту большевистского переворота Советы существовали далеко не повсеместно. Например, по имеющимся в научной литературе подсчетам почти две трети волостных Советов появились лишь в январе – феврале 1918 г. [8, с. 28]. Важно учитывать также, что и формирование местных партийных органов осенью 1917 – весной 1918 г. шло медленно: «К декабрю 1917 г. из 57 губерний губкомы были созданы всего в 19, а из 472 уездов и городов этих губерний партийные организации были оформлены только в 141, а уездные комитеты имелись всего в 2 уездах» [7, с. 66].

Обозначенный на II Всероссийском съезде переход к построению «всего государства по типу Советов» [10, с. 66], безусловно, активизировал процесс создания новых органов власти на местах. Роль РСДРП(б) в этом процессе была уже не столь ярко выраженной, как в ситуации с перевыборами уже существовавших Советов,

или даже вообще никак проявлялась. Известны случаи, когда Советами именовали себя рабочие фабрично-заводские комитеты или даже волостные земства. Например, земское собрание Которской волости Лужского уезда Петроградской губернии 28 декабря 1917 г. в составе 20 гласных заявило, что оно «объявляет себя Советом Сельских Депутатов» и «является единственной и высшей властью в волости» [18.Ф. 8309. Оп. 1. Д. 33. Л. 24]. Эта несколько неожиданная метаморфоза произошла по инициативе самих местных жителей, без какого бы то ни было давления со стороны большевиков. В принятом волостным земством решении, вероятно, сказались и популярность идеи Советов в народе, и поддержка этой формы организации власти «сверху».

Новые Советы возникали также и при непосредственном участии рабочих, приезжавших в деревни из соседних городов, а также солдат, возвращавшихся с фронта домой. Так, например, произошло в Угличе. В начале декабря 1917 г. там появился рабочий Сестрорецкого завода из Петроградской губернии, который сплотил вокруг себя местных рабочих, организовал Военно-революционный комитет, при содействии которого и был провозглашен переход власти в руки Советов. Фабрично-заводские рабочие, солдаты и матросы сыграли большую роль в пропаганде новых социально-политических идей и в создании советских органов на местах также и в других регионах страны [13, с. 98–100]. Часть этих людей принадлежала к РСДРП(б), часть относилась лишь к «сочувствующим», были и те, кто демонстрировал лояльность или даже приверженность новой власти лишь внешне, преследуя главным образом собственные интересы. Несмотря на эти различия, можно отметить, что во многих случаях создание новых Советов происходило не «сверху» путем деятельности партийных органов, а «снизу» в результате живого творчества масс, пытавшихся, с одной стороны адаптироваться к меняющимся условиям жизни, а с другой – искавших способы использовать с выгодой для себя новые социально-политические институты.

Устройство и характер деятельности местных органов власти на разных территориях в конце 1917 – первой половине 1918 г. был

различным. Нередкими были случаи, когда под знаменем большевистского лозунга о всевластии Советов последние замыкались в пределах своего региона, не признавая над собой вообще никакой власти. В одном из отчетов НКВД говорилось, в частности, что в первые послереволюционные месяцы советская власть рассыпалась «на ряд как бы независимых друг от друга губернских, уездных и даже волостных "республик"...» [2, № 18-19; 9, с. 52]. В таком своем виде государство было слабым и плохо управляемым. Это отчетливо видно на примере положения государственной статистики. На состоявшемся в декабре 1917 г. съезде статистиков отмечалось, что местные Советы считали организацию местных статбюро делом «совершенно второстепенным», средств на это не выделяли, а в некоторых случаях статистика вообще находилась «в большом загоне у местного совдепа» [14. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 16. Л. 22, 27, 87].

Очевидно, что такое состояние местных органов власти не могло удовлетворить центральное правительство. Последнее было вынуждено действовать сразу в нескольких направлениях. Наличие готового аппарата и штата опытных работников в органах городского самоуправления заставляло большевиков хотя бы на время согласиться с существованием земств и городских дум после революции. Более того, речь шла об известном расширении их прав в некоторых сферах местного хозяйства. В частности, 28 октября 1917 г. появился декрет СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», 30 октября – «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». Однако же политизация органов местного самоуправления осенью 1917 года не позволяла им в полной мере реализовывать возлагавшиеся на них задачи по обеспечению основных нужд местного населения.

Некоторое расширение прав местных самоуправлений в октябре – ноябре 1917 г. было не более чем вынужденной мерой, на которую большевистское руководство пошло в условиях тяжелого экономического кризиса и роста социальной напряженности в стране. Основная цель большевиков состояла в другом – в ускоренном создании системы Советов сверху донизу. Именно на обеспечение

полновластия Советов и были направлены основные усилия центральной власти. Вместе с тем выявившиеся к концу 1917 г. серьезные недостатки в функционировании новых органов власти выдвигали на первый план задачу унификации советской системы, выработки единообразных правил ее деятельности.

Уже с января 1918 г. началась указанная выше работа по унификации структуры и функций местных органов власти. В специальных инструкциях НКВД говорилось о роспуске земств и городских дум, а местным Советам предписывалось создавать при своих исполкомах отделы в строгом соответствии с перечнем центральных наркоматов [3, 24 янв.]. В декабре того же года вышло постановление Совета труда и обороны (СТО) «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты», согласно которому все распоряжения местных Советов, идущие вразрез с постановлениями центральной власти и препятствующие ее деятельности, подлежали отмене [16, № 93. Ст. 929].

Централизация власти и управления была возможна лишь в том случае, если распоряжения вышестоящих органов не игнорировались бы на местах, а соблюдались бы достаточно точно. Единственным инструментом, которым располагали большевики для решения этой задачи, были партийные комитеты. Следует также учитывать, что с 1918 г. локальные очаги Гражданской войны в России переросли в крупномасштабное противоборство «красных» и «белых», сочетавшееся с борьбой против интервенции, что не могло не отразиться и на положении партийных органов, и на деятельности местных Советов.

Тяжелые условия, в которых оказалась Россия в 1918 г., привели к милитаризации всех сфер жизни общества, в том числе системы государственного управления. Это выразилось «в усилении организационного централизма, оперативном решении всех вопросов, обусловленных войной, в установлении железной, граничащей с военной партийной дисциплины и повышении партийной требовательности, в перераспределении партийных сил в интересах войны» [7, с. 26]. Изменения коснулись и Советов. В одних случаях они прекратили свое существование (вследствие оккупации германскими

войсками управление в этом регионе осуществлялось командованием 8-й германской армии под руководством Г. фон Кирбаха) [15, с. 5–6], в других случаях съезды и конференции Советов в силу острых экономических, транспортных и других проблем было просто нецелесообразно, да и фактически невозможно созывать. Ведь в работе губернских съездов Советов в среднем участвовало до 150 чел. Иногда же численность советских органов могла быть еще больше. Так, например, Саратовский губсовет насчитывал 800 чел. [5; 3, № 3, с. 8]. Принятие большинства решений переходило от этих представительных форумов к исполкомам Советов или к их президиумам. Однако сами исполкомы также «оказались ограниченными в своих полномочиях, ибо построенное в годы Гражданской войны управление «по вертикали» привело к обособлению действий аппарата ряда отделов от своих губисполкомов (военного, ЧК, хозяйственных и т. д.), которые фактически работали под началом соответствующих центральных ведомств – комиссариатов, ВСНХ, ВЧК и даже финансировались ими» [19, с. 20].

Итак, контакты между советскими и партийными органами в 1917 – 1918 гг. складывались непросто. Во-первых, можно констатировать отсутствие в этот период четкого и постоянного взаимодействия между ними. Это во многом было связано с неразвитостью местных губернских, уездных и волостных структур РСДРП(б), которые в 1917–1918 гг. находились еще в стадии своего формирования. Свою роль сыграла здесь также тяжелая внутренняя и международная обстановка, отвлекавшая силы большевиков на решение текущих военно-политических задач.

Во-вторых, взаимоотношения партии и Советов в эти годы были далеки как от реальной политической конкуренции в рамках демократических процедур, так и от проявившегося позднее диктата партийных органов над Советами. Впрочем, уже в 1918 г. для этого диктата создавались благоприятные условия. Речь идет о ликвидации дореволюционных органов местного самоуправления, а также о концентрации власти в руках исполкомов Советов и их президиумов, т. е. весьма узкого слоя, фактически выведенного из-под контроля избирателей. Кроме того, наметилось усиление контроля партийных

органов над советскими, что нашло свое отражение и «обоснование» в официальной идеологии в виде тезиса о «диктатуре партии». Правда, этот контроль носил пока еще не системный, а скорее, эпизодический характер и сводился к попыткам унифицировать систему Советов, более четко регламентировать их деятельность. На наш взгляд, в основе этого лежало не только стремление большевиков к монополизации власти в своих руках, но и слабая дееспособность самих Советов, нуждавшихся в «опеке» вышестоящих партийно-государственных структур. В дальнейшем эти тенденции усиливались, следствием чего стало превращение Советов в лишенный власти технический аппарат, подчиненный партийным директивам.

### Список литературы

1. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990.
2. Вестник комиссариата внутренних дел. – 1918.
3. Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. – 1918.
4. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М., 1959.
5. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. – М., 1995.
6. Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М., 1923.
7. Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг.: сб. статей / отв. ред. И.И. Минц. – М., 1974.
8. Из истории деятельности Советов: сб. статей / гл. ред. С.Ф. Найда. – М., 1966.
9. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. – М., 1994.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31, 33–35, 39.
11. Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. – Т. 1. Свержение самодержавия в России. – М., 1977.
12. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. – Ч. II. – Л., 1968.
13. Пионтовский С.А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. – М.-Пг.: Госиздат, 1923.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
15. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). – СПб., 1998.
16. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1918.

17. Советы Вологодской области, 1917–1987: Документы и материалы / сост. Р.С. Мителькова и др. – Архангельск, Вологда, 1988.

18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

19. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб., 1997.

УДК 94(47).084.6

ББК 63.3(2)614

***В. М. Курмышов \****

### **Вопрос о базировании Балтийского флота в 30-е гг. XX вв.**

В статье рассматривается история создания во второй половине XX в. двух новых баз Балтийского флота: в Ораниенбауме и Лужской губе. Выясняются причины, вынудившие руководство СССР принять решение о изменении базирования Балтийского флота. Характеризуются масштабы и ход строительства. Определяются влияние проведенных работ на боеспособность флота в мирное и военное время, а также положение местных жителей.

This article discusses the history of creation of the two new bases of the Baltic fleet – in Oranienbaum and Luzhskaya Bay in the second half of XX century. The article explains the reasons that led the USSR to take a decision of the change of deployment of the Baltic Fleet. The extent and progress of construction are characterized. The impact of work on the fighting efficiency of the fleet in peacetime and wartime, as well as the provision of local residents are identified.

**Ключевые слова:** Краснознаменный Балтийский флот (КБФ), базирование, порт, Ораниенбаум, Лужская губа.

**Key Words:** Krasnoznamenny Baltic fleet, deployment, port, Oranienbaum, Luzhskaya Bay

В интересах улучшения базирования Балтийского флота в 1930-е гг. необходимым было строительство новых пунктов базирования на южном берегу Финского залива, так как северный был бо-

---

\* **Курмышов Василий Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

лее мелководен, и к тому же основная его часть тогда принадлежала Финляндии. Наиболее целесообразными местами для новых пунктов базирования на южном берегу Финского залива были признаны Ораниенбаум [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 1] и Лужская губа [14. Оп. 1. Д. 256. Л. 49-53].

На месте будущего Ораниенбаумского порта находился погрузочно-разгрузочный отряд по разгрузке вагонов с грузами для Кронштадта и Балтийского флота в транзитные склады и непосредственно в баржи. В 1925 г. отряд реорганизовали в Ораниенбаумский перевалочный пункт. Необходимость расширения данного перевалочного пункта, а также предполагаемое базирования на нем подводных лодок и близость к ремонтным базам Кронштадта и Ленинграда обусловили создание там военного порта.

Также для будущей базы подходила восточная часть Лужской губы, омывающей Сойкинский полуостров. С середины 20-х годов там каждое лето (напротив деревень Ручьи и Вистино) базировались военные корабли. Глубины этого района Лужской губы позволяли подходить сюда даже самым крупным кораблям, таким как крейсер «Аврора», линкоры «Марат» и «Октябрьская революция». Из Лужской губы в июне 1922 г. под флагом Наркома по военным и морским делам председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе начался поход кораблей Балтийского флота до Кильской бухты.

Первым шагом в решении вопроса о расширении базирования Балтийского флота явилось постановление СНК СССР от 3 ноября 1931 г., которое предусматривало строительство военного порта в районе Ораниенбаума. Под порт отводился участок земли, непосредственно примыкающий к железнодорожной станции Ораниенбаум-1 и обширное водное пространство к северу по направлению к Кронштадту с глубинами от 0 до 3,5 м [9. Оп. 1. Д. 123. Л. 49].

С целью выполнения постановления СНК СССР в Управлении начальника инженеров (УНИ) МСБМ был разработан генеральный план порта с точной ориентировкой всех как оградительных, так и внутрипортовых сооружений. Дополнительно были подготовлены необходимые для проектирования отдельных сооружений задания: глубины в подходном и внутренних каналах и в гаванях; глубины за-

ложения набережных и эстакад; постоянные и временные нагрузки на причальный фронт и др. [9. Оп. 1. Д. 123. Л. 50-51].

При проектировании порта в УНИ МСБМ руководствовались следующими соображениями: сооружения и конструкции должны были быть не дорогими, но основательными с учетом постройки их в короткие сроки и имеющейся в распоряжении строительного управления техникой и оборудованием; применение остродефицитных материалов по возможности рекомендовалось исключать, сосредоточив при этом внимание на простейших типах свайных конструкций, деревянных эстакадах и ограждениях. В качестве огнестойких сооружений предполагалось использовать набережные из надводной каменной стенки на свайном основании частью на деревянных, частью на железобетонных сваях [11. Оп. 1. Д. 23. Л. 74-75]. Кроме того, при проектировании главным образом исходили из местных природных условий, так как порт предстояло строить на открытом побережье и в первую очередь необходимо было создать защищенное водное пространство [11. Оп. 1. Д. 23. Л. 65-66].

В соответствии с постановлением строительство Ораниенбаумского порта было возложено на Балтийское управление советского торгового флота (БУСТ Флота) [11. Оп. 1. Д. 23. Л. 98-99]. В фондах архивов не удалось обнаружить данных о деятельности этой флотской структуры. Однако изучение всего комплекса проблем по совершенствованию базирования МСБМ в 30-е годы позволило заключить, что строительство Ораниенбаумского военного порта поручили более опытной организации – БУСТ флота. 25 января 1932 г. ей передали задания и генеральный план для окончательного проектирования отдельных сооружений и составления календарного плана работ. Непосредственно работы по строительству порта должна была осуществлять контора Ораниенбаумского строительства БУСТ флота, переименованная в 1934 г. в Центральную контору капитального строительства Балтийского управления морского флота (БУМОП флот) [9. Оп. 1. Д. 43. Л. 34-36].

Работы по возведению порта начались в феврале 1932 г. Все строительство было разбито на два основных участка: восточный и западный. Восточный занимался сооружением восточного мола,

южной набережной, восточного ограждения, створных знаков и восточной дороги, а западный – работами по возрождению западного мола и волнолома с их деревянными эстакадами, деревянных эстакад в Военном Ковше и у входа в канал, береговых укреплений канала и работами по регулированию основных площадей. Особо выделялись дноуглубительные работы [12. Оп. 1. Д. 83. Л. 154-155].

Общее руководство работами по возведению порта осуществлял начальник строительства с одним заместителем. Во главе участков стояли производители работ, непосредственно подчиненные начальнику строительства. Производители работ руководили техниками и десятниками, распределенными и прикрепленными к отдельным сооружениям или их частям. Каждому десятнику за всё время строительства были подчинены определенные бригады во главе с бригадирами. Состав бригад включал кадровых рабочих Ленинградского торгового порта и рабочих, завербованных на период строительства среди местного населения. Среднемесячное количество рабочих за весь период производства работ составлял около 600 чел. [12. Оп. 1. Д. 41. Л. 27–28].

Транспорт и материальные склады находились в подчинении заведующего материально-транспортной группой. Механизация – в подчинении заведующего механизацией. Начальник административно-хозяйственной части руководил общежитиями, личным составом и питанием. Старший бухгалтер и начальник плановой группы с небольшими штатами вели всю планово-финансовую сторону строительства [12. Оп. 1. Д. 41. Л. 29-30].

Таким образом, при организации работ по возведению военного порта в Ораниенбауме в первую очередь исходили из местных условий, а также дешевизны строительных материалов, простоты конструкций и быстроты их возведения. Данный подход, как свидетельствуют архивные и другие материалы, был обусловлен недостаточным финансированием и ориентированностью флотской промышленности на вопросы судостроения и собственной технической реконструкцией.

Своевременное обеспечение возводимого порта строительным материалом являлась важнейшей составляющей на протяжении

всего времени его строительства. Основным материалом для строящегося порта были лес (пиленный и круглый), камень, щебень, песок, цемент и железо, с поставкой которых постоянно возникали проблемы, весь остальной материал относился к второстепенному, и проблем с ним не было [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 10–11].

В ходе строительства с брёвнами и пиломатериалом стандартных размеров особых затруднений не было, этот материал доставлялся водой и железной дорогой. Затруднения касались доставки леса специальных размеров (24 см, 13–15-метровые) и брусчатого шпунта. Этот материал на протяжении 1,5 лет поступал с опозданием. Камень и щебень в течение всех лет строительства доставлялись в основном железной дорогой со станции Ваганово. Ввиду больших затруднений в отношении получения вагонов для перевозки этих материалов, строительство систематически недополучало необходимое количество камня и щебня. Недостаток этих материалов больше чем что-либо другое влиял на сдачу основных сооружений в срок [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 23–24].

Песок строительный и балластный заготавливался своими силами: путем добычи землесосами и черпалками и выгрузки на территорию при помощи плавучего элеватора. Недостатка в песке строительство не испытывало, если не считать задержек летом 1934 г. из-за нехватки земснарядов. Цемент строительство получало в основном по железной дороге из Новороссийска. Большие задержки в получении требуемого количества цемента сорвали в 1932–1933 гг. план работ по бетонированию набережной. В 1934 г. цемент поступал без запозданий, что позволило завершить работы в срок.

Железо (арматурное и фасонное) доставлялось с южных заводов и задержек с его поставками не было. Болты, гайки и шайбы, которые требовались в огромном количестве (280 т ежемесячно), заготавливались в основном собственными силами и средствами. Постоянная нехватка этих мелких, но важнейших для деревянных сооружений материалов чрезвычайно влияла на ход плотницких работ в течение всей стройки. Даже в последний месяц работы с трудом удалось получить последние 200–300 кг гаек [9. Оп. 1. Д. 123. Л. 25].

Итак, в ходе обеспечения строительства материалами были случаи несвоевременных поставок и задержек, что зачастую ставило под срыв своевременную сдачу объектов.

Наряду с проблемами в поставке материалов строительство испытывало трудности в производстве самих работ. В ходе возведения Ораниенбаумского порта было забито около 88 тыс. свай: из них 12 тыс. железобетонных, 30 тыс. деревянных круглых и 57 тыс. брусчатого шпунта. Эти сваи забивались в течение 30 рабочих месяцев (750 календарных дней), так что в среднем в сутки забивалось около 117 свай разного вида. Производство работ по забивке свай периодами становилось исключительно тяжелой работой ввиду постоянной волны, особенно осенью 1932 и 1933 гг. Бетонные сваи изготавливались в Ленинградском торговом порту и доставлялись в Ораниенбаум на баржах [9. Оп. 1. Д. 51. Л. 54-55].

В ходе выполнения дноуглубительных работ при постройке Ораниенбаумского порта было обнаружено, что преобладающими грунтами являлись суглинки, переходящие на глубине 7–8 м в сильно заиленные пески. Этот последний грунт для землечерпательных работ очень был тяжел, что и вызвало впоследствии необходимость значительного переуглубления канала в некоторой его части. Работы по дноуглублению и одновременно по созданию порта из открытой со всех сторон территории нередко срывались по метеорологическим причинам. Отсутствие готовых запасных частей, некомплект состава караванов также вызывали значительные простои [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 11-12].

Итак, основными проблемами при производстве работ на строительстве порта явились метеорологические условия и тяжелый заиленный грунт.

Несмотря на ряд проблем и недостатков, основной объем работ по строительству Ораниенбаумского порта к концу ноября 1934 г. был выполнен. Порт представлял собой гавань глубиной 7,6 м, площадью 21 га, ограниченную восточным молом, западным волноломом и южной набережной. Общая территория порта составила около 40 га. С юго-западной стороны к гавани примыкал внутренний «Военный ковш», глубиной 6,1 м и площадью около 1,5 га. С южной

стороны продолжением гавани являлся внутренний Ораниенбаумский канал длиной 800 м и шириной от 40 до 60 м, с причалами глубиной 3,1 м. Подходом к гавани со стороны моря служил прямолинейный открытый канал длиной 3780 м, шириной по дну 100 м и глубиной 7,6 м [13. Оп. 1. Д. 62. Л. 33-33 об.].

По внутреннему контуру гавани и Военного ковша были сооружены бетонные и деревянные набережные глубиной от 6,1 до 7,6 м с общим протяжением 2400 м. Бетонная набережная составляла почти половину (1027 м) и делилась на два участка: один – вдоль восточного мола, а другой – вдоль основной территории. Она представляла собой бетонную надводную стенку, опирающуюся на железобетонные распорки, основанием которым служили деревянные сваи с железобетонными оголовками. Набережная рассчитывалась на равномерно распределенную нагрузку (1 т на 1 м<sup>2</sup>) и подвижную от паровоза [13. Оп. 1. Д. 62. Л. 35].

Берега внутреннего Ораниенбаумского канала имели причальный фронт протяженностью 1600 м и глубиной от 3,5 до 4,6 м в виде берегового откосного укрепления и семь деревянных пристаней. Три пристани, по 30 м каждая, располагались на восточном берегу, а три, по 30 м и одна в 110 м – на западном, рассчитанные под нагрузку 0,5 т на квадратный метр [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 17, 32].

Таким образом, построенный военный порт представлял собой классический образец гидротехнических сооружений – гавань, обеспечивающую защищенную от волн стоянку кораблей, а также перегрузку материальных средств с железнодорожных вагонов (других транспортных средств) на баржи (корабли) и обратно.

На основе приказа РВС МСБМ № 0197 от 28 октября 1934 г. построенная гавань вошла в состав Главного военного порта МСБМ как Ораниенбаумское отделение [14. Оп. 1. Д. 51. Л. 14]. Формирование отделения, как следует из приказа, считалось законченным к 20 октября 1934 г. На Ораниенбаумское отделение ГВП возлагалось: обеспечение Ораниенбаумского авиагарнизона, кораблей, 4 отделения службы наблюдения и связи (СН и С) и гаража штаба МСБМ; прием и отправка всех грузов МСБМ, проходящих через Ораниенбаумский железнодорожный узел; расквартирование воин-

ских частей и комсостава; ремонт зданий и строений; наблюдение за ходом нового казарменного и складского строительства; обеспечение всех мероприятий по внутренней и противопожарной охране как порта, так и базирующихся на Ораниенбаум частей и кораблей МСБМ. Командир Ораниенбаумского отделения подчинялся непосредственно командиру ГВП, а в гарнизонном отношении – начальнику Ораниенбаумского гарнизона [4].

На возведенный порт стали базироваться следующие соединения кораблей: третья бригада подводных лодок (управление бригады, плавучая база, 23-й дивизион подводных лодок – шесть лодок, 24-й дивизион подводных лодок – пять лодок, 25-й дивизион подводных лодок – пять лодок); бригада траления и заграждения (управление бригады, три минных заградителя, 1-й дивизион тральщиков – четыре тральщика, 2-й дивизион тральщиков – четыре тральщика) и учебное судно – крейсер «АВРОРА» [15. Оп. 1. Д. 139. Л. 6-16].

Как свидетельствуют материалы военно-морского архива, введенный в эксплуатацию Ораниенбаумский военный порт имел существенный недостаток – отсутствие на его территории складских помещений. Это вынуждало базирующиеся здесь корабли и береговые части получать все материальные средства в Кронштадте, а это предполагало большие потери времени на поездки туда и обратно, дополнительный расход топлива и другие издержки [15. Оп. 1. Д. 139. Л. 353].

Несмотря на ввод в эксплуатацию Ораниенбаумского военного порта, продолжилось его дальнейшее строительство. В 1935 г. на базе бывшей Ораниенбаумской паровой мельницы была начата постройка судоремонтных мастерских. В мае 1936 г. вступили в строй их первые цеха, которые выполнили ремонтные работы на сумму 432,3 тыс. руб., что составило 65 % от намеченного плана. К причинам невыполнения плана относились: переоценка производственных возможностей мастерских; невыполнение строительными организациями окончания монтажа мастерских (отсутствие воздуха, молота, пресс-ножниц, ряда станков, электроэнергии и другого оборудования); отсутствие планового снабжения материалами и инст-

рументами; недостаток квалифицированных рабочих; отсутствие механизированного труда, жилплощади при мастерских. В ходе дальнейшего строительства мастерские были расширены и улучшена их производственная база [14. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–8]. Кроме того, в 1935 г. была начата постройка здания станции для производства дистиллированной воды, здания базы подводных лодок, овощехранилища. К тому же была осуществлена прокладка мазутопровода, водопровода, подземных кабелей, а также воздушной проводки электросетей и линий связи.

В 1936 г. шло переоборудование здания бывшего лесопильного завода под ремонтные мастерские, двух жилых зданий под управление порта и была произведена закладка холодильника. В 1937 г. приступили к постройке складов для обозно-вещевого имущества и железнодорожной ветки к ним на территории Ключинской дамбы. В 1938 г. оснастили транзитный склад мотовозами, кранами и другими механизмами, и было завершено строительство складов для обозно-вещевого имущества.

В 1939 г. ввели в строй холодильник и приступили к строительству транзитной гавани, левее западного мола. Строительство гавани, как свидетельствуют материалы архива, преследовало следующие цели: осуществление транзитных операций по снабжению всеми видами довольствия ГВП КБФ; прием с судов и барж твердого топлива, предназначенного для снабжения Кронштадта и Ораниенбаума; прием и сдача с воды на воду бензина и керосина; стоянка вспомогательных судов (5 буксиров, 15 катеров, 10 барж, 2 плавкрана) [6. Оп. 2. Д. 623. Л. 132-143].

В районе Большой Ижоры уже накануне войны был сдан в эксплуатацию комплекс защищенных хранилищ и мастерских боезапаса для Балтийского флота. В ходе войны часть этих подземных сооружений использовались под командный пункт армии, защищавший Ораниенбаумский плацдарм [3, с. 47, 86–87].

Введенный в эксплуатацию военный порт и его дальнейшее совершенствование в значительной степени решило проблему занятости населения г. Ораниенбаума [2, с. 86–87]. Более того, подключение строящегося порта к государственной электросети по-

зволило осуществить электрификацию всего Ораниенбаума. Несколько раньше в интересах базирования Балтийского флота вошла в эксплуатацию электрифицированная железная дорога Ленинград – Ораниенбаум, что также способствовало развитию города [2, с. 87].

Однако построенный порт принес в жизнь города и значительные трудности. В 1935 г. на Ораниенбаум был распространен режим запретной зоны – он стал практически не доступен для посещения. Такое положение сохранялось вплоть до 1939 г., когда часть флота перебазировалась на запад. К тому же в 1935 г. Большой дворец был передан Гидрографическому отделу КБФ, что лишило возможности доступа к нему. Другой серьезной проблемой для города стал постоянный недостаток воды. В то время, когда корабли принимали ее на борт, город полностью оставался без воды [1, с. 286].

К сожалению, архивные материалы не дают ответа на то, как реагировало на это местное население. По понятным причинам в то время каких-либо открытых возмущений не было, а подобная ситуация объяснялась сложностью обстановки и необходимостью поддержания боеготовности флота на должном уровне. Можно только предположить, какое настроение царило среди жителей города Ораниенбаума, когда больницы, школы, детские сады, жилые дома систематически оставались без воды.

В то же время в ходе дооборудования порта продолжала совершенствоваться и его организационно-штатная структура. В соответствии с приказом НКО СССР № 0098 от 29 ноября 1935 г., ГВП и его подразделения с 1 марта 1936 г. перешли на новые штаты. На основании этого же приказа отделение в Ораниенбауме стало самостоятельной структурой – военным портом 2-го разряда [6. Оп. 2. Д. 174. Л. 46]. В дальнейшем (приказ командующего КБФ № 0586 от 1 ноября 1940 г.) Ораниенбаумский военный порт 2-го разряда опять подчинили во всех отношениях (за исключением гарнизонной службы) командиру Кронштадтского военного порта 1-го разряда. Кроме того, была осуществлена реорганизация Ораниенбаумского порта и переход его на новые штаты [5. Оп. 23. Д. 75. Л. 64].

В конечном счете создание в середине 30-х годов Ораниенбаумского военного порта позволило частично рассредоточить силы и средства Балтийского флота. Дальнейшее его дооборудование в основном за счет берегового строительства – ремонтные мастерские, склады, объекты систем обеспечения – позволило порту в конце 30-х годов в полном объеме решать вопросы обеспечения базирующих на нем кораблей и береговых частей [6. Оп. 3. Д. 47. Л. 135-136].

Вместе с тем имевшиеся возможности (особенно глубины и подходы к гавани) Ораниенбаумского военного порта были не в состоянии обеспечить базирование крупных кораблей. Поэтому дополнительно к нему в соответствии с постановлением СТО СССР № 37с от 11 июля 1933 г. было осуществлено строительство более крупного пункта базирования в Лужской губе. Постановление предписывало: «Приступить в 1934 году к постройке базы Балтийского флота в Лужской губе и в ее районе боескладов (в первую очередь для минно-торпедного боезапаса и вооружения)...» Командование ВМС обязывалось предоставить в месячный срок по этому вопросу в СТО доклад со всеми необходимыми расчетами [13. Оп. 1. Д. 498. Л. 86; Д. 201. Л. 69].

Со временем в штабе Балтийского флота стали накапливаться материалы о строительстве базы «Ручьи» в Лужской губе – доклады, задания, схемы и таблицы, которые носили гриф «Совершенно секретно». Задание 1934 г. предполагало, что база «Ручьи» создается для базирования кораблей в мирное и военное время. База должна была обеспечить: надежную стоянку всех кораблей; хранение и прием топлива, воды и предметов технического и хозяйственного снабжения; хранение и прием мин и торпед; минимальное размещение на берегу в летнее время личного состава (краснофлотцев, начсостава и их семей) кораблей [13. Оп. 1. Д. 201. Л. 72].

Планировалось, что на базе «Ручьи» в мирное время будут располагаться до 102 кораблей, а в военное – до 138. В число этих кораблей первоначально включалось три линкора, несмотря на то, что на Балтике их в то время было только два. В соответствии с проектом задания 1935 г. в базе «Ручьи» должны были размещаться уже

два новейших крейсера. Планы 1936 г. предусматривали базирование в Ручьях четырех, а затем шести строившихся в то время легких крейсеров типа «Киров» и восьми проектируемых линкоров [8. Оп. 8. Д. 84. Л. 1-2].

По плану 1937 г. в составе базы «Ручьи» уже предполагались иметь несколько пунктов – Ручьи (основной), Усть-Луга и озеро Липовское. Основной пункт Ручьи должен был обеспечить: спокойную стоянку в гаванях всех базирующихся кораблей; снабжение кораблей боезапасом, топливом, техническим и хозяйственным имуществом и продовольствием; текущий и малый аварийный ремонт всех классов базирующихся кораблей с их вооружением, за исключением линкоров; расквартирование личного состава подводных лодок, охотников за подводными лодками, катеров ВНОС и береговых частей и учреждений базы; культурное и медицинское обслуживание всего личного состава кораблей и базы.

Акваторию предполагалось разделить на три гавани: северную – для надводного флота с глубинами для линкоров 12 м, крейсеров 8 м, для остальных кораблей 6–7 м; среднюю – для вспомогательных и судоремонтных средств с глубинами от 7 до 12 м (в этой гавани предусматривалось в дальнейшем возможность строительства сухого дока для линкоров с аварийной осадкой до 14,5 м); южную – для подводных лодок, охотников за подводными лодками и катеров воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) с глубинами от 6 до 7 м.

Стоянка кораблей у причалов предполагалась соединениями (дивизионы, отряды и т. п.). Расстояние между кораблями – не менее половины ширины большого из них, между соединениями – не менее 20 м.

Для снабжения кораблей боеприпасами должны были быть построены пирсы: для сторожевых кораблей – один, для тральщиков – один, для эсминцев – два, для подлодок – два, для охотников за подлодками и катеров ВНОС – один и в судоремонтной гавани – один. Подача топлива, воды, пара и электроэнергии для всех кораблей должна была быть в местах их стоянки. Линкоры и крейсера паром для отопления снабжать не предполагалось. Всё остальное

обеспечение линкоров и крейсеров должно было осуществляться с барж, остальных кораблей – у пирсов снабжения и у мест стоянки. Навигационная обстановка базы должна была обеспечивать подходы с севера и запада для всех классов кораблей и с юга для легких сил.

Склады должны были быть обычного типа – наземные, защищённые от ударов авиации и огня артиллерии, укрытые в складах местности. В складах боеприпасов и химических средств предполагалось разместить до 30 % всего боезапаса, находящегося на кораблях. Боесклады предусматривалось разместить к югу от причального фронта базы на удалении не менее 2 км и связать с причалами железной и шоссейной дорогой.

Склады топлива и смазочных масел должны были обеспечить хранение одной полной заправки топлива всем кораблям, это около 80 тыс. Склад угля при базе предусматривался на 50 тыс. Кроме того, планировалось строительство складов технического, специально морского, вещевого и продовольственного снабжения.

Судоремонтные средства базы должны были обеспечить производство текущего и среднего ремонта всех классов базирующихся кораблей в объёме 10 млн руб. в год при одной смене рабочих. Мастерские для ремонта вооружения и боевой техники должны были обеспечить войсковой и мастерской ремонт всех видов вооружения и боевой техники всех кораблей. При мастерских вооружения предусматривались склады для хранения, снимаемого с кораблей на ремонт вооружения. Кроме того, предусматривалось строительство жилых, казарменных, служебных, коммунальных, санитарных и культурно-бытовых зданий и сооружений. Также предполагалось, что база должна быть обеспечена в полном объёме средствами связи, электричеством, водой, дорожной сетью и благоустроена [5. Оп. 2. Д. 316. Л. 8-14].

На озере Липовском намеривались создать пункт для манёвренного базирования дивизиона торпедных катеров. По всей видимости, к пункту должен был относиться и размещающийся на озере с середины 1930-х годов аэродром гидросамолётов. Пункт Усть-Луга предназначался для постоянного летнего и зимнего базирования

подводных лодок типа «Малютка», торпедных и бронекатеров, а также судов вспомогательного флота [5. Оп. 2. Д. 316. Л. 30-31].

Численность личного состава всех размещающихся в базе «Ручьи» кораблей должна была составить более 27 тысяч человек, а вместе с военнослужащими штабов, береговых частей, вспомогательного флота и вольнонаемными предположительная численность личного состава новой базы доходила бы до 34 тысяч человек [8. Оп. 8. Д. 101. Л. 65-66].

Таким образом, в базе «Ручьи» предполагалось разместить главные силы Балтийского флота, и она должна была стать главной базой флота – «Вторым Кронштадтом» (название, которым пользовались строители и местные жители – В.К.).

Строительство базы в Ручьях, несмотря на сроки, указанные в постановлении, из-за неподготовленности проектной документации и необходимости провести подготовительные работы началось только в конце 1935 г. Производство работ было возложено на УНР-5 Отдела инженерных войск КБФ, это был наиболее крупный его участок. Стоимость всего строительства (1936 г.) определялось в сумму свыше 400 млн руб. [7. Оп. 6. Д. 12. Л. 26], а в 1938 г. в 1 млрд руб. [5. Оп. 2. Д. 5. Л. 353].

Исключительная сложность работ по базе флота в Ручьях, постоянно увеличивающийся объем строительства, а также недостаток квалифицированного руководящего состава предопределили особое внимание к стройке со стороны Ленинградского обкома ВКП(б). Так, в феврале 1937 г. в соответствии с его специальным решением были укомплектованы инженерно-техническим составом и другими специалистами следующие объекты. В район гидротехнических работ морского побережья были присланы начальник района и начальник технической части; в район строительства водопровода и канализации – начальник района; в район дорожного строительства – начальник района; в район жилищно-промышленного строительства – два инженера-строителя. Кроме того, на стройку направлялся главный бухгалтер и один инженер в аппарат строи-

тельства на должность начальника производственного отдела [5. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2]. Всего же в 1935–1937 гг. партийными органами на строительство базы было направлено около 1200 различных специалистов [5. Оп. 2. Д. 12. Л. 7-8]. Эти цифры свидетельствуют о той реальной помощи со стороны партийных органов по укомплектованию руководящими работниками, в которых так нуждалось строительство.

Однако, как свидетельствуют архивные материалы, имели место и конфликтные ситуации между строителями базы и местными организациями. Так, Земельное управление при Леноблисполкоме в своем письме от 1 апреля 1937 г. (в трех экземплярах на имя прокурора Ленинградской области, председателя Леноблисполкома и командующего КБФ) просило привлечь к ответственности военнослужащих частей КБФ (УНР-5 и участок № 540) за их недостойное поведение в отношении колхозников и самих колхозов (погромы, порча имущества и др.). Резолюция командующего КБФ А.Г. Сивкова по этому поводу гласила: «...начальник УНР-5, как вы можете мириться с таким положением. Ведь это поистине совершенно недопустимо в стране социализма отношение к колхозникам. Приказываю в 3-х дневный срок ликвидировать все претензии по этому письму и доложить мне» [5. Оп. 2. Д. 12. Л. 12]. Имелись и другие случаи конфликтных ситуаций с местным населением [5. Оп. 2. Д. 316. Л. 14-16, 17]. Подобное очень характерно для таких больших строек и объясняется слабостью руководства и низкой дисциплиной на производстве.

Вместе с тем подобный масштаб работ по строительству базы флота в Ручьях не соответствовал возможностям отдела инженерных войск (ИВ, новое название вместо управления начальника инженеров) КБФ. Вот что об этом писалось в отчете за 1936 г. «...за текущий год так и не было разработано технических решений по конструкциям будущих сооружений. В течение года не было планов организации работ на объектах, отсутствовал контроль за выполнением работ, рабочие места не готовились. Средства механизации

на строительных участках использовался неудовлетворительно, плохо велся учет расходуемых материалов, бытовые условия рабочих были неудовлетворительные». Более того, в докладе (19 апреля 1937 г.) уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Рубенова отмечается, что из-за множества недостатков строительство базы в Ручьях по существу простаивает. В своих рекомендациях он предлагает организовать специальное расследование деятельности УНР-5, а также создать авторитетную правительственную комиссию с привлечением крупных специалистов для разрешения вопросов о правильности выбора места расположения гавани и схемы расположения оградительных сооружений; о пригодности типа основных сооружений, на которое ориентируется руководство строительства; о правильности расположения береговых сооружений в генеральном плане, их соответствии нормальной работе порта и задачам обороны. После разрешения данных вопросов он предлагал передать строительство базы в Ручьях НКВД [5. Оп. 2. Д. 316. Л. 45-55].

Аргументы, высказанные в этом документе (и, надо полагать, в других), в конечном счете были услышаны, и дальнейшее возведение базы КБФ в Ручьях (1938 г.) было передано организации «Строительство 200» НКВД СССР. В районе Ручьев сосредоточили более пяти тысяч заключенных, которых разместили в бараках, обнесенных колючей проволокой. Образовался Лужский лагерь НКВД СССР [5. Оп. 2. Д. 316. Л. 67].

К сожалению, до сих пор не обнаружено материалов о данном этапе строительства базы в Ручьях, но очевидно одно, стройка превратилась в объект, характерный для подобных лагерей того периода: охрана, вышки, колючая проволока, скудный паек и тяжелый изнурительный труд. Помимо заключенных на строительстве осталось часть инженерно-технического состава и местных жителей, работающих на самостоятельных объектах.

Вместе с тем, несмотря на трудности и недостатки в строительстве, постепенно на Кингисеппском взморье возник настоящий го-

род. Для семей военных моряков на берегу в районе Ручьи – Вистино начали строить четырех- и пятиэтажные дома. Если районный центр Кингисепп с населением в шесть с половиной тысяч человек состоял в основном из деревянных одноэтажных домов с печным отоплением, без водопровода и улиц без твердого покрытия, то здесь были и водопровод, и канализация, и паровое отопление, и мощные тротуары. Вскоре на территории «Второго Кронштадта» появились магазины, столовые, ресторан, детские сады, большая десятилетняя школа (пущена в строй в 1937г.), театр (большой базовый клуб), госпиталь, банно-прачечный комбинат, гостиница. Все здания и дороги в новом городе были каменными. Город тянулся от Ручьев до Вистино и имел несколько улиц [10. Оп. 1. Д. 90. Л. 32-33].

Параллельно велось строительство и военных объектов базы. С самого начала на расстоянии нескольких километров посредством металлических свай был укреплен берег, а затем вблизи него углубили акваторию будущей базы. Была построена железобетонная стенка с пирсами для стоянки кораблей. Для нужд строительства и самой базы от Косколово на Ручьи была проведена железнодорожная ветка. Другая (верхняя) дорога шла в полукилометре выше и предназначалась для обслуживания возникающего города и близлежащих населенных пунктов.

Вероятно, самым грандиозным сооружением строителей базы «Ручьи» был сухой док, выкопанный в основном заключенными и почти вручную, на месте Вистинского луга. Размеры котлована для этого дока составляли примерно 1,5 километра на 800 м, глубина 12 м. Копали док в течение пяти лет, рядом с доком строились судоремонтные мастерские [15. Оп. 1. Д. 76. Л. 78].

Первоначально предполагалось, что полное окончание работ по строительству базы произойдет к 1938, потом к 1939 г. Затем, вероятно, ввиду корректировки объемов строительства и нехватки средств, сроки строительства базы были пересмотрены. Кроме того, с расширением базирования КБФ на запад (Прибалтика и Ханко) значение будущей базы «Ручьи» несколько понизилось, но ее строи-

тельство не было остановлено. Момент начала базирования в Ручьях всего состава кораблей, включая самые крупные, был отодвинут до 1943–1944 гг. Если бы не Великая Отечественная война 1941–1945 гг., «Второй Кронштадт» мог бы стать реальностью.

С началом войны военно-морская база Усть-Луга (новое название) вступила в строй. 2 июля был назначен ее командир – капитан 2 ранга В. Лежава. С быстрым отступлением советских войск на восток «Строительство-200» НКВД СССР стало постепенно сворачивать свои работы, заключенных из Ручьев начали вывозить. Но работы по завершению строительства объектов базы и ее жилого городка прекращены не были. В июле 1941 г. в распоряжение командира ВМБ Усть-Луга прибыли два строительных батальона общей численностью около двух тысяч человек. В начале августа командование базы осуществило приемку во временную эксплуатацию зданий, сооружений, электрохозяйства, водоснабжения, канализации и теплоснабжения от «Строительства-200». Комиссией был принят весь жилой фонд базы, а также расположенный на ее территории механический завод, телефонная станция и другие объекты, часть жилых зданий осталась недостроенной. В середине августа 1941 г. в Ручьи пришел приказ об эвакуации. Начался демонтаж оборудования базы и отправка его в сторону Ленинграда, тогда же и начали готовить ее к уничтожению. Уничтожение базы производилось в течение последних дней августа. На основании приказа командующего флотом 1 сентября 1941 г. военно-морская база Усть-Луга была расформирована [10. Оп. 1. Д. 90. Л. 231].

Полуразрушенные сооружения базы «Ручьи» и ее городка со временем были разобраны местными жителями на строительство жилых и хозяйственных объектов. Но и оставшиеся руины все еще напоминают о грандиозности планов строительства и трагедии «Второго Кронштадта».

Таким образом, за счет строительства Ораниенбаумского военного порта и базы в Ручьях командование ВМФ и КБФ предполагало решить проблему базирования Балтийского флота. Однако осуще-

ствить в полном объеме намеченные планы не удалось. В эксплуатацию был сдан только Ораниенбаумский военный порт, за счет которого частично рассредоточили силы и средства флота. Строительство же базы флота в Ручьях завершено не было.

К причинам незавершения строительства можно отнести: отсутствие у командования Балтийского флота опыта в организации работ подобного масштаба, что обусловило передачу строительства базы НКВД; постоянно меняющиеся взгляды на состав базы и ее применение из-за разработок планов строительства «большого флота». В результате в начале войны неблагоприятно складывающаяся обстановка заставила уничтожить почти готовую базу, которую командование КБФ и ВМФ предполагало использовать как главную базу Балтийского флота вместо Кронштадта.

#### **Список литературы**

1. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. – СПб., 2001.
2. Город Ломоносов. – Л., 1961.
3. Полвека с флотом. Очерки истории военных строителей Балтики. – Калининград, 1998.
4. Приказы РВС МСБМ за 1934 г.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р.92.
6. РГА ВМФ. Ф. р. 305.
7. РГА ВМФ. Ф. 307.
8. РГА ВМФ. Ф. р. 441.
9. РГА ВМФ. Ф. р. 646.
10. РГА ВМФ. Ф. 914.
11. РГА ВМФ. Ф. р. 920.
12. РГА ВМФ. Ф. 1358.
13. РГА ВМФ. Ф. 1483.
14. РГА ВМФ. Ф. р-1976.
15. РГА. ВМФ. Ф. 2041.

*В. О. Левашко \**

**Основные формы и методы политического обеспечения  
боевой деятельности надводных кораблей  
Краснознаменного Балтийского флота  
во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг.**

В статье рассматривается роль политической работы в обеспечении военной деятельности надводных кораблей Краснознаменного Балтийского флота во время советско-финляндской войны; определяются ее основные формы и методы; делается вывод об эффективности политического руководства эскадры кораблей Краснознаменного Балтийского флота в локальной войне.

The article describes the role of political work in ensuring of the military activities of the surface ships of Krasnoznamenny Baltic Fleet during the Soviet-Finnish war. Its basic forms and techniques are identified. The article concludes on the effectiveness of political leadership of squadron of ships Krasnoznamenny Baltic Fleet in a local war.

**Ключевые слова:** Балтийский флот, политическая работа, политическое обеспечение, надводные корабли, советско-финляндская война, локальные конфликты, личный состав, социалистическое соревнование.

**Key words:** Baltic Fleet, political work, political ensuring, surface ships, Soviet-Finnish war, local conflicts, staff, socialist emulation.

В современном мире резко возрастает значение военных конфликтов малой и средней интенсивности, так называемых локальных войн. Одним из важнейших инструментов подобных конфликтов является Военно-морской флот, что наглядно продемонстрировали военные действия в Персидском заливе в 1991, 2001, 2005–2006 гг., агрессия НАТО против Югославии и другие подобные военные операции.

---

\* **Левашко Вадим Олегович**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

Одной из проблем, которая остро высветилась в ходе боевых действий, стала необходимость поддержания на должном уровне морального состояния личного состава флота как одного из важнейших факторов обеспечения боевой готовности. Не в последнюю очередь актуальность данной проблемы связана с тем, что в ходе подобных конфликтов одна сторона (заведомо более сильная) применяет против другой (заведомо более слабой) оружие ВМФ, отличающееся большой разрушительной силой. Противник стремится использовать этот факт в психологической войне, представить применение такого оружия как военное преступление, а моряков – его соучастниками. Это может негативно сказаться на моральном духе личного состава флота. Примеры подобных действий мы неоднократно видим в локальных войнах последнего двадцатилетия. Поэтому важно разработать целую систему форм и методов работы с личным составом, исключающую падение морального духа и, следовательно, снижение боеспособности. Советско-финляндская («зимняя») война 1939–1940 гг. была как раз таким локальным конфликтом, и поэтому анализ данной проблематики на её примере представляется весьма интересным.

На первом этапе боевых действий надводным кораблям Краснознамённого Балтийского флота предстояло действовать, прежде всего, против береговых укреплений противника. Задачи блокировать побережье Финляндии, а также уничтожения надводных кораблей противника на надводные корабли КБФ не возлагались [2. Ф.-р. 92. Оп. 2с. Д. 499. Л. 5].

Для ведения войны Краснознамённый Балтийский флот располагал достаточно внушительными надводными силами. В состав флота входила эскадра – два линейных корабля («Октябрьская революция» и «Марат»), два лидера эскадренных миноносцев типа «Минск», шесть эскадренных миноносцев типа «Новик»; отряд лёгких сил в составе крейсера «Киров» и пять эсминцев типа «Гневный». Надводные корабли были представлены также дивизиями сторожевых кораблей и торпедных катеров. С началом военных действий надводные силы КБФ пополнились также канонерскими лодками типа «Амгунь» и «Кронштадт» – 16 единиц, грунтовыми

шаландами германской постройки, принятыми по мобилизации [1, 1-70; 2. Ф.-р. 92. Оп. 2. Д. 573. Л. 4].

В ходе боевых действий главная нагрузка выпала на корабли эскадры, именно им пришлось вести борьбу с финскими батареями, в частности, на островах Бьёрке-Э. Эпизодически в боевых действиях принимали участие корабли отряда лёгких сил и канонерские лодки.

Рассмотрим политическое обеспечение некоторых операций.

После объявления о начале военных действий морально-политическое состояние личного состава эскадры было весьма высоким. Это видно из следующих высказываний: «Мы будем стоять вахту при температуре 100 градусов, только бы участвовать в боевых действиях. Скоро ли будет боевой приказ линкору?; "Землечерпалки" всё разобьют, линкору ничего не останется!»; «Скоро ли пойдём громить белофиннов? А то становится обидно...» и т. д [2. Ф.-р. 34. Оп. 6с. Д. 849. Л. 23].

Одной из первых операций надводных сил флота стала высадка десанта на острова в Финском заливе 30 ноября 1939 г. По сути, эта операция оказалась родом манёвров, так как противник никакого сопротивления не оказал, однако в ходе операции подтвердился высокий моральный дух личного состава. При высадке десанта на необорудованное побережье в сложных зимних условиях личным составом кораблей десанта было продемонстрировано немало примеров мужества и героизма, что подтверждает тезис достаточно высоком моральном уровне личного состава эскадры [2. Ф.-р. 34. Оп. 6с. Д. 849. Л. 23-24].

Начальными собственно боевыми операциями кораблей эскадры стали выходы на уничтожение финских береговых батарей на островах Бьёрке-Э. Первый выход состоялся 16 декабря 1939 г. Для политического обеспечения данной операции были проведены собрания командного и политического состава, большой сбор в коммунальной палубе для ознакомления с поставленной задачей. В выпущенном к началу операции боевом листке был опубликован призыв Всеволода Вишневского к морякам линкора и несколько «свежих» ответов краснофлотцев на него. Лозунгом боевого листка

был призыв: «Верные сыны Родины, вперёд! За Сталина, за счастье и независимость финского народа – огонь!»

Главной формой работы непосредственно на переходе в боевой район и в ходе обстрела было социалистическое соревнование. Для поднятия духа бойцов широко использовались лозунги и призывы: в третьей башне первый залп сопровождался призывом «За Родину, за Сталина», второй залп – «За наше правительство, за товарища Молотова». Хорошо была поставлена информация о ходе боя, которая своевременно сообщалась личному составу по внутренней трансляции.

Также активно использовался метод индивидуальных и групповых бесед. Всего на переходе политработники провели 19 различных бесед. В это же время был подготовлен 31 боевой листок. В целом политическое обеспечение операции, в отличие от выполнения боевой задачи (батарея не была подавлена), можно считать успешным. За время боя и перехода был зафиксирован только один негативный случай – уход с боевого поста. За время операции было подано четыре заявления в ВКП(б) и три – в комсомол [2. Ф.-р. 34. Оп. 6с. Д. 849. Л. 36-38].

В связи с тем, что 16 декабря подавить 254-мм батарею Сааренпя не удалось, 17 декабря линкор получил приказ вновь выйти в море завтра (18 декабря) с 12.00. К этой же операции были привлечены и другие корабли эскадры и дивизии сторожевых кораблей: лидер «Минск», эсминцы эскадры «Карл Маркс», «Артём», «Энгельс», «Ленин», эсминец лёгких сил «Стерегущий», четыре сторожевых корабля, четыре тральщика и шесть катеров МО [4, с. 188]. На этот раз противник оказал активное противодействие советским кораблям: в 13:41 батарея первой открыла огонь по линкору. Огонь линейным кораблем вёлся 1 ч 15 мин, при этом он сам находился под огнём противника 1 ч 36 мин. По докладам командира линейного корабля, подтверждённым летчиками морской авиации, были выведены из строя два орудия батареи из трех. По финским источникам, из строя было выведено одно орудие. В политдонесениях этот выход освещён достаточно подробно, что даёт возмож-

ность рассмотреть все формы и методы политической работы в боевых условиях.

17 декабря вечером командир и военком корабля детально проработали все детали и инструкции предстоящей операции. 18 декабря, за два часа до съёмки якоря, командир корабля и военком провели совещание начальствующего и политического состава и поставили задачи в целом и по подразделениям.

Военком провёл 20-минутное совещание политического аппарата и партторгов. В ходе него были даны конкретные указания по работе до боя и в ходе боя. За два часа до съёмки был выпущен боевой листок многотиражки и 15 боевых листков по подразделениям.

Боевой приказ до личного состава был доведён командирами подразделений и политруками за 1,5 часа до съёмки. С теми, кто в это время стоял вахту, были проведены индивидуальные собеседования. Секретари комсомольских организаций провели такую же работу с комсомольцами линейного корабля. Надо сказать, что личный состав воспринял эту новость с подъёмом. Моряки почеловечески тяжело переживали неуспех предыдущего выхода и обрадовались возможности реванша. Подтянулись даже ранее недисциплинированные краснофлотцы.

Оценивая работу личного состава в ходе боя, военный комиссар корабля отмечал, что в бою краснофлотцы действовали уверенно, как на учении. Особенно выделил военком командира корабля капитана 1-ого ранга Вдовиченко, управляющего артиллерийской стрельбой капитан-лейтенанта Яковенко, командира БЧ–2 Кухта, командира орудия второй башни старшину Елисеева и др.

В ходе боя и перехода политическим составом корабля была проделана следующая работа.

Военный комиссар: за два часа до съёмки с якоря совместно с командиром провёл совещание с начсоставом, затем – политруков и партторгов, на переходе проводил проверку настроения личного состава и беседовал с ним. Во время боя из боевой рубки по трансляции информировал команду о ходе боя, после чего обошёл башни и зенитные батареи, беседовал с личным составом. По объявлении готовности № 3 заслушал доклады политруков и дал указания на подведение итогов боя в подразделениях.

В свою очередь секретари партийного и комсомольского бюро давали указания активу в индивидуальном порядке, являясь по специальности артиллеристами, лично проверяли готовности материальной части к бою, помогали подразделениям включиться в социалистическое соревнование. В ходе боя находились по боевому расписанию: секретарь партбюро – в кормовой рубке, секретарь ВЛКСМ – в посту живучести в носовой части.

Политруки по подразделениям осуществляли следующие мероприятия: провели короткий сбор личного состава, в ходе которого совместно с командирами подразделений и БЧ информировали краснофлотцев и старшин о задачах похода. Затем ими был организован выпуск боевых листов (по итогам похода один общий по кораблю и шесть по подразделениям). Политруки организовали обсуждение вызова артиллеристов и развернули соц. соревнование. До боя провели проверку материальной части, дополнительно поставили задачи, во время боя информировали личный состав там, где не было радиотрансляции.

Подводя итог, военком линкора отметил недостатки; страдало морской болезнью 12 человек (из 1411 экипажа линкора) и отмечено два случая неуверенности под огнём противника: два зенитчика на открытом боевом посту [2. Ф.-р. 34. Оп. 6с. Д. 849. Л. 65-70].

9 декабря 1939 г. лидеры «Минск» и «Ленинград» в сопровождении одного эсминца и двух сторожевиков обстреляли батарею противника на острове Торвенсаари. При выполнении операции была проведена следующая работа: совещание командиров и политработников, проведены заседания партактива и митинги личного состава.

Давая оценку указанным операциям, надо отметить, во-первых, что политработники добились поставленных целей. Личный состав кораблей эскадры действительно горел желанием уничтожить противника. Это видно, в частности, из высказываний моряков после неудачных обстрелов: «Если будем ждать хорошей погоды, то эти острова надо брать до весны, надо брать сейчас», «Сраму будет нам, морякам, если острова возьмёт армия – мы должны взять», «Скоро залив замёрзнет – ничего не сделали», «Подойти надо бли-

же – чего их боятся, и разгромить» и т. д. Искренность подобных высказываний не может быть поставлена под сомнение.

Характеризуя деятельность политорганов, следует выделить сходные черты: точное выполнение политработниками своих обязанностей, чёткое распределение функций между ними. Следует выделить такие методы работы, как стремление информировать команду о ходе боя как по радио, так и другими средствами. Обращает также на себя внимание широкое и оправданное использование социалистического соревнования. В дальнейшем, в условиях Великой Отечественной войны, эта форма работы была упразднена как неэффективная и вредная для выполнения боевой задачи. Но это стало очевидно в условиях большой войны, когда малейшее отступление от Уставов и боевых наставлений могло иметь губительные последствия для всего корабля. В условиях же локальной войны, где можно было позволить себе отдельные вольности, социалистическое соревнование выполняло свою главную цель – мобилизовало личный состав на выполнение поставленной перед ним задачи.

Последнее можно проиллюстрировать примером из боевого листа рулевого отделения эсминца «Артём»: «Мы, рулевые, даём социалистические обязательства командованию корабля, что так поведём корабль, как ещё никогда не водили, для выполнения боевого приказа командования КБФ...» [3, № 41442]. Обращает на себя внимание чёткость и деловитость обязательств краснофлотцев и несомненное воодушевление, с которым принято обязательство.

На завершающем этапе операций грамотно использовалась такая форма работы, как групповые беседы и собрания по итогам операции. В наглядной агитации особое место занимала пропаганда поведения передовых краснофлотцев и командиров в ходе боя. Такие формы и методы работы в рамках разработанной системы на начальном этапе советско-финляндской войны себя оправдывали.

Ещё одним подтверждением успешности работы политических органов эскадры в боевых условиях стал рост числа заявлений о приёме в ВКП(б) и ВЛКСМ непосредственно перед боевыми операциями и в ходе них. Так, перед первым выходом линкора на обстрел укреплений Бьюрке-Э 16 декабря за один день было подано 42 за-

явления в ВКП(б) и 28 заявлений в ВЛКСМ. В ходе десантной операции на острова 30 ноября 1939 г. на эсминцах было подано 56 заявлений в партию и 21 заявление в ВЛКСМ. Среди подавших заявления были и командиры эсминцев «Артём» и «Энгельс» [2. Ф.-р. 34. Оп. 6с. Д. 849. Л. 20-23]. Для сравнения можно привести следующие цифры: за ноябрь 1938 г. по всему Краснознамённому Балтийскому флоту было подано 477 заявлений [2. Ф.-р. 36. Д. 983. Л. 20]. Таким образом, поданные перед началом и в ходе боевых операций заявления составляют десятую часть от месячной «нормы» для всего флота в «мирных» условиях. А ведь речь идёт всего о нескольких кораблях в течение одного дня!

Нельзя не отметить и тот факт, что в ходе боевых операций случаи недисциплинированного поведения, не говоря уже о нарушении приказов, были единичными или их вовсе не было. Так, на эсминцах 9 декабря политические органы отметили один случай пререканий краснофлотца с командиром батареи, в ходе выхода «Октябрьской революции» 16 декабря их совсем не было и т. д. [2. Ф.-р. 36. Д. 983. Л. 38].

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Политическому руководству эскадры КБФ и других соединений надводных сил флота удалось выполнить поставленную задачу. В боевых условиях моральное состояние личного состава надводных кораблей КБФ было достаточно высоким. Политическим органам удалось грамотно и эффективно использовать формы и методы воздействия на личный состав как в целом соединений, так и отдельных кораблей. Формы и методы политической работы, использованные при этом, доказали свою эффективность в условиях действия флота в локальной войне.

#### **Список литературы**

1. Бережной В.В. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945: справочник. – М., 1988.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
3. Центральный музей Военно-морского флота (ЦМ ВМФ).
4. Широкопад А.Б. Три войны «великой Финляндии». – М.: Вече, 2007.

УДК 94(47).084.9

ББК 63.3(2)63

*О. В. Капустина\**

**Деятельность Советского государства  
по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан  
во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг.  
(на основе анализа пенсионного законодательства)**

В статье содержится краткая характеристика деятельности советского государства в области пенсионного обеспечения граждан. Определены основные категории получателей пенсии. Сделана попытка сравнительного анализа пенсионных норм, разработанных для рабочих, служащих и членов колхозов.

The article contains a brief description of the activities of the Soviet state in the area of pensions of citizens. The main categories of recipients of pensions are determined. The author make an attempt of the comparative analysis of pension rules, designed for workers, employees and members of collective farms.

**Ключевые слова:** Советский Союз, пенсии, пенсионное обеспечение, пенсионное законодательство, рабочие, служащие, персональные пенсионеры, колхозники, условия труда, пенсионные льготы.

**Key words:** the Soviet Union, pension, provision of pensions, pension legislation, working people, black-coated workers, personal pensioners, collective farmers, conditions of work, pension benefits.

Общепризнанно, что в 1950-е гг. Советский Союз вступил в новый этап своего экономического развития. Основные задачи по восстановлению разрушенного войной хозяйства были выполнены. Первоочередной задачей нового этапа становилось обеспечение быстрого роста промышленного производства. Правительством был разработан ряд мер для привлечения в промышленность рабочей

---

\* Капустина Ольга Владимировна, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

силы, среди которых важнейшее место отводилось пенсионному обеспечению кадров.

Основным направлением пенсионной политики государства было улучшение пенсионного обеспечения за счет совершенствования законодательной базы, расширения круга получателей пенсии и постепенного увеличения размеров пенсий.

В 1956 г. разрозненные нормативные акты, регулирующие назначение пенсий, впервые были оформлены в виде закона «О государственных пенсиях в СССР» [7, с. 7–22]. Первые итоги действия данного закона были подведены через год после его вступления в силу: если в 1955 г. на выплаты пенсий в СССР было израсходовано 30,1 млрд руб., в 1956 – 36,5, то в 1957 – уже 57,9 млрд руб., а численность пенсионеров в СССР в 1957 г. достигла 18 млн человек [6 № 10, с. 6].

Основными категориями граждан, имевшими право на пенсионное обеспечение по старости, являлись рабочие и служащие. Закон 1956 г., прежде всего, разделял рабочих и служащих на три основные группы по их занятости в тех или иных условиях труда. Первая группа – это рабочие и служащие, уходящие на пенсию по старости на общих основаниях, т. е. с 60 лет – мужчины и с 55 – женщины. Вторая – рабочие и служащие, занятые в тяжелых условиях труда, пенсионный возраст которым был снижен на пять лет (до 55 у мужчин и 50 у женщин). Сюда же можно отнести граждан, работавших на Крайнем Севере и приравненных к нему местностях. Третья группа – рабочие и служащие, занятые на подземных работах и работах с вредными условиями труда, пенсионный возраст которым был снижен еще на пять лет (до 50 и 45 лет соответственно). Установление пенсионных льгот, связанных с работой в тяжелых и вредных условиях труда, и в первую очередь снижение пенсионного возраста, может быть истолковано двояко: с одной стороны, как забота государства о своих гражданах, с другой – как признание государством собственной неспособности создать на советских предприятиях нормальных условий труда, позволяющих им работать без опасения за собственное здоровье. Однако нужно заметить, что в большинстве капиталистических стран возраст для

назначения пенсий был значительно выше возраста, установленного в СССР. Например, в США женщины и мужчины могли рассчитывать на полное пенсионное обеспечение по достижении 65 лет и на неполное – в 62 года. В Канаде, Норвегии и Ирландии пенсионный возраст был равным для всех – 70 лет; в Швеции – 67 лет; в Англии и ФРГ – 65 лет для мужчин и 60 – для женщин. Предоставление советским гражданам возможности более раннего выхода на пенсию, чем в капиталистических странах, рассматривалось в Советском Союзе как важнейшее достижение социалистического строя.

В 1956 г. все профессии, дающие право на досрочное пенсионное обеспечение в соответствии с приоритетами развивающейся промышленности, были систематизированы и зафиксированы в утвержденных Постановлением Совета Министров СССР № 1173 списках: список № 1 [1, с. 3–44, 134–182] (подземные и вредные условия труда) и № 2 [1, с. 45–128, 183–272] (тяжелые условия труда). Данные списки делились на разделы в зависимости от видов производства. Некоторые разделы имелись как в первом, так и во втором списках, некоторые только во втором. Первый список, более краткий, конкретизирующий самые опасные для человеческого здоровья профессии, состоял из двадцати одного раздела и умещался на сорока страницах. Первые разделы этого списка были посвящены горным работам и дальнейшим переработке и обогащению полезных ископаемых. За ними следовали металлургическое производство и металлообработка, далее производства: химическое, электротехническое и радиотехническое, а также производства взрывчатых веществ и строительных материалов. Уже по названиям производств, за работу в которых правительство гарантировало гражданам наибольшие пенсионные льготы, можно определить основные направления развития советской промышленности. Это, прежде всего, производство средств производства, что совпадало с планами шестой пятилетки и семилетки (1959–1965). Следующие разделы были посвящены стекольному, бумажному, полиграфическому производствам, производству медицинских и биологических препаратов и транспорту. На первый взгляд, вызывает недоумение отнесение к приоритетным производ-

ства стекла и стеклоизделий, многие из профессий которого были связаны с изготовлением предметов роскоши. Однако представителями этих же профессий выпускались стеклянные детали для высокоточных приборов на нужды армии и стекло, необходимое для строительства.

Второй список был более широким, состоял из тридцати двух разделов и занимал восемьдесят страниц. Кроме вышеперечисленных разделов, в нем значились: добыча торфа, лесная промышленность, строительство зданий и сооружений, пищевая промышленность. Вся легкая промышленность была отнесена к одному разделу.

В начале 1970-х гг. была сделана попытка отказаться от существующего порядка назначения досрочных пенсий и пересмотреть списки в соответствии с проведенными в 1972 г. научными исследованиями факторов, ведущих к утрате трудоспособности, в которых участвовали НИИ Госкомтруда СССР, Минздрава СССР и ВЦСПС. Однако результатом всей этой работы явилось только новое расширение списков № 1 и 2 в 1976 г. за счет увеличения количества профессий. Списки в совокупности выросли в два раза, в них было дополнительно включено более 500 профессий и должностей. Причины увеличения списков были, на наш взгляд, следующие: во-первых, в конце 60-х гг. был издан новый Единый тарифно-квалификационный справочник, а в 1975 г. – «Общесоюзный классификатор профессий рабочих, должности служащих и тарифные разряды», задачей которых было упорядочение наименований профессий. На многих предприятиях для определения «вредных» профессий существовали местные названия, которые отсутствовали в списке. Для того чтобы рабочие, потерявшие из-за тяжелой работы здоровье, смогли сохранить свои пенсионные права, ряд неверно названных профессий был приравнен к профессиям, предусмотренным ЕТКС, Классификатором, и занесен в списки. Например, в металлургическом производстве были подтверждены права выколотчиков, вытрясальщиков и разбивальщиков литья как выбивальщиков литья, а также чищалаей литья и обрезчиков прибылей как обрубщиков, вырубщиков и опиловщиков фасонного литья на

наждаках и вручную. И, во-вторых, расширение списков отражало развитие советской промышленности, модернизацию производств и, следовательно, появление новых профессий. Однако рост числа новых профессий с вредными и тяжелыми условиями труда демонстрировал и о то, что снижению опасности производств государство по-прежнему не уделяло должного внимания. Рабочие же на эти производства привлекались заработками и будущими пенсионными льготами.

Еще одним важнейшим направлением изменения пенсионного законодательства, определенным развитием советской промышленности, было установление пенсионных льгот для работников Крайнего Севера. До Вступления в силу Закона «О государственных пенсиях в СССР» 1956 г. и даже в его первоначальных редакциях статьи, регламентирующей льготное назначение пенсий за работу на Крайнем Севере, просто не существовало. С 1945 г. действовала отдельная система льгот для работников НКВД СССР: Дальстроя, Печерского угольного бассейна и Ухтинского комбината. После разрушения системы ГУЛАГа возникла необходимость привлекать на северные территории свободных тружеников. С 1 марта 1960 г. каждый год их работы в районах Крайнего Севера засчитывался в трудовой стаж для начисления пенсии за один год и шесть месяцев. Для более точного определения права на льготы в 1967 г. был утвержден «Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к РКС» [4, ст. 203]. Согласно названному Перечню к РКС относились все острова Северного Ледовитого океана и его морей, острова Берингова и Охотского морей, а также вся Магаданская и Камчатская области. Районы Мурманской, Архангельской, Тюменской областей и Якутской АССР были отнесены как к РКС, так и к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера (МПКС). В конце 1960-х – начале 70-х гг. география районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей была расширена, а в основной пенсионный закон в 1967 г. добавлен пункт о снижении пенсионного возраста на пять лет для граждан, осваивающих северные территории. Снижение становилось возможным, если они проработали 15 календарных лет в РКС или 20 в МПКС.

Кроме этого, пенсионный закон 1956 г. делил пенсионеров из числа рабочих и служащих еще на две группы в зависимости от места их постоянного проживания и от наличия или отсутствия у них связи с сельским хозяйством. Если рабочий или служащий, не являвшийся членом колхоза, постоянно проживал в сельской местности и был связан с сельским хозяйством, размер начисленной ему пенсии уменьшался на 15 %. В случае изменения места жительства, например, переезда сельских жителей в город, уже назначенные им пенсии в сторону увеличения не пересчитывались, как не пересчитывались пенсии и в случае изменения статуса самого населенного пункта (преобразование поселка в город и т. д.). Подобная практика оправдывалась тем, что приусадебные участки могут приносить своим владельцам определенный (достаточный) доход, позволявший им сравняться с теми, кто получал пенсию в полном объеме. При этом прослеживалось определенное пренебрежение к людям, связанным с сельским хозяйством.

Что же касается самих членов колхозов, то до 1 января 1965 г., когда в соответствии с законом «О пенсиях и пособиях членам колхозов» [2, ст. 340] колхозники получили от государства строго определенные гарантии обеспечения по старости, размеры пенсий им устанавливались каждым колхозом в отдельности, в зависимости от имеющихся у них собственных фондов. Через год после вступления в силу закона колхозные пенсии только в Российской Федерации были назначены трем с половиной миллионом человек. Однако даже после распространения на рядовых членов колхозов государственного пенсионного обеспечения они не были сразу полностью уравнины в правах с рабочими и служащими. В первой редакции закона возраст ухода колхозников на пенсию по старости был установлен 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин, т. е. на пять лет выше пенсионного возраста граждан, не занятых в сельском хозяйстве. Это ограничение просуществовало до 1 января 1968 г. Минимальная колхозная пенсия в 1965 г. была установлена в размере 12 руб. в месяц, с 1971 г. увеличилась до 20 руб., а с 1978 г. – до 28 руб. Для сравнения: минимальная пенсия рабочих в 1960-х гг. составляла 30 руб., а в 70-х гг. – 45 руб.

Пенсии и колхозников, и рабочих исчислялись исходя из выработанного ими трудового стажа и среднемесячного фактического заработка, взятого за пять лет подряд из последних десяти лет перед обращением за пенсией (для рабочих был предусмотрен еще один вариант среднего заработка: за 12 месяцев перед обращением за пенсией). Реальные размеры колхозных пенсий оставались на много меньше, чем у рабочих, так как труд колхозников на протяжении многих лет не оплачивался должным образом. Гарантированная оплата труда для членов колхозов (деньгами и натурой) была введена только с 1 июля 1966 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 № 372 [3, ст. 92], в соответствии с которым расчеты с колхозниками стали производиться деньгами не реже одного раза в месяц и натурой – по мере поступления продукции. Немаловажно и то, что до 1978 г. рассчитанный размер пенсии уменьшался на 15 %, если колхозник имел приусадебный участок больше 0,15 га. Впоследствии им было разрешено получать полную пенсию, если размер их приусадебных участков не превышал норм, предусмотренных уставами хозяйств.

Кроме пенсий, которые в законодательстве так и назывались «пенсии по старости», существовало дополнительное пенсионное обеспечение для отдельных категорий граждан, имевших специальное образование, призванных прямо или косвенно обеспечивать поддержку курса коммунистической партии. Это так называемые пенсии «за выслугу лет», назначение которых не было привязано к определенному возрасту. Право на такие пенсии имели, прежде всего, педагоги и медики, которые сами материальных ценностей не производили, однако гарантировали советскому государству нужное количество образованных здоровых кадров. Учителям и сельским медикам пенсия устанавливалась за 25 лет выслуги, городским работникам здравоохранения – за 30 лет.

Необходимо выделить и отдельное законодательство, регулировавшее пенсионные права писателей, композиторов, работников изобразительных искусств, науки и артистов театров. Льготы, предусмотренные для людей науки и культуры в течение практически всего времени существования советского государства, подчеркива-

ли признание их значимости для социалистического строительства. Так, 13 января 1960 г. было издано Постановление Совмина о пенсиях для шести главных театров и четырех оркестров Советского государства [7, с. 90–91]. Это Постановление выделяло из общей массы Большой, Малый и Художественный театры в Москве, Кировский и Пушкинский театры Ленинграда, а также Украинский театр оперы и балета им. Т. Шевченко. Среди музыкальных коллективов страны были особо отмечены три симфонических оркестра (Государственный, Ленинградской филармонии и Всесоюзного радио и телевидения) и Краснознаменный ансамбль песни и пляски имени Александрова. В 1967 г. эти нормы были распространены дополнительно на артистов Театра им. Евгения Вахтангова и солистов-вокалистов телевидения и радиовещания. Интересно, что вместе с творческой деятельностью в выслугу лет артистов засчитывалось время их службы в составе Вооруженных сил СССР и в партизанских отрядах.

Наибольший интерес представляет особая категория советских пенсионеров – персональные пенсионеры. По замыслу советского правительства каждый гражданин, внесший исключительный вклад в строительство советского государства или совершивший героический подвиг, имел право на персональное рассмотрение его заслуг при назначении пенсии и после вынесения положительного решения, именовался персональным пенсионером. Для персональных пенсионеров до 1977 г. было предусмотрено пятилетнее снижение пенсионного возраста, как и для рабочих, занятых в тяжелых условиях труда. Размеры персональных пенсий определялись в каждом конкретном случае специальной комиссией, состоящей при СНК РСФСР, в зависимости от характера и степени исключительных заслуг лиц. Кроме права на пенсии, персональные пенсионеры могли рассчитывать на льготный порядок пользования жилплощадью, отоплением и другими коммунальными услугами, на освобождение от ряда налогов (со строений, со скота, с транспортных средств), на особое медицинское обслуживание.

В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. было закреплено право советских граждан на материальное обеспечение в старости. Однако в нормативных актах, регулирующих непосредственный порядок назначения пенсий, речь шла и о неких «других гражданах». Четкое определение этой категории содержалось в «Положении о порядке назначения и выплате государственных пенсий» [5, с. 86], утвержденном Постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 г.: Под другими гражданами имелись в виду лица, которые не являлись рабочими, служащими, военнослужащими, учащимися и не подлежали государственному социальному страхованию. Пенсии «другим гражданам» на общих основаниях выплачивались только в том случае, если они становились инвалидами в связи с выполнением государственных или общественных обязанностей или в связи с выполнением долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни. Другие граждане – это, прежде всего, священнослужители и лица, работавшие по договорам подряда и поручения, а также выполнявшие кратковременные случайные и мелкие работы для частных нанимателей: прачки, уборщицы, портнихи, домашние учителя, репетиторы, часовые мастера и т. д.

Права на пенсии по инвалидности и случаю потери кормильца (СПК) рассматривались как производное от пенсионного обеспечения по старости. Размеры пенсий по инвалидности и СПК напрямую зависели от того, к какой категории советских граждан был отнесен инвалид или умерший кормилец. Наиболее защищенными государством были инвалиды Великой Отечественной войны и семьи воинов, погибших в войну.

Советская система пенсионного обеспечения к концу 80-х гг. XX в. подошла к своему логическому завершению. Если говорить о ее совершенствовании, нельзя не отметить, что за время, истекшее с момента вступления в силу «Закона о государственных пенсиях в СССР» от 14 июля 1956 г., советское пенсионное законодательство стало более четким и детализированным и охватило практически все категории советских граждан. Любая пенсия в советском госу-

дарстве понималась как результат труда гражданина Советского Союза, оценка его вклада в экономическое развитие страны. Основным же показателем такого вклада в развитие государства был трудовой стаж. Вместе с тем в характере эволюции пенсионного обеспечения отразились изменения в государственной политике, совпадавшие к тому же со сменой лидеров правящей коммунистической партии. Первоначально пенсионный закон 1956 г. разрабатывался как закон для рабочих и служащих. Колхозное крестьянство до 1964 г. не имело прав на пенсии.

За период деятельности Л.И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС постепенно происходило уравнивание в правах колхозников с рабочими и служащими, и к моменту распада Советского Союза все три категории получателей пенсий де-юре в пенсионных правах были равны (одинаковый пенсионный возраст и механизм расчета пенсии). Реальная разница между сельскими и городскими получателями заключалась в суммах пенсий, исчисляемых из получаемых ими заработков: низкие заработки колхозников и 15 % снижение пенсий за проживание в сельской местности не позволяли им сравняться в правах де-факто. С другой стороны, происходило повышение пенсионного возраста у персональных пенсионеров. Опять-таки – де-юре персональные пенсионеры опускались до уровня простых рабочих и служащих. Таким образом, в окончательном варианте советское пенсионное законодательство отражало вывод XXVII съезда партии о важнейшей закономерности развития социальных отношений – сближении рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, становлении бесклассовой структуры общества при решающей роли в этом процессе рабочего класса. Однако примерное равенство в размерах пенсий для рабочих и служащих (максимальная пенсия в 1980-х гг. – 132 руб.), с одной стороны, давало большому числу советских граждан ощущение принадлежности к одной семье в рамках государства, а с другой – являлось одним из главных недостатков пенсионной системы в целом. Множество советских пенсионеров, имеющих разные заработ-

ные платы, разные способности, амбиции и потребности в результате имели все те же 132 руб. Уравнивательные тенденции в пенсионном обеспечении можно считать одной из характеристик «периода застоя».

В заключение нельзя не отметить, что советское пенсионное законодательство отразило существовавшее в государстве уважение к военнослужащим и, в первую очередь, к инвалидам Великой Отечественной войны, а также положительное отношение Советского государства к профессиональному образованию.

### **Список литературы**

1. Льготное пенсионное обеспечение: сб. офиц. материалов. – М: Профиздат, 1976.
2. О пенсиях и пособиях членам колхозов: Закон СССР от 15 июля 1964 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 29.
3. О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 № 372 // СП СССР. – 1966. – № 9.
4. Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера: Постановление Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 // СП СССР. – 1967. – № 29.
5. Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий: Постановление Совета Министров СССР от 3 авг. 1972 г. // СП СССР. – 1972. – № 17.
6. Социальное обеспечение. – 1957.
7. Социальное обеспечение в СССР: сб. офиц. материалов. – М: Профиздат, 1960.

# ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4)"375/1492"

ББК 63.3(4)42+63.3(4)51

*С.Н. Травкин \**

## **О прекращении деятельности монетных дворов на территории Юго-Восточной Европы в XIV–XVI вв.**

В XIV–XVI вв. работали многочисленные монетные дворы. Они принадлежали разным государствам и культурам. Однако процесс прекращения их деятельности подчинялся общим правилам.

During XIV–XVI centuries there were numerous mint places within the territory of Southeast Europe. They belonged to different states and cultures. However, the process of cessation of their functioning was dependent on common rules.

**Ключевые слова:** монета, монетный двор, средние века, Юго-Восточная Европа, Золотая Орда, Польское королевство, Великое княжество Литовское и Русское, Молдавское княжество, Крымское ханство, чеканка монет.

**The Key Words:** Coin, Mint place, Middle Ages, Southeast Europe, The Golden Horde, The Polish kingdom, The Grand Duchy of Lithuania and Russia, The Moldavian principality, The Crimean khanate, stamping of coins.

В последние годы в исторических исследованиях значительное место занимают материальные источники. Достоинствами их являются относительная объективность и многогранность. В зависимости от того или иного подхода вещественные источники позволяют судить о самых различных (и неожиданных) сторонах исторического процесса. Все это в полной мере относится к такому своеобразному источнику, как нумизматические материалы. В предлагаемой статье

---

\* **Травкин Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.

делается попытка дать краткий обзор такого интересного явления, как прекращение деятельности монетных дворов на территории Юго-Восточной Европы в период развитого и позднего средневековья.

Географические рубежи предлагаемого исследования охватывают южную часть Восточной Европы в историческом смысле этого слова. Эта территория на западе доходит до Дуная и Карпат, а на востоке до Дона. На севере она начинается от Припяти – Десны – Сейма, а на юге достигает Черного и Азовского морей. При этом Дон рассматривается в качестве восточной границы Европы, что соответствует средневековым представлениям о пределах этой части света [5, с. 92]. Хронологические рамки предлагаемой статьи охватывают время с XIV по XVI вв. Начинается этот период с разгрома Ногая. Результатом этого события была временная стабилизация Улуса Джучи и общей политической обстановки в Восточной Европе. Заканчивается рассматриваемый период рубежом XVI и XVII вв., когда временное ослабление Московского государства, усиление Речи Посполитой и возрождение экспансии Османской империи на северо-восток привели к новой дестабилизации обстановки.

Рассмотрим судьбу основных монетных дворов Юго-Восточной Европы в XIV–XVI вв. Состав их поражает своим разнообразием. На территории между Доном и Карпатами в это время чеканили монеты ханы Золотой Орды, купцы из Генуи, литовские князья, короли Польши, господа Молдавии. Все они оформляли монеты в соответствии с той культурной традицией, к которой принадлежали их государства. Однако необходимо признать, что вопреки огромному политическому и культурному разнообразию чеканка монет явно подчинялась неким общим ритмам и закономерностям. Это полностью относится и к такому интересному историческому феномену, как прекращение монетной чеканки в том или ином географическом пункте.

XIV столетие стало временем расцвета местной монетной чеканки в Юго-Восточной Европе. В это время на рассматриваемой территории действовало максимальное число монетных дворов. Однако уже во второй половине этого века и в следующем столетии наблюдаются первые признаки сокращения их числа.

Ведущей державой в начале рассматриваемого периода была Золотая Орда. В связи с этим необходимо прежде всего остановиться на динамике деятельности монетных дворов именно этого государства.

В первой половине XIV в. Золотая Орда достигла значительных успехов. В правление ханов Узбека (1313–1342) и Джанибека (1343–1357) [16, с. 22] была достигнута заметная централизация государства, в том числе и монетной чеканки [19, с. 100, 103].

Завершился этот этап развития денежного обращения Золотой Орды со смертью хана Джанибека (1357) и его сына Бердибека (1359), когда началась «Великая замятня». Этот конфликт расколол Золотую Орду и ее денежное обращение на отдельные части [14, с. 88–89].

Судьба фрагментов великой Азиатской державы в сердце Восточной Европы оказалась весьма разнообразной. Соответственно различной была история «западных» монетных дворов Золотой Орды.

Ярким явлением в денежном деле второй половины XIV в. на западе Золотой Орды были дирхемы и пулы города Шехр ал-Джедид. Согласно гипотезе С.А. Яниной эти монеты чеканились на территории современной Республики Молдова на месте городища (города) Старый Орхей. С.А. Янина предположила, что в этом городе выпускались монеты на двух языках: на тюркском «Янги-Шехр» и арабском «Шехр ал-Джедид» [21, с. 193–195].

Существуют и другие точки зрения по вопросу о географической локализации данного города [6, с. 28–36; 18, с. 149–155]. Однако необходимо отметить, что наиболее аргументирована находками реальных монет точка зрения С.А. Яниной. В дополнение к этому можно заметить, что результаты дискуссии о локализации данного монетного двора не являются для предлагаемой статьи принципиально важными.

Последние монеты, выпущенные в Шехр ал-Джедиде, первоначально датировались 769 г. Хиджры, т. е. 1367/1368 г. от Рождества Христова [21, с. 198]. Однако впоследствии были выявлены дирхемы этого города с датой 770 г. Хиджры (=1368/1369 гг.) [15, с. 142–146].

Сам факт исчезновения монетного двора в Шехр ал-Джедиде обычно принято связывать с гибелью золотоордынских городов на запад от Днепра [2, с. 90]. Вероятно, в этом явлении отразилось общее отступление татар на восток (за Днепр) под давлением литовских (и, возможно, молдавских) князей.

Еще одним центром чеканки джучидских монет в Юго-Восточной Европе был город Азак в устье Дона. Судьба этого монетного двора в XIV в. была достаточно сложной. Н.М. Фомичев в свое время отмечал активную работу монетариев Азака в правление Узбека, во время «Великой замятни» и в конце XIV столетия при хане Токтамыше. При этом исследователь особо выделил упадок монетного дела в правление Джанибека (1343–1357). Он особо отметил, что «при правлении Джанибека медные монеты Азака не выпускаются, их заменяют новосарайские монеты. Пока что ни одной монеты Азакского монетного двора нельзя уверенно связать с временем его правления. На работу монетного двора в это время явно должно было повлиять изгнание венецианцев из Таны на пять лет (с 1343 по 1347 г.), а также эпидемия моровой язвы, оставившая лишь пятую часть жителей Таны» [20, с. 240].

Важным центром монетной чеканки на западе Золотой Орды был Крымский полуостров. С середины XIII в. и до начала XV в. джучидские дирхемы и пулы чеканили здесь в городе Крым (Солхат). Однако в период с 1325 по 1375 г. чекан, вероятно, был прекращен, так как монеты Крыма, выпущенные в это время, остаются неизвестными [13, с. 17].

С XV по XVIII в. территория Крымского полуострова была центром одноименного татарского ханства. Династия ханов Гиреев организовала чеканку своих монет в ряде центров своего государства: в Крыму (Солхате), Кирк-Йере, Каффе. Наиболее ранние монеты, выпущенные основателем династии Хаджи-Гиреем, чеканены в 845 г. Хиджры (1441 г.) в Крыму [26, с. 2–6].

В нумизматических коллекциях представлены монеты большинства правителей Крымского ханства в XV и XVI в. [26]. Это позволяет предположить достаточно активную работу дворов Крымского ханства в пределах рассматриваемого периода.

Своеобразную группу нумизматических памятников в средневековой Юго-Восточной Европе образуют генуэзско-татарские монеты, которые совмещают в себе знаки власти татарских ханов и правителей средневековой Генуи. Они выпускались генуэзскими колониями в Крыму в городах Каффа и Солхат (Крым) в конце XIV и XV вв.

Наиболее активная чеканка генуэзско-татарских монет происходила в Каффе. Одновременно в этом городе выпускали типичные дирхемы Золотой Орды. Монеты Солхата были своеобразным дополнением к денежным знакам Каффы. В своих крымских колониях итальянцы выпускали в достаточно большом количестве серебряные и медные номиналы [9, с. 139–142].

Чеканка генуэзско-татарских монет в Северном Причерноморье прекратилась в 1471–1475 гг. [17, с. 16–71; 25, с. 93]. Крайней датой выпуска подобных монет является 1475 г., когда турецкие войска завоевали и уничтожили итальянские колонии в Крыму [3, с. 372]. В данном случае прекращение деятельности монетных дворов зафиксировало исчезновение в Северном Причерноморье очередной цивилизации, уничтоженной волной турецкой агрессии.

Соперниками Золотой Орды на политической карте Юго-Восточной Европы выступали Христианские державы. Собственные монетные дворы на землях между Доном и Карпатами имели Польское королевство, средневековое Молдавское княжество, Великое княжество Литовское и Русское. Рассмотрим чеканку Христианских держав с запада на восток.

Польское королевство чеканило серебряные червонорусские полугроши и медные денарии во Львове. Последние монеты, выпущенные польским королем в этом городе, относятся к правлению Владислава II Ягайло (Ягелло) (1386–1434). По мнению Н.Ф. Котляра чеканка монет во Львове прекратилась после 1414 г. [12, с. 119]. Подобное событие, вероятно, было связано с процессом централизации во владениях Польской короны.

Монетная чеканка в средневековом Молдавском княжестве производилась достаточно активно в последней четверти XIV и XV вв. Прекращение общегосударственной и регулярной чеканки в Молдавии относится к 1527 г. [4, с. 199–200].

Отдельные серии молдавских монет появлялись в XVI столетии. В XVII в. молдавские господа организовали в Сучаве тайную чеканку фальшивых монет соседних государств. Это вызвало жалобы иностранных послов к турецкому султану, который был верховным правителем всех Дунайских княжеств. В результате этого чеканка монет в Молдавии была официально и окончательно запрещена султаном во второй половине XVII в. [2, с. 209].

Исчезновение общегосударственных молдавских монет было достаточно длительным процессом, который растянулся более чем на сто лет. Значительно быстрее он происходил на периферии княжества. На востоке княжества местный монетный двор в Белгороде на Днестре (Четате Албэ, Аккерман) прервал свою деятельность значительно раньше. Определение основных типов монет молдавского Белгорода и времени их чеканки остаются еще весьма спорными. Однако датой окончательного и несомненного прекращения деятельности монетного двора в молдавском Белгороде можно считать 1484 г. [23, с. 334–335].

Особо необходимо отметить то, что прекращение чеканки молдавских монет в общегосударственном и местном масштабе было связано с военной и финансовой экспансией Османской империи в Северном Причерноморье. В 1484 г. турки османы захватили молдавские крепости Килию и Четате Албэ (Белгород на Днестре). В начале XVI в. Молдавское княжество окончательно стало вассалом и данником Оттоманской Порты: в 1538 г. по приказу султана Сулеймана I Великолепного (1522–1566) началось строительство турецкого города и крепости Бендеры на Днестре [10, с. 9–15]. Финансовые и военные претензии султана к Молдавии постоянно росли. Это привело к нехватке серебра и прекращению деятельности монетных дворов княжества.

Монетная чеканка литовских князей на рассматриваемой территории производилась сразу в нескольких городах. Это было связано с политической системой Великого княжества Литовского и Русского, в котором отдельным землям первоначально предоставлялась широкая автономия [7, с. 2–230]. Монетные дворы в XIV в. в большинстве своем открывались местными литовскими династиями, и история их была обычно весьма короткой.

Важнейшим центром южной Руси был Киев, который сохранял престиж древней столицы. Киев стал центром чеканки литовских монет во второй половине XIV в. В правление литовских князей Владимира Ольгердовича (1362–1395) и Скиргайло (1395–1397) в Киевской земле выпускались собственные серебряные монеты. Временем прекращения их чеканки можно считать период с 1395 по 1397 г. [24, с. 8–11].

Ближайшим к Киеву центром чеканки литовских монет был Новгород-Северский, где собственные серебряные номиналы выпускал князь Корибут Дмитрий Ольгердович (1380–1393). Можно предположить, что исчезновение монетного двора в Новгороде-Северском произошло одновременно с окончанием правления этого князя [24, с. 11–12].

На территории Подолии выпускал свои серебряные денежные знаки еще один литовский князь – Федор Кориатович (1388–1393) [24, с. 13]. Возможно, местом расположения этого монетного двора был Каменец-Подольский [22, с. 29]. Монеты этого правителя не имеют дат. В связи с этим исчезновение монетного двора, находившегося под контролем Федора Кориатовича, следует датировать временем завершения его правления.

Весьма спорным остается вопрос о чеканке литовских денариев, которые относятся к типу «наконечник копья с крестом» – «колюмны». Первоначально в историографии предполагалось, что эти монеты выпускали в 1384–1388 гг. в городе Луцке. Однако в последние десятилетия в исследованиях преобладает точка зрения о том, что денарии этого типа чеканились в начале XV в. в Вильнюсе (Вильно) Существует и другая дата их появления: в самом конце XIV столетия [11, с. 171–172, 176]. В целом вопрос о времени и месте выпуска этих монет представляется достаточно неопределенным, однако можно предположить их чеканку на рассматриваемой территории именно в конце XIV или начале XV в. Более позднее время выпуска монет представляется маловероятным.

Исчезновение монетных дворов на территории Великого княжества Литовского и Русского в массовом масштабе происходило в

конце XIV и начале XV в. Этот процесс, вероятно, был связан с политикой централизации, которую проводил великий князь литовский Витовт.

Краткий обзор истории монетных дворов XIV–XVI вв. в Юго-Восточной Европе позволяет сделать некоторые наблюдения. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

В первой половине XIV в. происходит временный перерыв в деятельности золотоордынских монетных дворов в Азаке и Крыму. Это явление можно связать с усилением централизации Улуса Джучи при ханах Узбеке и Джанибеке. Чеканка в этих пунктах возобновилась только после ослабления центральной власти в Орде. Исключением из этого правила был чекан Шехр ал - Джедида, который прекратился в 1370 г. и был связан с общим отступлением Золотой Орды на восток.

В конце XIV и начале XV в. исчезли многие провинциальные монетные дворы в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском и Русском. Данный процесс по времени совпал с политикой централизации этих государств. Можно предположить, что он был ее составляющим элементом.

Чеканка генуэзко-татарских монет была прервана в конце третьей четверти XV в. Почти одновременно прекратилась провинциальная молдавская чеканка в Белгороде на Днестре, а в первой четверти XVI в. был прерван регулярный выпуск общегосударственных монет в Молдавском княжестве. Все эти события были связаны с экспансией Османской империи. Однако необходимо отметить, что турецкие завоевания не были простым разрушением. В их результате была создана великая империя, которая контролировала все побережье Черного и Азовского морей. Цена подобной «глобализации» состояла в уничтожении местных политических и культурных центров, в том числе и монетных дворов.

Все это позволяет сделать вывод, что в XIV и XV вв. происходило массовое прекращение деятельности локальных монетных дворов на всей территории Юго-Восточной Европы. Это явление в подавляющем большинстве случаев было связано с политической

централизацией рассматриваемой территории в рамках крупных территориальных государств. В некоторых случаях монетные дворы исчезали в связи с завоеваниями внешних врагов, но конечным итогом подобной агрессии всегда было создание крупных политических образований. Можно сказать, что в конце XIV и XV в. заканчивалось время «политических карликов» и начиналась «эра империй», а прекращение деятельности монетных дворов служило своеобразным индикатором этого процесса.

### Список литературы

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея (золотоордынский период). – Кишинев: Штиинца, 1981.
2. Они же. Древности Старого Орхея (молдавский период). – Кишинев: Штиинца, 1982.
3. Алексеенко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // Херсонесский сб. – Вып. X. – Севастополь: Каламос, 1999.
4. Бырня П.П., Руссев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии // Stratum. – 1999. – N 6. – СПб.; Кишинев; Одесса: ВАШ, 1999.
5. Гербенштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев / комментарии и подготовка текста Ю.А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1986.
6. Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – Вып. 2 (N19). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
7. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
8. Древняя культура Молдавии / отв. ред. В.С. Зеленчук. – Кишинев: Штиинца, 1974.
9. Еманов А.Г. Север и юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень: МИ «Рутра», 1995.
10. Киртоагэ И.Г. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484–1595). – Кишинев: Штиинца, 1992.
11. Козубовський Г.А. Які монети Вітовта карбувалися на час битви біля р. Ворскли? // А се его сребро. Збірник праць на пам'ятку члена-корреспондента НАН України М.Ф. Котляра з нагодийого 70 - річчя. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2002.

12. Котляр Н.Ф. К вопросу о правовом положении Львовского монетного двора в XIV – XV столетиях // Нумизматика и Сфрагистика. – Вып. 2. – Киев: Наукова думка, 1965.
13. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в.) // Вестн. Одесского музея Нумизматики: – Вып. 1–19. – Одесса: Одесский музей Нумизматики, 2004.
14. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. – М.: Наука, 1983.
15. Николае Е. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра // Stratum. – 1999. – N 6. – Кишинев; Одесса; С.-Петербург: ВАШ, 1999.
16. Похлебкин В.В. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв., 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири): справочник. – М.: Междунар. отношения, 2001.
17. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // Известия императорской археологической комиссии (ИИАК). – Вып. 18. – СПб., 1906.
18. Сидоренко, В.А. Ханы Мамаевой орды и город Янгишехр // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999.
19. Федоров-Давыдов, Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и Эпиграфика. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
20. Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // Сов. археология. – 1981. – № 1.
21. Янина С.А. «Новый город» (Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Тр. ГИМ. Нумизмат. сб. – Ч. 5. – Вып. 1. – М.: Наука, 1977.
22. Яушева - Омелянчик, Р. Монетні двори на теренах України (від минулого до сьогодення) // Нумізматика і Фалеристика. – 2001. – N 4 (20).
23. Bita, T. Monede medievale Moldovenesti emise la Cetatea Alba // Memoria Antiquitatis. V. XXI. – Piatra - Neamt: Muzeul de Istorie Piatra – Neamt, 1997.
24. Douchis, R.J., Ivanauskas, E. Pocket catalogue of Lithuanian coins/ Kiseninis lietuvisku monetukatalogas / Kieszonkowy katalog monet litewskich/ Кішэнна каталог літоускіх манет/ Карманный каталог литовских монет 1386–1938 гг. – Kaunas: UAB «Judex», 2004.
25. Lunardi, G. Per una migliore conoscenza della monete della colonie genovesi del Mar Nero/ G. Lunardi // Memorie dell'accademia Italiana di studi filatelici e numismatici, – Vol. III, Fasc. I. 1986.
26. Retowski, O. Die Munzen der Girei – Heft 1–2. M., 1901–1903.

*Е. Н. Кириллова\**

### **Контроль за весом, ценой и качеством хлеба в средневековом городе (на примере Реймса)**

Власти каждого средневекового города всегда уделяли большое внимание пекарне; контроль был, прежде всего, сосредоточен на весе, стоимости и качестве хлеба. Нарушения в этом деле были известны в Реймсе с середины XIII в. Основными методами борьбы с ними являлись штрафы, которые иногда были очень тяжелыми, и запрет заниматься пекарским ремеслом.

The authorities of every medieval town always paid great attention to the bakery; the control most of all was focused on the weight, prices and quality of bread. The infringements in this business have been known in Reims from the middle of the XIII-th century. The main methods of struggle against them were the fines, which sometimes were very heavy, and the employment ban.

**Ключевые слова:** средневековый город, горожане, корпорация, ордонансы булочники, хлеб, качество, цена, вес, прево, ремесло, штраф.

**Key words:** medieval town, city-dwellers, corporation, ordinance, baker, bread, quality, price, weight, prevo, craft, fine.

Во французских городах ремесло булочников не всегда было организовано в корпорации (*métiers jurés*), но всегда пристально контролировалось городскими властями, так как речь шла о снабжении города и горожан продовольствием. Определение правильных веса, цены и качества хлеба и контроль за выполнением этих предписаний относились к важнейшим заботам, связанным с этим ремеслом.

В Реймсе соотношения веса и цены хлеба всегда определяли городские власти, и когда в XVI в. в городе был утвержден регламент булочников и кондитеров, в нем этих соотношений не было.

---

\* **Кириллова Екатерина Николаевна**, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

Непосредственно о качестве хлеба реймские источники обычно говорят довольно расплывчато: он должен быть из хорошего зерна и хорошо выпечен. Вес и цена определялись не в относительных, а в абсолютных величинах: при неизменной цене хлеба постановления и нормативные акты устанавливали его вес в зависимости от стоимости зерна и муки, от их сезонных колебаний.

Самым ранним из известных постановлений является ордонанс 9 августа 1343 г., совместно принятый крупнейшими церковными сеньорами города по ходатайству эшевендов. Он устанавливал, что цена белого хлеба не должна была превышать 2 денье, черного и бурого (brun) – 6 денье; цена могла быть ниже, но не могла быть выше определенной ордонансом [10]. За нарушение полагался штраф, размер которого не называется, и запрет на ремесло на ограниченный срок, при повторном нарушении – также штраф и запрет заниматься ремеслом в течение года.

Намного раньше, с середины XIII в., подобные нарушения фиксируются в книгах решений реймских эшевендов, которые велись с 1248 г. [10]. В 1257 г. прево обнаружил и изъял у булочника Буйяра хлеб меньшего, чем положено, размера, испеченный в двух разных печах. Булочник свою вину признавал, но настаивал на уплате только одного штрафа, обосновывая это тем, что речь идет об одном изъятии, произведенном в один день. Такие аргументы сочли неубедительными, и Буйяру пришлось заплатить два штрафа [10]. В похожей ситуации с булочником Людэ в 1266 г. один из хлебов, изъятый прево на рынке, был хорошего веса, а второй, из дома булочника, – меньшего, чем следует. Людэ вообще не хотел платить, указывая, что весь хлеб был испечен в один день, хотя и в двух разных печах, но эшевенды постановили, что за меньший хлеб он все-таки должен заплатить [10].

В 1261 г. эшевенды разбирали случай с двумя булочниками – Жермоном и Эрвеном, также уличенными прево в выпечке хлеба меньшего размера. Однако, по мнению булочников, прево неправомерно изъял у них хлеб: он был заперт на замок и в таком месте, где его вообще нельзя было брать. Прево требовал подтвердить, что при изъятии был разбит замок, и эшевенды присудили мастеров к

клятве – если они поклянутся на Евангелиях, что хлеб действительно был под замком в таком месте, где его было недопустимо забирать и замок был заперт, то они были бы свободны от штрафа за то, что хлеб был меньшего веса [10].

К клятве эшеваны присудили в 1303 г. булочника Брие, и в этом случае последствия данного решения и дальнейшие действия булочника и прево также остались неизвестны [10]. Прево проверил у Брие два хлеба, и когда один из них оказался меньше, чем следовало, потребовал заплатить штраф в 5 су. Брие утверждал, что его хлеб хороший, но когда прево предложил ему поклясться в том, что оба хлеба из одной печи – отказался. Далее в решениях эшеванов записано лишь то, что Брие все-таки должен принести такую клятву.

Для судебных регистров оказалась характерна некоторая расплывчатость формулировок: говорят о «хлебе меньшего веса», но не указывают, ни каким был этот вес, ни насколько он был меньше положенного. Нельзя не предположить, что разница между правильным и неправильным весом была менее важна, чем сам факт такого нарушения: ни один из булочников не пытался указать прево на незначительность (и потому – допустимость) «расхождения», хотя спорили по самым разным поводам.

Во всех этих случаях наказанием служит штраф, однако его сумма была упомянута лишь однажды, в 1303 г. Здесь, скорее всего, следует предполагать традиционность и общеизвестность суммы штрафа: его не было необходимости называть, он был одинаков для всех случаев. Ни разу не сказано о возможности такого наказания, как запрет на ремесло, временный или постоянный – но ведь ни разу эшеванам не пришлось сталкиваться и с повторным нарушением, совершенным тем же булочником. Не следует ли расценивать требования ордонанса 1343 г. как угрозу для потенциальных нарушителей, особо актуальную в периоды нестабильности?

Подавляющее большинство распоряжений, касающихся ремесел и ремесленников в городе и его округе, исходили от бальи реймского архиепископа, крупнейшего в городе сеньора [11]. Интересы архиепископа также представляли прокурор, секретарь суда (грефье), нотариусы и сержанты. Прево непосредственно занимался

поддержанием порядка в городе: он имел право досмотра и обыска, наложения ареста на имущество и задержания; именно он обходил мастерские и прилавки, контролируя не только булочников, но и других ремесленников и торговцев, забирал некачественные изделия и товары, добивался уплаты штрафов. Так, например, В 1248 г. эшевены разбирали дело между прево и булочниками, касающееся торговли на ярмарке и «из каменных окон их домов» – окна, как известно, нередко служили прилавками. Прево заявлял о причинении вреда подобной торговлей. «По совету добрых людей» эшевены разрешили булочникам торговать и на ярмарке, и за ее пределами, «из их каменных окон» [10]. Все указанные обязанности прево существовали в течение XIII–XV вв., причем в их выполнении ему помогал сержант [11]. С середины XVI в. контролировать и досматривать хлеб и кондитерские изделия, выставленные на продажу в Реймсе, стали присяжные – должностные лица корпорации булочников и кондитеров. Эти обязанности присяжных зафиксированы в регламенте для реймских булочников и кондитеров, утвержденном бальи архиепископа в 1561 г. [11].

О контроле над булочниками говорилось в специальных разделах в общегородских регламентах, известных в Реймсе с конца XIV в.: это ордонансы эшевенов 1380 и 1389 гг.; ордонансы бальи Вермандуа 1627 и 1630 гг. (в Реймсе интересы королевской власти представлял наместник бальи Вермандуа. Бальяж был создан Филиппом-Августом в Лане в 1186 г. Шампань и Бри были присоединены к королевскому домену позднее, в XIV в., но фактическим их хозяином король был уже с 1285 г.); регламенты бальи архиепископа и генерального наместника полиции города и пригородов Реймса 1701 и 1727 гг. (бальи архиепископа стал генеральным наместником с 1699 г.) Эти регламенты были адресованы всем жителям и посвящены поддержанию порядка в городе; они регулировали вопросы городского благоустройства, правила поведения горожан и особую деятельность отдельных ремесел.

В посвященном булочникам небольшом разделе ордонансов 1380 и 1389 гг. [10], как и в последующих общегородских регламентах, центральное место занимало требование печь и продавать бе-

лый хлеб, цена которого не дороже 2 денье, 1 денье, 1 майля (2 майля = 1 оболу, 2 обола = 1 денье, 12 денье = 1 су. Однако при пересказе этого постановления в тексте, вставленном на fol. 10 Красной книги эшевенон, говорится о цене в два раза большей, в 1 обол) [10]. За нарушение ордонансы определяли штраф в размере 5 су за каждый раз [10]. Обратим внимание: это первый документ, на основании которого можно соотнести цену хлеба и сумму штрафа, налагавшегося за связанное с ним нарушение. Штраф в 30 раз больше стоимости самого дорогого изделия и в 240 раз больше стоимости самого дешевого.

5 су соответствуют штрафу, названному в решениях эшевенон 1303 г., и как предполагается, традиционны. Была ли необходимость угрожать мастерам запретом на ремесло, если штраф многократно превышал доход мастера от его работы? Ведь булочник терял деньги, вырученные от продажи десятков хлебов, если хотя бы один из них оказывался меньшего размера.

Первой четвертью XV в. (1420–1421) датируется следующий городской регламент, который, однако, определяют как попытку обновления и как нереализованный проект, а не как действующее постановление [10]. В проекте предлагалось взимать 20 су штрафа с булочников и тавернщиков, если они пекут белый хлеб дороже 2 денье, 1 денье, 1 обола. Это самая первая статья раздела о булочниках, и, как отмечает издатель, здесь повторяются формулировки 1389 г. [10]. Однако третья статья раздела возвращается к этому требованию еще раз: хлеб должен быть правильного веса и такой цены, какая установлена в соответствии со стоимостью зерна, и он должен быть хорошо выпечен. Иначе хлеб изымается и будет роздан как милостыня, штраф – 20 су на первый раз.

Но даже такого штрафа, как предполагали составители проекта ордонансов, будет недостаточно, чтобы прекратить подобные нарушения. Было предусмотрено, что в случае повторного нарушении булочнику грозил временный – на год – запрет на профессию, либо же суд мог назначить другое наказание. И такая альтернатива появилась не случайно: любой другой вариант (крупный штраф, например) также ухудшал положение мастера, но не лишал его возможности работать и зарабатывать.

Следующая, заключительная, статья раздела о булочниках рассматривает ситуацию, связанную с их отказом от своей профессии: булочникам запрещалось прекращать заниматься их ремеслом «из-за ордонанса» под угрозой 100 су штрафа на первый раз, 200 су – во второй и изгнания из города – в третий [10]. Это уникальная статья, подобных ей нет ни в тех ордонансах, что действовали ранее, ни в тех, что были приняты позднее, и не только тогда, когда речь заходит о булочниках, но и в отношении других ремесел. Такое предписание означает, что городским властям Реймса отказ булочников от своей профессии представлялся крайне нежелательным, хотя известно, что не менее нежелательными были и многие другие действия мастеров или горожан, такие как изготовление некачественных изделий и торговля ими, совмещение профессий и многое другое. Однако за это не устанавливали огромных штрафов и не угрожали изгнанием из города.

Текстологический анализ раздела о булочниках в проекте городских ордонансов позволяет увидеть, как могло происходить изменение существующих норм и какой могла быть реакция на эти изменения. Составители внесли новый штраф в статью из предыдущего постановления и сочли необходимым добавить новую статью, повторив и усилив уже прописанную норму: запрет «отказываться» следует после двукратного упоминания нового штрафа в 20 су и непосредственно после угрозы запретить заниматься ремеслом, если мастер неоднократно уличен в выпечке хлеба меньшего размера и плохого качества. Заключительная статья раздела явно указывает на обсуждение нововведений с компетентными людьми – это могли быть уважаемые горожане, купцы, и могли быть мастера-булочники [1]. Только те, кто хорошо знал это ремесло, а наиболее вероятно – те, кто им непосредственно занимался, могли высказать такую реакцию на новые наказания.

Несоответствие размеров, качества и цены хлеба – самое распространенное из возможных нарушений в этом ремесле, и наказание за него неизбежно получается самым «частым». Однако подобные превентивные меры оказались слишком сильными и не соответствующими тяжести проступка, и потому не смогли спра-

виться с задачей предотвратить нарушения. Скорее, они вызвали обратную реакцию мастеров – возможно, еще не отказы от ремесла, но уже угрозы отказаться, почему властям и понадобилось запрещать им принимать такие решения и, в свою очередь, угрожать астрономическими штрафами в 100 и 200 су и даже изгнанием из города. Эти идеи не могли быть приняты в качестве общегородской нормы, и в следующих общегородских регламентах начала XVII в. таких правил уже не было, как не было и запрета отказываться от своей профессии.

Штраф в 5 су уже был очень чувствителен, а резкое возрастание суммы, в 4 раза за прошедшие с предыдущего ордонанса 30 с небольшим лет, тем более было ощутимо для мастера. Такой скачок вообще был нехарактерен для этого периода (до революции цен) и вряд ли был оправдан сложившейся в ремесле обстановкой, хотя нельзя не предполагать, что предпосылки для беспокойства у властей были. Но связаны они были, скорее всего, не с исключительно внутригородскими проблемами, а с общей нестабильной политической, экономической и социальной ситуацией Столетней войны и особенно периода противостояния бургиньонов и арманьяков. В следующем разделе проекта 1420–1421 гг., специально посвященном весу хлеба, определялся его вес ценой в 1 денье в зависимости от стоимости муки, с очень большим разбросом цен: от 4 до 16 су за сетье, соответственно, с такой же большой разницей в весе хлеба, почти в четыре раза [10]. Вероятно, что предполагавшиеся сильные колебания цен создавали обстановку, провоцирующую нарушения.

Штраф в 22 парижских су 6 денье стал правомерным для этого ремесла и для такого нарушения лишь спустя 150 лет, как свидетельствует регламент булочников и кондитеров, утвержденный в 1561 г. Эта сумма была установлена на первый раз, при повторном нарушении назначался «произвольный» штраф, размер которого определялся судом [11]. Сумму в 22 су 6 денье можно сопоставить с 20 су из проекта ордонансов начала XV в., прибегнув к примерам из практики других ремесел. Штраф в 22 су 6 денье известен для так называемых «семи ремесел» видама (видам – сеньор, державший

земли от епископства или аббатства при условии представлять церковного сеньора в его мирских делах и защищать их). Число «семь» условно, в разных списках называли от трех до девяти ремесленников) [2, с. 37–39], причем 2 су 6 денье из этой суммы предназначались сержанту, который помогал наказывать нарушителя, как представитель власти присутствуя при совершившихся присяжными обходах и при конфискации некачественных изделий. Остальные 20 су делились поровну между сообществом мастеров и властями [11]. Таким образом, компенсация пострадавшим от совершенного правонарушения (в качестве пострадавшей стороны было бы справедливо назвать покупателя, однако, по всей видимости, речь идет о таких случаях, когда хлеб еще не был продан. В регистрах эшевеннов обращения покупателей также не встречаются) составляла в данном случае 20 су, а сержант получал плату за выполненную им работу. Характерно, что штраф в 22 су 6 денье есть также в уставе реймских мясников 1467 г., и это единственная обозначенная в регламенте сумма штрафа, но делится он не так, как указано выше, а поровну между сообществом мастеров и властями [11].

По регламенту булочников и кондитеров 1561 г. штраф предназначался архиепископу и только в том случае, если нарушение, впервые совершенное булочником, обнаруживали мастера ремесла (присяжные), они могли претендовать на треть штрафа. При повторном нарушении штраф не мог быть разделен между ними, он полностью выплачивался архиепископу. Эти принципы были сохранены в постановлении бальи архиепископа от 7 июля 1562 г., окончательно разрешившем конфликт по поводу раздела штрафов [11].

Ситуация с разделом этого штрафа оказывается еще сложнее, если обратиться к актам, фиксировавшим права видама реймского архиепископа. Регламент 1561 г. не был согласован с этими актами, хотя был утвержден бальи архиепископа, несомненно осведомленного о правах видама. Видаму полагалась треть штрафа, о чем свидетельствуют документы и XV в., и более поздние: «Вышеназванный господин видам имеет право, когда прево Реймса берет хлеб булочников, тавернщиков и других выставляющих его на продажу... если хлеб слишком мал, брать через своего бальи или

прокурора (уполномоченного представителя) треть из штрафа, который делится между прево и виконтом». Сержанты видама, прево и виконта «могут идти брать этот хлеб, если посчитают необходимым» (ок. 1425 г.) [9, с. 8–9]. Вероятнее всего, видам, прево и виконт получали каждый по трети от суммы. Однако никакие нормативные акты или судебные решения не фиксируют такого правила раздела штрафа. И позднее, в XVI и XVII вв., права видама остаются неизменными: видам «имеет право брать треть штрафов, которые присуждаются булочникам за нарушения, обнаруженные в хлебе, как за брак, погрешности в весе, так и за другие» (1580 и 1684 гг.) [11]. Возможно, что существовало некое традиционное и потому в постановлениях особо не оговоренное деление штрафов в зависимости от места проживания (соответственно, юрисдикции) булочника и от того, кто обнаружил нарушение.

Нельзя не отметить заинтересованность в получении доли от штрафов и множественность контролирующих булочников инстанций: должностные лица, представлявшие интересы архиепископа, видама, крупных сеньоров города; эшевены; должностные лица корпорации и остальные мастера-булочники, а также покупатели, хотя сведений о роли последних в источниках практически не сохранилось. Штрафы – не единственный возможный источник доходов, связанный с этой профессией. К ним несомненно следует прибавить такие традиционные возможности, как получение судебных издержек, полагавшихся тому, кто разбирал тяжбы булочников, плата за утверждение и регистрацию документов, имевших отношение к ремеслу и мастерам, и др. Однако в случае с булочниками, в отличие от многих других ремесел, ситуация значительно облегчалась таким обстоятельством, как ключевое положение этой профессии в снабжении города продовольствием и потому традиционностью и общепризнанностью контроля над ремеслом, в насущной необходимости которого не возникало никаких сомнений.

Второе важное обстоятельство – многочисленность булочников, опять же в сравнении с другими ремесленниками. Они обеспечивали хлебом важный религиозный центр королевства, крупный ремесленный и торговый город: в XIII–XV вв. в Реймсе проживало 10–

12 тысяч человек [7, с. 120; 8, с. 18–19, 23–24], к концу XVI в. – около 20 тысяч [5, с. 200; 4]. В регламенте 1561 г. и в сопровождавших его составление и утверждение документах и постановлениях приводятся имена лишь четырех присяжных мастеров, а не всех работавших в городе булочников и кондитеров [11], хотя нельзя не отметить, что такое число присяжных было характерно для крупных корпораций, насчитывавших несколько десятков мастеров. Регистры эшевендов второй половины XIII – начала XIV в. свидетельствуют, что нарушения случались далеко не каждый день, но регулярно, соответственно регулярными оказывались и поступления от штрафов.

И, наконец, следует сказать о специфике правового сознания – булочники далеко не всегда соглашались с прево, уличившим их в нарушении (возможно, что немногочисленность таких записей в регистрах эшевендов свидетельствует как раз о том, что до них доходили только спорные случаи, а бесспорные – когда мастер сразу признавал свою ошибку – не требовали дополнительных разбирательств), и были готовы отстаивать неправомерность его действий либо вообще обращали внимание на отсутствие нарушения с их стороны, но никогда не пытались доказать, что небольшое отступление от правил допустимо, и только значительное расхождение в весе хлеба может считаться «настоящим» нарушением.

#### **Список литературы**

1. Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени. Ремесленники и торговцы Реймса в XVI-XVIII вв. – М., 2007.
2. Кириллова Е.Н. Отказ от ремесла: мотивы, последствия, предположения // Средние века. – Вып. 70 (1). – 2009.
3. Средневековый город. Приложение к ежегоднику «Средние века». – Вып. 1. – М., 2006.
4. Benoit R. Vivre et mourir à Reims au Grand siècle. 1580-1720. – Arras, 1999.
5. Histoire de la Champagne. – Toulouse, 1975.
6. Histoire de Reims / Sous la dir. de P. Desportes. – Toulouse, 1983.
7. Desportes P. Reims et les rémois aux XIII<sup>e</sup> et XIV<sup>e</sup> siècles. – Lille, 1977. – Т. I.
8. Jadart H. La population de Reims et de son arrondissement. – Reims, 1882.

9. Robert G. Le vidame de Reims et les métiers dépendants. – Châlon-sur-Marne, 1938.
10. *Varin P.* Archives administratives de la ville de Reims. – P., 1839.
11. *Varin P.* Archives législatives de la ville de Reims. – P., 1847.
12. <http://orbis-medievalisru.47.com1.ru/library/reglements.pdf>.

УДК 94(430).084

ББК 63.3 (4Гет)53-6

***А. В. Гостенков\****

### **Дипломатия кайзеровской Германии и первый марокканский кризис**

Приближающееся 100-летие возникновения Первой мировой войны побуждает вновь и вновь возвращаться к политике и политикам, ответственным за эту катастрофу. Германские лидеры сыграли не последнюю роль в инициации войны. Первый марокканский кризис – звено в цепи международных кризисов, приведших к столкновению великих держав.

Approaching 100th anniversary of the World War I led again and again to return to politics and politicians responsible for this catastrophe. German leaders played no recent role in the initiation of the war. The first Moroccan crisis is a link in the chain of international crises that led to a clash of great powers.

**Ключевые слова:** империализм, колонии, экспансия, договоры, милитаризм, дипломатия, внешняя политика, соглашение, нейтралитет, война.

**The Key Words:** Imperialism, colony, expansion, agreements, militarism, diplomacy, foreign policy, convention, neutrality, war.

Скоро человечество отметит важную трагическую дату своей истории – 100-летие начала Первой мировой войны, катастрофы, как назвал ее позже американский дипломат и историк Кеннан. Развившаяся война была продолжением политики великих держав

---

\* **Гостенков Анатолий Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент. Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

предвоенных лет в гонке вооружений, в стремлении подчинить себе еще свободные территории. Марокко входило в число немногих государств, которые еще сохраняли независимость и за которые разворачивалась дипломатическая борьба.

В соперничестве за Марокко столкнулись интересы Франции и Германии. Для Франции интерес к северо-западной африканской стране был обусловлен ее соседством с Алжиром, постепенным включением султаната в сферу своих интересов и твердым намерением ограничить контроль над Марокко европейских держав.

Германия же проявляла в большей степени экономический интерес к султанату. Однако во внешнеполитическом ведомстве под влиянием тайного советника Фридриха Гольштейна Марокко предлагалось рассматривать в более широком контексте германской мировой политики. Гольштейн исходил при этом из своей «доктрины» о несовместимости англо-французских колониальных интересов. Исходя из этого, по его мнению, в интересах Германии было бы лучше всего, чтобы марокканская «рана» осталась открытой [6, т. 4, № 682, 696, 717].

Для лучшего понимания расстановки сил великих держав накануне Первого марокканского кризиса целесообразно вернуться к его предыстории.

Германская «марокканская политика» являлась, можно сказать, ровесницей Германской империи. В своем развитии она прошла два этапа, в определенной степени соответствующих экономической и внешнеполитической программе германского империализма. Коснемся лишь второго этапа, непосредственно связанного с усилиями немецких монополий подчинить важную в экономическом и стратегическом отношении североафриканскую страну.

Экономическое проникновение Германии в Марокко началось в 70-е годы XIX в. Первый немецкий консул был назначен в Танжер в 1873 г.; вскоре последовали назначения в Магадор, Саффи, Рабат, Фес... В 1877 г. в Марокко прибыла официальная германская миссия, чтобы на месте изучить обстановку. В середине 70-х годов разного рода предприниматели предлагали Бисмарку захватить Северную Африку, включая Марокко, чтобы сделать его торговой колонией [12, с. 205].

Бисмарк, однако, не ставил задачей получить Марокко. Лишь после его отставки с переходом к империалистической политике в полной мере проявился интерес к заморской политике. Фридрих Гольштейн, который после ухода Бисмарка в 1890 г. получил большое влияние на формирование внешнеполитического курса Германской империи, вначале был твердо убежден – североафриканская страна должна стать яблоком раздора между Англией и Францией. Неплохо, если англичане овладеют Танжером: «Непримиримая вражда между Англией и Францией, которая возникла бы из-за английского обладания Танжером, важнее, чем все другое» [6, т. 3, с. 367], инструктировал он своего друга, германского посла в Лондоне графа П. Гатцфельда. Не без влияния Гольштейна германское руководство считало, будто Марокко можно использовать для привлечения Англии в Тройственный союз. Рассчитывали в Берлине и на то, что Марокко можно будет использовать для отвлечения Франции от «Вогезской дыры».

Вместе с тем энергично налаживалось коммерческое проникновение самой Германии в султанат. Боссы рейнской промышленной зоны заинтересовались рудными ресурсами Атласских гор, военноморские круги – портами на Атлантическом побережье. Все отчетливее проявлялась тенденция прочно обосноваться в Марокко. Немецкий экспорт в эту страну уже в 1894 г. составил примерно 1 093 000 марок. А. Крупп имел там даже специального агента Роттенбурга, который действовал как шеф-инженер султана и поддерживал тесные отношения с военным министром Эль-Менебхи [13, т. 2, № 512, 514; 10, с. 26].

По мере роста притязаний монополистической буржуазии на колониальные захваты, на рынки сбыта, происходила эволюция взглядов внешнеполитического ведомства и его негласного руководителя на отношение к Марокко. Одним из первых на Вильгельмштрассе (здание МИДа) Гольштейн приходит к мысли о желательности прямых захватов Германии в Северо-Западной Африке. «Хорошо-бы, – сообщал он в Лондон послу Гатцфельду, – получить здесь Агадир, Магадор, Саффи, Касабланку...» [13, т. 2, № 763]. Английские лидеры не имели привычки давать четкие ответы

на конкретные вопросы. Так было и по марокканским делам. Но заинтересованность немцев английский премьер принял во внимание. Время от времени с английской стороны давали понять, что Лондон не является принципиальным противником расчленения Марокко при участии Германии. Во время визита в Англию Вильгельма II и статс-секретаря внешнеполитического ведомства Б. Бюлова в ноябре 1899 г. министр колоний Чемберлен говорил кайзеру, будто бы Германия могла получить атлантическое побережье Марокко. Но переоценивать это заявление не следует. Высказывание министра следует рассматривать в контексте проходивших тогда бесед между британскими и немецкими представителями, когда Англия нуждалась в доброжелательном нейтралитете Германии в связи с войной в Южной Африке, а Бальфур и Чемберлен выражали готовность договориться с Германией. Будущий канцлер Б. Бюлов, считая, что немцам мало дают отступного, уверяя партнеров, будто у Германии прекрасные отношения с Россией, вероятно, принудил Чемберлена пустить «пробный шар». Кайзер на высказывание Чемберлена отреагировал, указав, что сказанное им не соответствует получаемой информации от германского посла в Лондоне [5, т. 15, № 4398].

Еще в январе 1899 г. Берлин предпринял зондаж: может ли Германия взять часть Марокко, например, его южную атлантическую половину, сохранив «дружбу» с Британией? Посылая инструкции послу Гатцфельду, Гольштейн сделал широкий жест – англичане могут прихватить себе весь север Марокко [13, т. 2, № 740].

Через Гатцфельда Гольштейн пытался убедить Солсбери, будто положение Англии в мире, в целом, а самого премьера в его стране улучшилось бы, если бы английское правительство с немецкой помощью объявило французам «шах» в Африке и американцам в Тихом океане [13, т. 2, 735]. Однако Лондон не спешил и не намеревался действовать по рецептам Берлина. Официальные сообщения из английской столицы в министерство иностранных дел и частные Гольштейну свидетельствовали о «непонимании» британскими лидерами германских предложений. Сообщая о доверительной беседе с Солсбери, в которой Гатцфельд вновь поставил вопрос о разделе Марокко, посол услышал: «...этот вопрос еще не созрел» [6, т. 4, № 681].

Гольштейн не разделял осторожности английского премьера, и у него были свои соображения. На следующий день он напомнил Гатцфельду о важности Марокко, подкрепив свои аргументы ссылками на кайзера, который, де, не выпускает вопрос из поля зрения. Поскольку англичане все еще не проявляли инициативы в разделе султаната, он готов «оказать содействие». По предложенному им плану для Германии было бы желательно получить южную часть Марокко, побережье Атлантики; что касается северной части, то он намеревался еще вернуться к этому вопросу. Через несколько часов он отправил новое послание послу. Его содержание свидетельствовало о росте раздраженности в Берлине несговорчивостью британских политиков. Указав на усиление антирусских тенденций в политике Вильгельма II, Гольштейн, не прибегая к эзоповскому языку, обвинил британское руководство в отсутствии здравомыслия. «Англичане безграничные ослы», – заявил он, – поскольку отчуждаются от Германии, вместо того, чтобы с ней сближаться [13, т. 2, № 761].

Германская дипломатия и ее негласный руководитель поставили перед собой сложную задачу – добиться раздела Марокко таким образом, чтобы наиболее важные области достались немцам. В представленном Гатцфельду для обсуждения с английским премьером плане он предложил следующий вариант: Англии достанется север Марокко, Франции – восток, в крайнем случае также юго-восток; а территории Агадир, Магадор, Саффи, Касабланка, Рабат должны отойти Германии. Хотя автор плана и сомневался, что англичане пустят немцев так далеко на север, но рекомендовал добиваться [13, т. 2, № 763].

Как и следовало ожидать, Солсбери не спешил удовлетворять растущий «марокканский аппетит» немцев. В переговорах с немецким послом он прибегал к разного рода уловкам для отклонения предложенного плана. Солсбери не делал особых возражений по тексту соглашения, но всякий раз указывал на существующие договоренности Англии с Испанией, Италией о сохранении существующего *status quo* в Марокко или повторял уже сказанное.

Отсутствие договоренности о разделе султаната между Англией, Францией и Германией не стало препятствием для его экономического закабаления. При этом по темпам роста экономического проникновения Германия опережала своих главных конкурентов (объем ее торговли с Марокко увеличился с 2,4 % в 1889 г. до 14,3 % в 1904 г.). Правда, Германии приходилось быть третьей, так как Англия и Франция имели соответственно 43 и 22 % [12, с. 432].

К концу 90-х гг. Марокко стал объектом пристального внимания немецкой прессы, промышленников, геополитиков. Пионером колонизации североафриканской страны стал профессор географии Марбургского университета Т. Фишер, член Пангерманского союза. В 1900–1905 гг. Фишер опубликовал около 12 статей о Марокко, которые стали результатом «исследовательских» путешествий в эту страну в 1899 и 1901 гг., организованных внешнеполитическим ведомством. В представленном министерству отчете по итогам первой поездки Фишер предложил в предстоящем разделе страны отторгнуть одну треть территории – юго-запад: Саффи, Магадор, Касабланку, Рабат. По его мнению, занятие и удержание этой территории не представляет трудностей (один прусский батальон мог бы решить дело в пользу Германии [23, с. 238]), а на побережье создать военные пункты. Одновременно была организована марокканская экспедиция под руководством исследователя Африки, некоего Пфайля, в работе которого о «разграничительных линиях» предлагалось основать в западном Марокко «имперскую область под эгидой германской княжеской семьи» [23, с. 241].

Военно-морское ведомство также проявило интерес к Марокко. В мае 1899 г. военно-морской штаб издал секретную инструкцию с предложением исследовать гавани его Атлантического побережья для определения их пригодности как оборонительных пунктов. Спустя несколько месяцев адмирал Дидерикс приказал капитану германского корабля при посещении марокканских портов изучать бухты и полученные данные сообщать в штаб. В это же время германские инструкторы начали реорганизацию марокканской армии, которая оснащалась немецким оружием. Орудия фирмы Крупа устанавливались в фортах Рабата. Борьба за Марокко обострялась.

Потерпев неудачу при Фашоде и с тревогой наблюдая за усилением «германского элемента» в Марокко, французские колониальные круги решили укрепить свое влияние в североафриканской стране. В начале января 1900 г. войска Франции заняли столицу области Туату Инь-Солу, которая находилась между двумя плодородными поясами Африки, разделяемой Сахарой. Еще когда губернатором Алжира был Ж. Камбон, готовилась экспедиция, но реализовать замысел тогда не удалось. Теперь, воспользовавшись затруднениями англичан в Южной Африке, французское правительство решилось привести в исполнение зрело обдуманый и исподволь подготовленный план [1. 1900. Д. 100. Л. 5]. Французское правительство отвергло протесты Марокканского правительства, заявив, что оно «раз навсегда отказывается войти в какие бы то ни было переговоры по сему поводу». Попытки Марокканского правительства найти «защиту» у англичан не дали результатов. Глава британской миссии в Танжере А. Никольсон, которому была направлена нота, ответил, что Англия нисколько не интересуется судьбой оазисов Туату [1. 1900. Д. 100. Л. 17].

Усиленный нажим держав совпал с внутривластным кризисом в султанате, усугубившемся болезнью великого визиря. Возникла опасность смещения царствующего султана. Новый великий визирь не пользовался никаким влиянием. «Неопределенность внутреннего положения такова», – сообщал российский посланник, – «что султану, конечно, нельзя думать о каких-либо военных решениях против Франции».

В Берлине с большим вниманием следили за происходящими в Марокко перетасовками чиновников в окружении султана.

Весной 1901 г. военный министр Марокко посетил Европу. В Берлине его приезда ожидали с большими надеждами. Эль-Менебхи, как сообщали германские представители в султанате, имел большое влияние на султана. Уже во время визита министра в Берлине стало известно, что после своего возвращения он будет назначен великим визирем. Немецкий посланник в североафриканской стране просил канцлера оказать гостю повышенное внимание, уточнив, что «это нужно во имя наших интересов в Марокко» [23,

с. 255]. Программа визита, разработанная статс-секретарем иностранного ведомства Рихтгофеном и одобренная канцлером Бюловым, учитывала пожелания, высказанные немецким посланником. Эль-Менебхи осмотрел заводы Круппа в Эссене, судостроительную верфь «Вулкан», военно-морскую базу в Киле.

В то время как марокканского министра с помощью дружественных жестов (он был награжден орденом Короны 1-й степени) пытались привлечь на сторону Германии, Франция сделала еще один шаг к захвату Марокко. Французские банкиры, промышленники, судовладельцы, представители колониальных кругов намеревались поступить с североафриканской страной так же, как с Тунисом, который с 1881 г. был объявлен французским протекторатом. Эти намерения подтвердил представитель концерна Шнейдер-Крезю Этьен, потребовавший тунисификации Марокко.

Гольштейн не ошибся, полагая, что французское правительство осторожно, но планомерно действует против Марокко, поставив ближайшей целью захват Атлантического побережья напротив Канарских островов [23, с. 260]. Допустить подобное развитие событий Берлин не хотел.

Упомянутый выше Пфайль для укрепления положения Германии в Марокко предлагал иностранному ведомству направить ко двору султана «внушаемого доверие агента». Мнение Пфайля совпало с просьбой Менцингена, сожалевшего о «недостаточности нашего представительства в Марокко» [22, с. 263]. Во время переговоров с Эль-Менебхи Рихтгофен сообщил ему о намерении кайзера «к доказательству нашего дружественного отношения» послать переводчика Модеритца в Маракеш, который, смотря по обстоятельствам, мог считать своей резиденцией и Фес. Кайзер просил считать переводчика Модеритца представителем в обоих местах [23, с. 264].

Вскоре в Берлине узнали – ставка на Эль-Менебхи себя не оправдала. При возвращении из Европы министр узнал об ожидавшей его опале и даже, возможно, аресте. Однако существенные коррективы в германскую политику в отношении Марокко сыграла не отставка султанского министра, а Русско-японская война и создание Антанты.

Объем статьи не позволяет сколько-нибудь подробно касаться роли германской дипломатии в подталкивании Японии к нападению на Россию. И все же нужно отметить цинизм и лицемерие германских лидеров, неумение или нежелание просчитать последствий принимаемых ими решений.

В Берлине уже давно с надеждой смотрели на Дальний Восток, ожидая там большого столкновения. Дипломатии была поставлена конкретная задача: без каких-либо внешних признаков заинтересованности в исходе русско-японских разногласий сделать так, чтобы они стали не только непреодолимыми, но в ближайшем будущем привели к конфликту. В одном из предписаний Гольштейна, в котором внешнеполитическое ведомство маскировало подлинные цели – стимулировать Русско-японскую войну – недвусмысленно определялись возможные действия Японии в будущем: «Мы позволили сообщить японскому правительству, что в случае русско-японского конфликта мы определенно останемся нейтральными..., а благодаря нашему нейтралитету достигнем нейтралитета Франции. Сверх этого заявления мы выходить не можем» [21, с. 267–268].

30 января 1902 г. усилия японских и английских лидеров завершились подписанием англо-японского союза. Когда его текст стал известен в Берлине, канцлер Бюлов тотчас телеграфировал в Лондон свое и кайзера одобрение. В случае возможной Русско-японской войны Англию и Францию видели исключительно как секундантов [15, с. 161]. Но, поощряя Японию к агрессии, английское правительство, несмотря на усилия Токио, не смогло обеспечить заем в Британии [5, 19 (1), № 5929]. И в этой ситуации германское правительство «в меру своих возможностей» поддержало агрессивные устремления Японии. 20 декабря 1903 г. германское руководство телеграфировало в Токио, что в Петербурге обеспокоены английской и американской поддержкой японских шагов, и эта поддержка и финансовые трудности русских являются важным моментом для сохранения мира, миролюбия царя и русского министерства иностранных дел [21, с. 158]. Берлин с большим подозрением наблюдал за попытками России с помощью других держав избежать надвигающегося конфликта. Гольштейн подозревал, что посредни-

чество французского министра иностранных дел Т. Делькассе осуществлялось по настоянию России, но и заветным желанием самого министра было предотвратить Русско-японскую войну [3, с. 16]. Этому старанию Делькассе сохранить мир германский канцлер Б. Бюлов противопоставил стремление ускорить войну [6, т. 4, с. 818]. 8 февраля 1904 г. Япония без объявления войны начала военные действия. Целенаправленная политика германского руководства на сей раз достигла цели. Это одна из немногих побед германской дипломатии на рубеже веков.

Нападение Японии на Россию в Берлине было воспринято с радостью. Однако два месяца спустя в Париже было подписано англо-французское соглашение, ставшее для Германии насколько неожиданным, настолько и опасным. Хорошо осведомленная баронесса Шпитценберг отмечала в дневнике 15 апреля 1904 г., что в ведомстве иностранных дел царила глубокая подавленность, ибо сговор Лондона с Парижем рассматривался как одно из худших поражений германской дипломатии [23, с. 407–408].

На запрос в Рейхстаге о внешнеполитическом положении страны канцлер Б. Бюлов не смог дать вразумительного ответа. Как отмечал известный немецкий историк П. Винцен, Бюлов был, пожалуй, единственным в правительстве, кто не рассматривал создание Антанты как несчастье для Германии [23, с. 158]. Он интерпретировал соглашение 8 апреля 1904 г. как будто оно никак не направлено против третьей стороны [9, с. 96; 1. 1904. Д. 16. Т. 1. Л. 77]. Эта грубейшая политическая ошибка канцлера повлекла за собой серию других, не менее серьезных просчетов германского руководства как в оценке внешнеполитического положения Германии, так и в позиции других стран.

Русско-японская война и англо-французская Антанта внесли существенные коррективы в германскую политику в отношении Марокко.

В зарубежной историографии уже длительное время ведется дискуссия, имела ли Германия цель, воспользовавшись слабостью России из-за войны с Японией и начавшейся революции, развязать войну против Франции. В этой связи упоминают о тесных контактах

между Гольштейном и начальником генерального штаба Германии А. Шлиффеном.

Публикация английским историком Д. Релем архива интимного друга кайзера Вильгельма II Ф. Эйленбурга [14] свидетельствует, что Гольштейн принял непосредственное участие в назначении начальником генштаба А. Шлиффена в период «нового курса». Этот пост генерал занимал с февраля 1891 до конца 1905 г. Альфред Шлиффен, по праву считающийся духовным отцом теории молниеносной войны, приступил к ее подготовке. Разработанная им доктрина скоротечной войны отвечала требованиям германского империализма, ограниченного экономическими возможностями и географическим положением [19, с. 31].

Итак, после заседания в Готе 9 и 10 апреля 1904 г. Пангерманский союз направил канцлеру Бюлову меморандум с требованием в ответ на англо-французское соглашение установить германский контроль в Западном Марокко, связывая свои планы с участием русских войск в войне с Японией [9, с. 95]. 19 апреля Бюлов и Гольштейн официально запросили Шлиффена о состоянии вооруженных сил России в европейской части страны. 20 апреля начальник генштаба сообщил об отправке 60 тыс. русских солдат и офицеров, а также локомотивов и вагонов на Дальний Восток. Но несмотря на это, как полагал генерал, военный потенциал России (в Европе) существенно не изменился.. Примечательно, что Гольштейн, как бы опережая события, уже тогда подчеркивал, что участие России во франко-германской войне невероятно. А вот позиция Англии, по его мнению, учету не поддавалась [5, № 6031, 6032; 16, с. 12; 2, с. 40–48].

3 июня Гольштейн составил меморандум, в котором обдумывал последствия англо-французского соглашения по Марокко. Он пришел к выводу, что подписанное 8 апреля соглашение наносит экономический ущерб Германии, но из-за него можно и поссориться с Францией [5, т. 20, № 6521]. В то время как Гольштейн обосновывал германские возражения против «тунификации» Марокко, Шлиффен разрабатывал план германского наступления и, что очень важно, в первый раз – план войны на одном фронте, имевшем название «наступательная война против Франции» [17, с. 43; 20, с. 330]. Зло-

вещую роль планам Шлиффена придавало то обстоятельство, что в них не принимался в расчет нейтралитет «внеблоковых государств» – Бельгии и Голландии. Восхваляя Шлиффена, об этом «забывают».

Германские лидеры Шлиффен и Гольштейн внимательно изучали ход Русско-японской войны. Уже вскоре после ее начала Шлиффен приказал ввести в армии форму защитного цвета.

Личные контакты Гольштейна и Шлиффена в 1904 г. стали еще более интенсивными. Не приходится сомневаться, что советник и начальник генштаба встречались достаточно часто.

Французское проникновение в Марокко становилось всё осязаемее. Заключенное в октябре 1904 г. соглашение с Испанией о разграничении сфер влияния и ранее достигнутая договоренность с Англией вселяли в действия французских колонизаторов определенный оптимизм. В начале 1905 г. Франция приступила к захвату Марокко. Султану был предложен проект реформы, принятие которой стало бы равносильно потере независимости. В Германии росла оппозиция официальному «ничего-неделанию» [16, с. 81]. Заместитель председателя Пангерманского союза Г. Класс в брошюре «Овладение западным Марокко, начало и предпосылки практической немецкой мировой политики», опубликованной в начале 1905 г., внушал, что захват Марокко имеет исключительное значение для Германии: оно подготовит условия для проникновения в Южную Америку... А будущее немецкой нации якобы находится в Южной Америке. При этом не следовало принимать во внимание южноамериканские государства, – только США, с которыми предстоит борьба. «Для этой войны обладание атлантическим побережьем Марокко незаменимо» [22, с. 60]. В Берлине не могли допустить, чтобы другие державы сговорились за его спиной и даже не предлагали «отступного»! И в январе немецкий резидент в Танжере Кюльман сделал резкое заявление на сей счет. Это возмущало «злое дело», – сказал Делькассе, – узнав о демарше Кюльмана.

Возникший кризис в международных отношениях не следует рассматривать изолированно от тех событий, которые разворачивались на полях сражений Русско-японской войны. Уже в конце 1904 г.

определилось, что царизм не в состоянии добиться перелома в ее ходе. Демарш Кюльмана последовал за падением Порт-Артура. За неделю до поездки Вильгельма II в Танжер Бюлов сделал запрос Шлиффену о перспективах Русско-японской войны. Ответ начальника генштаба – «Смотря по обстоятельствам, кто из двух противников дольше выдержит, кто первый ослабеет, кому выпадет эта роль, зависит больше от политических, чем военных обстоятельств» [21, с. 219], – вполне устроил германских руководителей.

31 марта 1905 г. Вильгельм II высадился в Танжере и произнес речь о независимости страны и готовности Германии защищать здесь свои интересы. Поездку и выступление кайзера принято считать началом первого марокканского кризиса. Часто глубоко скрытые намерения германских руководителей вводили в заблуждение российского посла, верно определившего отношение Германии к марокканскому вопросу, ставшему «злостью дня»: «...Во всяком случае, осторожная тактика берлинского кабинета не имеет ничего общего с угрозой по адресу Франции (!), а напротив, свидетельствует о скрытом желании сближения с нею» [1. 1905. Ф. 18. Л. 70-71]. (Курьезное совпадение мнений. Поездка кайзера в Танжер была планом ... примирения с Францией).

Существует мнение, будто до Алхесирасской конференции основной политической задачей Гольштейна в отношении Франции было стремление отстранить от руководства французской внешней политики Делькассе. Ведь для Германии он стал олицетворением ее дипломатических неудач.

Формальным предлогом для нападок на Делькассе германское руководство избрало отказ Франции информировать Германию о заключенной англо-французской сделке 8 апреля 1904 г. К тому же французский посланник в Марокко Таландье, предъявляя султану требование о реформах, выдал себя за представителя европейских держав, а не исключительно Франции. Делькассе как опытный политик понимал опасность складывающейся ситуации и действовал осторожно. Он попытался установить контакт с германским послом в Париже Радолином и поговорить с ним на «марокканскую» тему. В то время как Делькассе объяснял Радолину, почему Париж не со-

общил Берлину текст англо-французского соглашения, Радолин выразил на своем лице изумление и рассмеялся... [5, 20 (2), № 6621]. Вопреки ожиданиям министра, обстоятельства для него складывались неудачно. У Радолина оказались сведения из достоверного источника, что французский премьер Рувье и министр внутренних дел Этьен хотели бы, чтобы Делькассе объяснился с Радолином и добился бы урегулирования инцидента, иначе он рисковал портфелем [5, 20 (2), № 6622].

Продолжались переговоры между Радолином и Рувье; вскоре к ним были подключены посредники. Одним из них стал французский финансист, доверенное лицо Рувье, Бецольд. Видимо, для значительной части германской монополистической буржуазии действия немецкой дипломатии выглядели не очень успешными. Прямо заинтересованный в захвате Марокко, магнат тяжелой индустрии Доннесмарк, «по случаю» оказавшийся в Париже, «рекомендовал» Рувье уволить министра иностранных дел и попытаться идти на компромисс с Германией, поскольку военное положение Франции безнадежно. 2 мая Бецольд посетил Гольштейна, который по-прежнему считал смещение французского министра «делом жизни». Во всяком случае, он предложил Бецольду лишь «медленные темпы, временное бездействие и устранение Делькассе», а Бецольд заявил, что в отношении своего министра Рувье разделяет точку зрения Берлина [5, 20(2), № 6646].

Прибывший 15 мая в Фес германский представитель Таттенбах не без успеха «обрабатывал» султана в антифранцузском духе. Итогом его усилий явилось согласие султана на проведение международной конференции по вопросу о реформах в Марокко государств, подписавших соглашение 1880 г. В Берлине о «победе» Таттенбаха узнали 26 мая. Бюлов решил форсировать падение Делькассе. 30 мая он предписал Радолину указать Рувье на опасность дальнейшего пребывания министра на посту для германо-французских отношений.

Чем ответила Франция на беспрецедентное поведение германского правительства? В Париже прекрасно знали заслуги министра в создании Антанты и укреплении франко-русского союза. И Лондон

был весьма обеспокоен возможным уходом Делькассе. В Берлине за него ходатайствовал лондонский Ротшильд, пытаясь воздействовать в его пользу на германского канцлера через крупных немецких банкиров Блейхредера и Швабаха, в Париже перед президентом республики за Делькассе просил король Эдуард VII. Конечно, английское участие в судьбе французского министра было отнюдь не бескорыстным. Для Великобритании отставка Делькассе приобрела принципиальное значение, поскольку уступка германскому нажиму могла обнаружить всему миру слабость Франции как союзника или даже оторвать от Англии. Британия в Европе оказалась бы в изоляции. В Лондоне правильно поняли возможное развитие событий и попытались парировать удар. Ленсдаун поручил английскому послу в Париже сообщить французскому правительству об английской поддержке. Однако не позиция Англии имела решающее значение в судьбе Делькассе. Гораздо важнее учесть военнополитическое положение республики. Рувье не был уверен в боеспособности французской армии; Англия своим предложением союза лишь ухудшила международное положение Франции: поражение русского флота под Цусимой предопределило решение Рувье. В первых числах июня он через посредника сообщил Бецольду, а тот, в свою очередь, Радолину, что через несколько дней на заседании кабинета будет поставлен вопрос о внешней политике Делькассе. Не помогло красноречие министра, убеждавшего своих коллег не воспринимать германские угрозы всерьез, считать их пустым блефом. 6 июня он был уволен в отставку. «Отставка французского министра иностранных дел Делькассе, – сообщал из Берлина русский посол, – приветствуется здешним общественным мнением как залог для успешного улаживания марокканского инцидента» [1. 1905. Д. 18. Л. 162].

В конце сентября 1905 г. было достигнуто соглашение о созыве международной конференции по Марокко. К тому времени в Париже уже верили, что на ней в изоляции скорее останется Германия, нежели Франция. Предчувствия на сей счет посещали и Гольштейна, и

он не раз возвращался к мысли о целесообразности военной развязки. Есть основание полагать, что с помощью послушного Радолина барон пытался саботировать разрядку в отношениях с Францией, но не получал необходимой поддержки в самой Германии. 4 августа 1905 г. с грифом «совершенно секретно» Гольштейн телеграфировал послу: «Так, как должно, дело у меня еще не идет» [6, т. 4, с. 905]. Новые усилия милитаристов наталкивались на противодействие императора, который, как позднее говорил Гольштейн, «позволил запугать себя пустым блефом» – неофициально переданным ему сообщением о готовности Британии и Франции воевать с Германией. На приеме по случаю Нового 1906 г. кайзер отказался поддерживать идею немедленной войны с Францией [21, с. 165–166].

В декабре 1905 г. Бюлов, выступая в рейхстаге по марокканскому вопросу и предстоящей конференции, пытался представить достигнутое с Францией соглашение относительно ее программы как крупный успех политики берлинского кабинета. Российский посол в те дни подготовил ретроспективный обзор событий с момента подписания англо-французского соглашения в апреле 1904 г. до декабря 1905 г. В уме императора Вильгельма назревал план «интернационализации» марокканского вопроса. Политическая его разработка происходила при прямом участии тайного вдохновителя берлинского кабинета барона Гольштейна... По внушению барона Гольштейна решалась поездка его величества в Танжер, где император открыто объявил, что он считает султана Абдул Азисса «независимым монархом». Во всех подобных происках сказывалась коварная и придирчивая черта политики барона Гольштейна [1. 1905. Д. 18. Л. 430-434].

Международная конференция открылась 16 января в испанском городе Алхесирасе. Представителями Германии на ней были немецкий посол в Мадриде Радовиц и посланник в Танжере Тотенбах. Инструкции для немецких делегатов составлялись под руководством Гольштейна. Их основное содержание можно сформулиро-

вать в нескольких словах. Усилия германских дипломатов следует направить на то, « чтобы другие державы не объединились вокруг Англии и Франции, а Германия оставалась бы изолированной. Это единственное, что в первую очередь ожидает кайзер от своих представителей на конференции» [5, 21(1), № 6922]. Как видно из этого примечательного послания, германское руководство уже не очень верило в свой дипломатический триумф.

Ко времени начала заседания в Алхесирасе в Англии у власти вновь после 10-летнего перерыва оказались либералы. С их возвращением в Берлине связывали надежды на безучастность Британии в германо-французском столкновении, во всяком случае полагали, что Англия не будет поддерживать Францию. На конференции Англия, как известно, поддержала Францию, и расчеты берлинского руководства на смену партии в Лондоне оказались несостоятельными. Уже 3 января Меттерних, сообщая о переговорах с новым министром иностранных дел Англии Греем, не оставил сомнений в будущей политике британского кабинета: Англия будет помогать Франции, какое правительство не находилось бы у власти. Британские лидеры точно определили, откуда исходит угроза их привилегированному положению в мире, а грубые действия немецкой дипломатии не оставляли сомнений в истинных целях главного соперника [5, 21 (1), № 6923]. В Берлине хотели взорвать Антанту и предпринимаемые ими демарши оценивались союзниками как не что иное, как вызов Англии и Франции [5, 21(1), № 6924]. Действительно, канцлер не исключал варианта расправы с Францией. В беседе с заместителем статс-секретаря иностранных дел Мюльбергом 23 декабря 1905 г. он заявил о недопустимости дипломатического триумфа Франции. Ее победу он не пережил бы ни при каких обстоятельствах и скорее пошел бы на конфликт с Францией [5, 21 (1), 6914].

В начале марта работа конференции в Алхесирасе была приостановлена из-за отсутствия единства ее участников по вопросу организации Марокканского государственного банка. В ключевом

вопросе организации полиции Франция также заняла жесткую позицию. Русский посол в Риме, ссылаясь на беседу с французским коллегой Барером, сообщил, что, «по мнению Барера, Франция не может отступить от своего последнего предложения на Марокканской конференции разделить портовую полицию только между Францией и Испанией. Всякое участие в этом Италии, проводимое Германией, не соответствовало бы французо-итальянским соглашениям». Попытка Германии оказать нажим на Италию с целью «пристегнуть» ее к антифранцузским действиям в Риме была встречена сдержанно. Берлину дали понять, что «Висконти Виноста, как лицу высокоавторитетному и пользующемуся неограниченным доверием, предоставлена полная свобода действовать на конференции по ближайшему его усмотрению» [1. 1905. Д. 9. Л. 5].

Как и следовало ожидать, домогательства Франции поддержала Англия. Объясняя позицию британского правительства, министр иностранных дел Грей заявил, что «Франция не могла бы сделать более ни одного шага навстречу германским требованиям после того, как предложение ее относительно совместной с Испанией организации полиции в марокканских портах, было отвергнуто в Берлине». По мнению русского посла, передавшего это сообщение, общее направление германской политики внушало Грею крайнее недоверие... В беседе с французским посланником в Лондоне Камбоном Сазонов спросил его, в какой степени может рассчитывать Франция на поддержку либерального правительства? «Камбон сказал мне, – продолжал Сазонов, – что он рассчитывает на сэра Грея еще больше, чем на Ленсдауна» [1. 1906. Д. 7. Л. 2-4].

Правительство России и как союзник, и как заинтересованная сторона с начала кризиса встало на сторону Франции. В Петербурге ни под каким предлогом не допускали неудачи конференции, поэтому Нелидову поручалось сразу же по сформировании нового правительства обратить «самое серьезное внимание министра иностранных дел на необходимость принять французским правительством примирительного решения во избежание разрыва конференции» [1. 1906. Д. 8. Л. 8].

Правительство России неоднократно указывало германским властям на опасность их бескомпромиссной политики. Российский министр считал не лишним напомнить немецкому руководству о монархической солидарности, объединившей реакционные режимы в борьбе против революционного движения. Германскому правительству также было хорошо известно, что в тесной связи с благоприятным окончанием Алхесирасской конференции стоял чрезвычайно важный для России вопрос о денежных операциях, только с осуществлением которых императорское правительство было в состоянии принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения.

В Берлине не могли не считаться с опасностью революции, но вместе с тем еще надеялись «спасти лицо» с помощью России, принудив ее побудить Францию на дальнейшие уступки. Правительство России осталось твердым и верным союзу. Ламздорф, неоднократно убеждавшийся в вероломстве германской политики по отношению к России, недвусмысленно заявил о невозможности оказать давление на Францию, поскольку последняя уже сделала много примирительных шагов, в то время как Германия ни одного. «Непримиримость именно Германии, а вовсе не Франции, лишней раз обнаруживалась в доводах, представленных Вам канцлером, который упускает из виду все уступки, сделанные парижским кабинетом», – инструктировал он Остен-Сакена. «Если таким образом последует разрыв конференции, то в среде всех держав несомненно утвердится убеждение, что неуспехи соглашения в Алхесирасе являются исключительно следствием агрессивных замыслов Германии» [1. 1906. Д. 5. Л. 21].

В Петербурге достаточно хорошо поняли истинный смысл усилий Берлина. За всеми неуклюжими маневрами Вильгельмштрассе отчетливо прослеживалось намерение разорвать русско-французский союз и англо-французскую Антанту.

Когда в Берлине узнали о результате голосования в Алхесирасе по вопросу организации полиции, там началась паника. Сам Голь-

штейн теперь пришел к выводу о предпочтительности прямого германо-французского соглашения неудаче или переносу конференции, поскольку договоренность с Францией спасла бы престиж Германии [5, 21 (1), № 7055].

Итоги первого марокканского кризиса для Германской империи оказались более тяжелыми, чем могли себе представить немецкие лидеры, самонадеянно ринувшиеся в эту авантюру. Внешнеполитическая стратегия Бюлова и Гольштейна, основанная на ошибочных расчетах о непримиримости англо-французских противоречий, продемонстрировала их полную несостоятельность. После Алхесираса, считал настроенный тогда воинственно журналист М. Гарден, «орел немецкой политики не воздействовал прежней силой».

#### **Список литературы**

1. Архив внешней политики Российской империи. Канцелярия министра. 1890-1906.
2. Гостенков А.В. Публикация в Германии официальных документов «Большой политики европейских правительств 1871-1914» и Фридрих Тимме // КЛИО. – 2001. – №1 (19).
3. Розенталь Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. – М., 1960.
4. Botschafter Paul Graf von Hatzfeldt: Nachgelassene Papiere 1838-1901. Hg. Ebel G. – Bd.1-2. Boppard am Rhein, 1976.
5. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. – Bd. 1-40. – Berlin, 1922-1927.
6. Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. – Bd. 1-4. – Göttingen, 1956-1963.
7. Friedrich von Holstein. Lebensbekenntnis in Briefen an eine Frau. Hrsg. H. Rogge. – Berlin, 1932.
8. Eyck E. Das persönliche Regiment. Wilcheme // Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. – Erlenbach, 1984.
9. Fischer Fr. Krieg der illusionen. – Düsseldorf, 1969.
10. Heidorn G. Ein Weltkrieg wird vorbereitet. Zur deutschen imperialistischen Außenpolitik während der Marokkokrise 1905-1911. – Berlin, 1962.
11. Holstein und Harden: Politisch-publizistisches Zusammenspiel Zweier Außenseiters des Wilhelminischen Reiches. Hg. H. Rogge. – München, 1959.

12. Guillen P. L'Allemagne et le Maroc de 1870 à 1905. – Paris, 1967.
13. Nachgelassene Papiere. – 1838-1901. – Bd. 1–2. – Boppard am Rhein, 1976.
14. Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Hg. Röne J. C. – Bd. 1–3. Boppard am Rhein 1976–1983.
15. Pommerin R. Kaiser und Amerika. Die USA in der Politik der Reichsleitung 1890-1917. – Köln, 1986.
16. Raulff H. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik 1904-1905. – Düsseldorf, 1976.
17. Ritter G. Der Schlieffenplan. – München, 1956.
18. Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. – Bd. 1–3, Bd. 2. – München, 1960.
19. Stenzel E. Die Kriegführung des deutschen Imperialismus und das Völkerrecht. – Berlin, 1973.
20. Stürmer M. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918. – Berlin, 1983.
21. Vogel B. Deutsche Rußlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. – Düsseldorf, 1973.
22. Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis 1945. – Berlin, 1975.
23. Winzen P. Bülows Weltmachtkonzept. Untersuchungen zur Frühphase seiner Außenpolitik 1897–1901. – Boppard am Rhein, 1977.

## ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).05(049.32)

ББК 63.3(2)511-2

*Л. Ю. Гусман \**

**Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. – СПб., 2007. – 296 с.**

Ученых-историков часто упрекают в том, что их труды посвящены далеким от реальной жизни абстрактным проблемам, непонятным для непосвященных. Список претензий к историкам со стороны «простого человека» велик – тут и переписывание прошлого в угоду меняющейся конъюнктуре, и неумение доступно объяснить суть дела, и многое другое. Как нередко бывает, в таких упреках есть доля истины, но они не имеют никакого отношения к трудам истинных историков. Проблема состоит в том, что и в недавнем прошлом, когда существовала идеологическая цензура, и ныне, в эпоху не менее жестокой «экономической цензуры», работы подлинных исследователей издаются небольшими тиражами и не всегда доходят до широкого читателя.

Рассматриваемая нами монография принадлежит перу крупнейшего исследователя истории внутренней политики России XIX в. В.Г. Чернухи. Сочинения этого автора давно уже считаются эталонными. Ученый принадлежит к Петербургской исторической школе, центром которой является Санкт-Петербургский Институт Российской истории. Особенность Петербургской школы – опора на исторический источник, отторжение широковещательных и априорных обобщений и особая убедительность научных выводов, основанных не на остроумных умозаключениях, а на тщательном анализе ис-

---

\* **Гусман Леонид Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

точников как архивных, так и опубликованных. Книга В.Г. Чернухи и является примером конкретного применения приемов данной школы к исследованию двухвековой истории хорошо известного всем жителям России документа – паспорта.

Автор убедительно и подробно анализирует развитие паспортного законодательства. По мнению исследовательницы, паспорт появился как один из инструментов государственного закрепощения личности. Неслучайно зачатки паспортной системы В.Г. Чернуха находит в кодексе, юридически закрепившем крепостное право – Соборном уложении 1649 г. (с. 21). Но окончательно паспорт стал главным документом россиянина – символом его подчинения государственной власти – в правление Петра Великого. Как известно, основой внутренней политики царя-реформатора являлась теория «регулярного государства», согласно которой каждый подданный должен был служить. Автономия личности, ее самостоятельность воспринималось в такой системе как преступление. Знаменитые слова, сказанные Петру одним из сторонников царевича Алексея: «Ум любит простор, а у тебя ему тесно», являлись одним из проявлений протеста против всеохватывающего контроля над жизнью человека. Однако подобные настроения отнюдь не являлись всеобщими и жестко подавлялись. Паспорт в этом контексте являлся важнейшим атрибутом абсолютной монархии.

Как показывает исследование В.Г. Чернухи, наследники первого императора в целом продолжали его политику в паспортном вопросе. Однако постепенно в стройном здании «регулярного государства» появлялись бреши. «Вольности дворянства», определенное смягчение государственной опеки над личностью в эпоху «просвещенного абсолютизма» делали паспорт уже не столь логичной частью общественного строя. Заметим, что одним из основных требований просветителей было введение свободы передвижения. В России к этим идеям прислушивались, хотя далеко не всегда следовали на правительственном уровне.

Читатель монографии В.Г. Чернухи легко может проследить, как общий характер политики властей влиял на ситуацию с паспортом. Регламентация и стремление «подтянуть Россию» Павла I (с. 49–

53); прекраснотушие, сменившееся очередным ужесточением режима, Александра I (с. 58–90); обреченная на провал попытка Николая I вернуться к «регулярному государству» (с. 99–112) – все это прямо отражалось и на паспортах подданных. Уже тогда ограничения свободы передвижения становились анахронизмом, однако особенно нелепыми и стеснительными они оказались в годы «Великих реформ». Когда крепостное право существовало, паспорта еще могли казаться неотъемлемой частью государственной системы, но с началом коренных преобразований судьба этого документа становилась шаткой. Многочисленные бюрократические комиссии все время обсуждали паспортный вопрос, но, по обыкновению, не решили ничего кардинального. А время шло, и паспорт все больше и больше становился тормозом развития отечественной экономики, мешая мобильности рабочей силы и оставаясь рудиментом крепостного хозяйства.

Монография В.Г. Чернухи важна и полезна для читателя еще и потому, что автор не следует за стереотипами массового сознания. Для очень многих, например, «Великие реформы» Александра II – время безудержной ломки традиционного уклада русской жизни, а царствование Александра III, напротив, исключительно период «контрреформ» и отсутствие какого-либо движения вперед. Такие представления имеют определенные основания, но, конечно, не охватывают всего многообразия явлений тех эпох. Сколь же неожиданным может показаться вывод исследователя, сделанный на основе долгого научного поиска: «Российский паспорт, родившийся во времена Петра I, прошел сложный период «приживания», внедрения в практику повседневной жизни и дожил до эпохи «Великих реформ». Эти реформы, преобразовывая крепостническую Россию в буржуазное государство, тем не менее сохранили паспорт в неприкосновенности, что позволяет судить и о степени самоограничения власти, и о пределах личной свободы основной массы населения страны – крестьянства. В пору «попятного движения» («контрреформ» – Л.Г.) <...> паспорт стал, наконец, объектом реформирования» (с. 6).

В.Г. Чернуха использовала колоссальный объем источников – от публицистических до законодательных – но, как и следовало ожидать, не «утонула» в них, а создала прекрасно структурированную монографию, которой суждена долгая жизнь в историографии. Данную книгу отличает подлинная, а не эфемерная, научная актуальность. По существу, издание этого труда – одно из тех событий, которое внушает веру в будущее российской исторической науки.

УДК 94(47).084.8(049.32)

ББК 63.3(2)622-2

*Н. Д. Козлов \**

**Сомов В. А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. – 234 с.**

Новая книга российского историка, доцента Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Сомова пополнила отечественную историографию Великой Отечественной войны новым научным исследованием о духовном и трудовом подвиге советского народа. Литература по проблеме защиты Отечества в связи с усиливающейся глобальной опасностью и возрождающимся интересом к патриотическому воспитанию граждан, в отличие от 90-х г. XX в., продолжает оставаться одной из самых востребованных.

Выход в свет научного исследования В.А. Сомова является подтверждением того, что отечественная историография возвращается к традициям глубокого изучения явлений и событий Великой Отечественной войны во всей противоречивой сложности, со всеми позитивными и негативными проявлениями, трудностями и ошибками. Этот важнейший методологический принцип научного исследо-

---

\* **Козлов Николай Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

вания многопланово применяется в рецензируемой монографии, которая отражает новые подходы в изучении народного подвига и несёт черты междисциплинарного исследования.

В монографии рассматривается проблема практически не изученная, представляющая одно из актуальных направлений – анализ характера и степени влияния внеэкономических факторов на формирование мотивации трудового поведения рабочих и колхозников в годы войны. Поведенческие реакции населения на внеэкономические мотивационные факторы рассмотрены на примере Волго-Вятского региона в период 1941–1945 гг.

Выполненная работа далеко не исчерпала этой обширнейшей задачи. Ряд относящихся к теме вопросов остались невыясненными или лишь обозначенными. Понимая всю сложность задуманного исследования, автор выделил несколько важных направлений, которые конкретизировали его замысел.

В ряду проблем, предложенных автором, новизной постановки и характером разрешения выделяются анализ законодательства СССР по вопросам трудовой дисциплины и его психологическое воздействие на трудящихся. Исследователь выясняет сущность системы политического контроля, характеризует взаимосвязь общественно-политического и трудового поведения, влияние государственного информационно-идеологического воздействия на формирование мотивов поведения с помощью радиопередач и политического плаката (с. 8).

В монографии предпринята попытка определить место и роль слухов и информации религиозного содержания в мотивации трудового поведения, роль в этом фронтовых писем, степени воздействия на трудовую деятельность фактора внешней угрозы, дать характеристику морально-нравственным составляющим духовного облика трудящихся, характера восприятия населением образа И.В. Сталина (с. 9).

Достижению поставленной цели и решению задач исследования, безусловно, способствовала междисциплинарная методологическая основа, сочетающая принципы историзма и научной объективности с применением методов и результатов исследования

психологии – метода историко-психологической реконструкции и локального подхода, индукции и др. Обращает на себя внимание и четкий понятийный аппарат, используемый в процессе анализа.

Наряду с многочисленными опубликованными источниками и материалами периодической печати в работе использованы выявленные автором архивные документы, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. Среди них материалы прокуратуры СССР и областных прокуратур, материалы цензуры Всесоюзного радиокомитета и др.

Плодотворным оказалось выявление, изучение и использование источников личного происхождения – писем граждан личного характера, обращений граждан во властные органы, писем граждан И.В. Сталину, дневников участников и очевидцев событий. Автор справедливо отмечает, что только комплексное применение источников, предметный источниковедческий анализ с учетом системных процессов общественного развития может стать основой всестороннего научного анализа проблемы (с. 58).

В процессе изучения массового сознания, духовной жизни и трудовой мотивации политико-правовые факторы – советское трудовое законодательство и политический контроль – затрагивались в трудах предшественников. Несмотря на это, автор существенно продвинулся в исследовании этих проблем и убедительно аргументировал вывод о том, что «неверно говорить о существовании "полицейской", "казарменной" системы мотивации труда в годы Великой Отечественной войны. Административно-правовые методы стимулирования труда в полной мере распространялись только на тех рабочих, которые не воспринимали иных методов, репрессивные, принудительные меры воздействия касались только нарушителей закона, а административно-правовые методы усиления трудовой мотивации были лишь частью намного более вариативной системы» (с. 80).

Функционирование системы политического контроля в условиях войны, по мнению автора, было обусловлено необходимостью духовного сплочения граждан перед опасностью уничтожения государства, задачами сплочения для достижения общей цели, было одним из условий достижения победы.

В работе дается глубокий анализ информационно-идеологических аспектов формирования трудовой мотивации, в результате которого автор приходит к выводу, что «ощущение того, что "советская страна – наша страна" было как результатом информационного воздействия, так и отражением в сознании трудящихся реального положения дел» (с.125). На ярких примерах В.А. Сомов показывает, что формирование духовных мотивов трудовой деятельности осуществлялось под влиянием сложных и противоречивых факторов. Так, патриотическая позиция церкви стала духовной доминантой религиозной идеологии в период войны, придавала религиозному чувству верующих конструктивный характер. Стихийные же проявления религиозности нередко «характеризовались усилением настроений апокалипсического характера, потерей смысла земного существования и как следствие снижением мотивации социального (в первую очередь трудового) поведения».

Особый интерес представляет та часть книги, в которой исследуются морально-психологические факторы воздействия на трудовую мотивацию.

Новизной постановки проблемы, нетрадиционностью выводов и серьезностью обобщений отличается раздел «Эмоция-шок и фактор внешней угрозы». В отличие от работ 90-х г. XX в., в которых затрагивался этот сюжет, автору удалось преодолеть политизированные подходы и поверхностные оценки, глубоко и непредвзято раскрыть этот вопрос на новых документах. В итоге он сделал вывод, что краткосрочное действие эмоции-шока (паника, состояние аффекта и т. п.) имело де-мотивирующий характер, но во взаимодействии с сознательной деятельностью человека эмоция-шок трансформировалась у большинства населения в конструктивный фактор мотивации труда, что выражалось в самообилизации, в принятии повышенных обязательств и т. п. Эта трансформация происходила под воздействием идеологии, традиций, пропаганды и других факторов. Фактор внешней угрозы, несмотря на противоречивость, был сильным мотивирующим началом.

Несмотря на лаконичность последнего раздела, посвященного восприятию образа И.В. Сталина, В.А. Сомов в целом преодолел

одномерные подходы и оценки, характерные для работ об этом историческом деятеле и пришел к выводу, что «в годы Великой Отечественной войны отношение к образу И.В. Сталина со стороны населения стало не только ободряющим, стабилизирующим фактором, но и дополнительным волевым стимулом к защите Родины, к ратному и трудовому подвигу» (с. 223).

В качестве основополагающих качественных характеристик поколения военного времени автор выделяет волю к жизни, преимущественное наличие коллективистской психологии, веру в победу и доверие к власти. В то же время их противоположностью являлись встречавшиеся слабоволие, выражавшееся в панике, неспособности к сопротивлению, индивидуализм, неуверенность в победе, недоверие к власти. Эти, не способствовавшие организации обороны психические реакции и вызванное ими соответствующее поведение активно отслеживались и пресекались властью.

В целом, приходит к выводу автор, духовный потенциал народа был актуализирован и многократно усилен властью, что обеспечило единство народного сознания, понимание народом необходимости интенсивного труда, а в конечном счете привело к победе в войне.

«Можно говорить о том, что воля к сопротивлению передалась не «от народа к власти», а наоборот» (с. 232).

Книга написана о прошлом, но в настоящее время проблемы гражданственности и патриотизма занимают важное место, являются определяющими в воспитании молодежи. Думается, что в этом содержательном и оригинальном произведении читатель найдет много нового, и оно будет прочитано учеными и студентами, педагогами и журналистами – всеми, кто интересуется историей Отечества.

## Сведения об авторах

**Веретенко Валентина Александровна** – доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

**Гостенков Анатолий Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

**Гусман Леонид Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: blummer@mail.ru

**Зайцева Светлана Валентиновна** – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

**Иванченко Нелли Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: nelli00@list.ru

**Капустина Ольга Владимировна** – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: 209o@mail.ru

**Кириллова Екатерина Николаевна** – кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, e-mail: itropov@ya.ru

**Козлов Николай Дмитриевич** – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: koznik 49. @ mail.ru

**Курмышов Василий Михайлович** – доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

**Левашко Вадим Олегович** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

**Семёнова Людмила Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

**Травкин Сергей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

**Тропов Игорь Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: itropov@ya.ru

**Яковлева Ольга Александровна** – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

## Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

### Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

#### 1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

#### 2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

#### 3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

*Редакционная коллегия:*

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

*тел. (812) 479-90-34*

Для заметок

*Научный журнал*

**Вестник  
Ленинградского государственного университета  
имени А. С. Пушкина  
№ 2**

**серия история**

Редактор *В. Л. Фурштатова*  
Технический редактор *Н. П. Никитина*  
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

---

Подписано в печать 25.04.2008. Формат 60x84 1/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 171

---

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина  
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

---

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а